

ПЕРМСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ART OF SCIENCE

Материалы
VII Всероссийской гуманитарной
научно-практической
конференции

(г. Пермь, ПГНИУ, 1–2 декабря
2023 г.)



МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ART OF SCIENCE

**Материалы VII Всероссийской гуманитарной
научно-практической конференции**

(г. Пермь, ПГНИУ, 1–2 декабря 2023 г.)



Пермь 2024

УДК 3
ББК в7
А81

- А81 **Art of science** [Электронный ресурс] : материалы VII Всероссийской гуманитарной научно-практической конференции (г. Пермь, ПГНИУ, 1–2 дек. 2023 г.) / Пермский государственный национальный исследовательский университет. – Электронные данные. – Пермь, 2024. – 2,49 Мб ; 132 с. – Режим доступа: <http://www.psu.ru/files/docs/science/books/sborniki/Art-of-science-2024.pdf>. – Заглавие с экрана.

ISBN 978-5-7944-4160-4

В сборнике материалов VII Всероссийской гуманитарной научно-практической конференции рассмотрены актуальные проблемы гуманитарных наук, представлены результаты междисциплинарных исследований студентов и аспирантов гуманитарных специальностей.

Сборник рекомендуется специалистам-гуманитариям, аспирантам, студентам и всем тем, кто интересуется проблемами гуманитарных наук.

УДК 3
ББК в7

*Издается по решению ученого совета историко-политологического факультета
Пермского государственного национального исследовательского университета*

Ответственные за выпуск: А. Р. Ехлакова, Д. А. Ренев

Рецензенты: канд. ист. наук, доц. кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Пермского института ФСИН России, майор внутренней службы **С. М. Рязанов**;

 канд. ист. наук, доц. кафедры Отечественной и всеобщей истории, археологии ПГГПУ **Е. В. Матвеев**

ISBN 978-5-7944-4160-4

© ПГНИУ, 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	7
----------------	---

ART OF HISTORY

<i>Радаева Ю. Д.</i> Керамика типа сперрингс на Карельском перешейке: варианты орнаментации.....	6
<i>Джуган А. В.</i> Словесное искусство в древнегреческой медицине: софистика, поэзия, риторика.....	17
<i>Коробочкин И. А.</i> Административные полномочия сената Римской империи в контексте политики «восстановления» республики императора Августа (30 г. до н.э. – 14 г. н.э.)	22
<i>Охлопкова В. А.</i> Патриаршая материальная помощь полоняникам в зеркале расходных книг патриаршего казенного приказа второй половины XVII века	28
<i>Малышева Д. А.</i> Мусульманские метрические книги как источник по генеалогии сибирских татар (XIX–начало XX века)	33
<i>Булдакова Д. Д.</i> Создание специальных структурных подразделений в армиях Германии и России и применение боевых отравляющих веществ в годы Первой мировой войны	38
<i>Газизуллин Т. А.</i> Траектории адаптации консервативных публицистов к русской революции 1917–1921 гг.	45
<i>Нефедова Д. И.</i> «Шесть соток» / рассказ о советском счастье: история массового дачного строительства на примере города Куйбышева в 60-е гг. XX века.....	58

ART OF LITERATURE

<i>Ухтомская Л. А.</i> Сюжет вхождения в картину: проблемы межсемиотического перехода (на материале романа В. Набокова «Подвиг»)	64
<i>Гендрин П. А.</i> Чеховский след в повести Ю. Трифонова «Предварительные итоги» (пьеса «Дядя Ваня»).....	71
<i>Бешимов М. М.</i> Лирический цикл «Стелы и надписи» О. Седаковой как пространство со-бытия читателя и персонажей цикла	79

ART OF SOCIAL SCIENCES

<i>Ковальчук А. И.</i> Учение о «невидимой церкви» в сочинениях Иммануила Канта и Валентина Вайгеля.....	86
<i>Клям В. А.</i> Политические установки народной партии конвента в контексте процесса деколонизации Золотого Берега	97
<i>Неволин С. Ю.</i> Влияние поляризации американской политической системы XXI века на правые течения в демократической партии США.....	105

ART OF CULTURE

<i>Рогаленко Н. А.</i> Разочарование как онтологическая категория постмодерна ..	119
--	-----

CONTENTS

Introduction	5
--------------------	---

ART OF HISTORY

<i>Radaeva Yu. D.</i> Sperrings Ware on the Karelian Isthmus: Variants of Decoration	6
<i>Dzhugan A. V.</i> Literal Art in Ancient Greek Medicine: Sophistic, Poetry, Rhetoric	17
<i>Korobochkin I. A.</i> Administrative Powers of the Senate of the Roman Empire in the Context of the Policy of "Restoration" the Republic of the Emperor Augustus (30 B.C.E.–4 A.D.).....	22
<i>Okhlopkova V. A.</i> The Patriarchal Financial Aid to Polonyanyks in the Mirror of Expenses Books of the Patriarchal Treasury Prikaz of the Second Half of the XVII Century.....	28
<i>Malysheva D. A.</i> Muslim Metric Books as a Source for the Genealogy of the Siberian Tatars (XIX – early XX Centuries)	33
<i>Buldakova D. D.</i> Creation of the Special Structural Units in the Armies of Germany and Russia During the First World War and the Use of Chemical Warfare Agents by these Countries.....	38
<i>Gazizullin T. A.</i> Adaptation of Coservative Political Writers to Russian Revilution 1917 – 1921	45
<i>Nefedova D. I.</i> «Six Acres» / a STory About Soviet Happiness: the History of Mass Suburban Construction on the Example of the City of Kuibyshev in the 60s of the XX Century.....	58

ART OF LITERATURE

<i>Ukhtomskaya L. A.</i> The Plot of Entering into Painting: the Problem of Intersemiotic Transition (Based on V. Nabokov`s Novel «Podvig»)	64
<i>Gendrin P. A.</i> Chekhov's Trace in Y. Trifonov's Story «Preliminary Results» (the Play «Uncle Vanya»)	71
<i>Beshimov M. M.</i> Lyrical Cycle "Steles and Inscriptions" by O. Sedakova1 as a Space of Co-Existence of the Reader and Characters of the Cycle	79

ART OF SOCIAL SCIENCES

<i>Kovalchuk A. I.</i> The Doctrine of the Invisible Church in the Works of Immanuel Kant and Valentin Weigel	86
<i>Klyam V. A.</i> The Political Attitudes of the of the Convention People's Party in the Context of the Gold Coast Decolonization Process	97
<i>Nevolin S. Y.</i> The Influence of Polarization of 21st Century American Political System on the Right-Wing Fraction in the Democratic Party of the US	105

ART OF CULTURE

<i>Rogalenko N. A.</i> Disillusionment as an Ontological Category of Postmodernity	119
---	-----

ВВЕДЕНИЕ

VII Международная гуманитарная научно-практическая конференция «Art of science» – это проект, направленный на популяризацию научной деятельности среди студентов-гуманитариев и объединение молодых ученых, представляющих разные гуманитарные науки, с целью повышения интереса к междисциплинарным исследованиям.

Цель конференции – поддержка интеллектуальной деятельности студентов, направленная на формирование условий для профессиональной, научной самореализации молодых ученых в области гуманитарных наук.

В задачи конференции в 2023 г. вошло:

- содействие развитию студенческих инициатив в области гуманитарных наук, практических и экспертных навыков, с целью популяризации научной деятельности среди студентов;
- развитие творческих и ораторских способностей участников конференции;
- консолидация молодых ученых в сфере гуманитарных наук с целью привлечения большего количества студентов-гуманитариев к научной деятельности и формирования научной площадки для междисциплинарных исследований;
- популяризация новых направлений в российской научной среде и актуализация междисциплинарных подходов к гуманитарному исследованию;
- создание условий для научной, творческой, социально-общественной самореализации молодых ученых и максимального использования их потенциала для развития науки;
- обмен практиками в сфере студенческой научной деятельности, направленный на развитие науки, повышение её значимости для молодых ученых и формирование новых научно-практических площадок в регионах.

Конференция также имеет целью показать участникам и гостям, что наука – это искусство мыслить, задавать вопросы и находить ответы, понятные обществу.

Таким образом, формат реализации проекта исходит из идеи «наука – это не скучно».

В рамках конференции удалось объединить такие исследовательские области, как филология и лингвистика, история, культурология, политология, этнология и др.

КЕРАМИКА ТИПА СПЕРРИНГС НА КАРЕЛЬСКОМ ПЕРЕШЕЙКЕ: ВАРИАНТЫ ОРНАМЕНТАЦИИ

Радаева Юлианна Дмитриевна

Санкт-Петербургский государственный университет,
199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9,
yulianna.radaeva@yandex.ru

В статье представлена характеристика керамики типа Сперрингс раннего неолита Карельского перешейка (5300–4000 кал. лет до н. э.). На материалах пяти памятников прослежены основные элементы орнамента, встречающиеся на керамике данного типа: позвонок, веревочка, линия, гребенка. Отмечены четыре техники нанесения орнамента: прочерчивание, штампование, накалывание, отступление. Также были сопоставлены элементы орнамента с техниками их нанесения на поверхность сосудов. В результате были выделены шесть групп сосудов с орнаментами: позвонком, веревочкой, линиями (прочерчивание), линиями (отступление), линиями (штампование), гребенкой.

Ключевые слова: *Карельский перешеек; ранний неолит; керамические традиции; орнамент; керамика Сперрингс.*

В конце VI–V тыс. до н. э. на территории южной и центральной Финляндии, Карельского перешейка, Карелии распространяется керамика типа Сперрингс. Бытование данной керамической традиции соотносится с периодом раннего неолита. К настоящему времени для Финляндии и Карелии разработаны типологические схемы [Europaеus-Äyräpää, 1930, 1955; Nordqvist, 2018; Титов, 1971; Герман, 2001]. В то же время керамика раннего неолита с Карельского перешейка остается недостаточно изученной, специальных исследований ей не посвящалось. За последние два десятилетия благодаря ряду российских и международных проектов было накоплено значительное количество материалов культуры Сперрингс этого региона, требующих подробного изучения и систематизации.

Керамика Сперрингс очень разнообразна по своему орнаменту, что позволяет исследователям выделять локальные и хронологические варианты данного типа посуды. Впервые такие разработки были представлены в работах А. Европеуса-Эйряпя [Europaеus-Äyräpää, 1930]. Финляндский исследователь установил, что керамика Сперрингс на памятниках может быть представлена в двух последовательно сменяющих друг друга стилях, которые принято обозначать, как Ka I:1 и Ka I:2 (от фин. Kamprakeramiikka – гребенчатая керамика). Керамика стиля Ka I:1

(Сперрингс 1) орнаментирована штрихами, бороздками, небольшими овальными и круглыми углублениями, оттисками в виде римских цифр I и II, а также прямоугольных скобок и букв «Е». А. Европеус-Эйряпяя отмечает шнуровые оттиски (шнур, намотанный на палочку или стержень) [Ibid., p. 173–174]. В работе 1955 года А. Европеус-Эйряпяя выделяет фазы стиля I:1a–с. По краткому описанию и иллюстрациям, можно сделать вывод, что к первой фазе (I:1a) относится керамика, орнаментированная широкими линиями веревочного штампа. В второй фазе (I:1b) появляются различные оттиски штампов, а в третьей (I:1c) – линии коротких штрихов (черточек) и овальные углубления [Äyräpää, 1955, p. 12].

Керамика стиля Ka I:2 (Сперрингс 2) развивается из стиля Ka I:1. На ней все еще встречаются борозды, штрихи и овальные углубления. Исчезают штампы (вероятно, имеются ввиду оттиски в виде римских цифр I и II), шнур («веревочка, намотанная на палочку») и ряды ямок. На смену этим элементам приходит гребенка с несколькими зубцами, имитирующая, по мнению А. Европеус-Эйряпяя, веревочный орнамент [Europeaeus-Äyräpää, 1930, p. 177–178].

Разделение керамики на Сперрингс 1 и 2 используется финляндскими исследователями до сих пор. В последние десятилетия велись исследования, направленные на получение новых АМС-дат по неолитической керамике, сопоставление их с существующими хронологическими схемами и культурными контекстами. К. Нордквист обобщил даты, относящиеся к эпохе неолита Карелии и Финляндии, и получил следующую периодизацию культуры: Сперрингс 1 датирована временем 5300–4400 кал. лет до н. э., а Сперрингс 2 – 4500–4000 кал. лет до н. э. [Нордквист, Меккенен, 2018; Nordqvist, 2018].

П. Песонен в докторской диссертации применяет методы байесовского моделирования для соотнесения радиоуглеродных датировок с типами и фазами неолитической керамики Финляндии. В результате исследователю удалось выявить временные разрывы и периоды сосуществования некоторых керамических традиций. Так, модели Oxcal показали, что керамика Сперрингс 1 исчезает около 4335 кал. лет до н. э., а Сперрингс 2 появляется в 4510 кал. лет до н. э., следовательно, керамика этих двух стилей более 150 лет использовалась совместно [Pesonen, 2021, p. 84].

Разные взгляды на типологию керамики Сперрингс финских и отечественных исследователей, а также некоторые различия в материалах Финляндии и Карелии привели к тому, что на территории России керамика Сперрингс 2 (с гребенчатым орнаментом) не выделялась. Упоминания о керамике Сперрингс с гребенчатым орнаментом, тем не менее, встречаются в отечественной литературе,

но как более поздний этап развития культуры исследователи ее обычно не [Песонен, 1991, с. 77; Герман, 2001].

Ю. В. Титов в орнаменте керамики Сперрингс с территории Карелии выделял три основных элемента: прочерченный (сплошные или с периодическим нажимом линии), позвонковый и веревочный [Титов, 1971, с. 7–8]. Вместе с тем, в других работах исследователя встречаются такие наименования: «отступающая лопаточка», «оттиски грубой веревочки, намотанной на палочку», «неглубокие, часто поставленные оттиски своеобразного штампа, ряды которого создают иллюзию отпечатка плетеной тесьмы» и «оттиски штампа, похожие на римские цифры I и II» [Титов, 1970, с. 224]. Н. Н. Гурина также выделяла сдвоенный угловой штамп, похожий на «перевитую колючую проволоку» [Гурина, 1961, с. 62–63]. Кроме того, Ю. В. Титов отмечал наличие на керамике Сперрингс дополнительных орнаментальных элементов: круглоконические и ромбовидные вытянутые ямки, кольчатые вдавления [Титов, 1970, с. 225].

К. Э. Герман детально описывает элементы орнамента на керамике Сперрингс с территории бассейна Онежского озера. Исследователь выделяет такие элементы: оттиски позвонка, отступающие линии, прочерченные линии, веревочные оттиски, гребенчатые оттиски, ямочные вдавления (круглоконические, подовальные (подромбические), подпрямоугольные подквадратные), фигурные штампы [Герман, 2001].

Таким образом, основываясь на работах финляндских и отечественных исследователей и внешнего облика сосудов Сперрингс Карельского перешейка, можно выделить следующие элементы орнамента: позвонок, веревочка, линия, гребенка, а также ямочные вдавления (как дополнительный элемент). Повторение одних и тех же элементов образует мотив. На керамике Сперрингс Карельского перешейка встречаются такие мотивы, как ряд, елочка, зигзаг.

Вместе с тем, необходимо также учитывать технику (способ) нанесения орнамента. За основу были взяты техники, выделенные в работе Е. Н. Дубовцевой для неолитической керамики Западной Сибири: прочерчивание, отступление, накалывание, штампование [Дубовцева, 2021].

В задачи данной работы входят: характеристика вариантов орнаментации керамики типа Сперрингс на Карельском перешейке, выделение групп сосудов по определенным признакам и их соотношение на памятниках.

В качестве источника выступает керамика Сперрингс, найденная на территории пяти памятников Карельского перешейка (Большое Заветное 4, Комсомольское 3, Силино, Холмогорское 1 и Озерное 3 (рис. 1)) и хранящаяся в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук.



Рис. 1. Расположение рассматриваемых в работе памятников с керамикой Сперрингс на Карельском перешейке

Исследование на территории этих памятников проводились в последние два десятилетия, их изучение велось с применением современных отечественных и зарубежных методик, привлекались методы естественно-научных дисциплин. Кроме того, при отборе коллекций преимущество отдавалось керамике Сперрингс с разными видами орнамента, чтобы наиболее полно продемонстрировать разнообразие посуды этого типа. Всего было рассмотрено 170 фрагментов керамики Сперрингс, выделено 14 условных сосудов. Разделение фрагментов по условным сосудам производилось с учетом таких характеристик, как толщина стенок, форма венчика, элементы и технология нанесения орнамента (табл.).

Характеристика коллекций с керамикой Сперрингс,
рассматриваемых в работе

Название памятника	Кол-во фрагментов	Кол-во фрагментов венчика	Кол-во условных сосудов
Большое Заветное 4	36	5	1
Комсомольское 3	51	11	8
Силино	20	3	2
Холмогорское 1	35	0	2
Озерное 3	28	1	1
Всего	170	20	14

Можно отметить, что коллекции керамики Сперрингс, найденных на территории Карельского перешейка, в целом небольшие, чаще всего присутствуют фрагменты от одного или нескольких сосудов, при этом количество их также невелико. Данное обстоятельство объясняется особенностью методики раскопок малыми площадями, применяемой в последние десятилетия. Коллекции, полученные в результате разведок и раскопок первой половины XX века, могут быть достаточно информативны, особенно для изучения орнаментации и типологического разнообразия керамики Сперрингс.

Памятник Большое Заветное 4 (Räisälä Juoksemajärvi Westend) расположен в Приозерском районе Ленинградской области на западном берегу озера Большое Заветное. Первые находки типичной гребенчато-ямочной керамики и, возможно, керамики Сперрингс в данном месте были сделаны еще в 1911 году финляндским археологом Сакари Пяльси [Halinen at. al., 2008, p. 238]. В 2002 г. на памятнике проводились раскопки российско-финляндской экспедицией [Герасимов, Кулькова, 2003, с. 184–185]. Общая площадь памятника Большое Заветное 4 составляет более 300 м², раскопками была изучена площадь 50 м². Данный памятник был всесторонне исследован с применением естественно-научных методов [Герасимов, Кулькова, 2003; Halinen at. al., 2008]. В работе рассматривается один сосуд Сперрингс, зафиксированный во время раскопок в виде развала на территории данного памятника.

Стоянка Силино (Muola Telkkala) расположена на мысу северо-восточного берега озера Правдинское в Приозерском районе Ленинградской области. Стоянка была открыта в результате разведок в 1984 г. В. И. Тимофеевым. В 2000–2001 гг. Российско-финской экспедицией на стоянке проводились рекогносцировочные раскопочные работы. Стоянка расположена на высоте 17,5 м [Герасимов, Субетто, 2009, с. 41]. Раскопанная площадь памятника составила 12 м². Наличие

подъемного материала у кромки водоема позволило исследователям предположить, что площадь стоянки достигает 2000 м². Важно отметить, что памятник Силино стратифицирован и содержит материалы разных эпох. По нагару на фрагменте керамики Сперрингс была получена AMS дата 4800–4440 кал. лет до н.э. [Герасимов, Субетто, 2009]. В коллекции было выделено два сосуда, относящихся к керамике типа Сперрингс.

Памятник Комсомольское 3 (Pühajärvi Kunnianiemi) на мысу, вдающемся в озеро Комсомольское, расположен в Приозерском районе Ленинградской области. Раскопки проводились в 2006–2007 гг. в рамках российско-финляндского проекта. Раскопанная площадь составила 25 м². Памятник хорошо стратифицирован, между слоями среднего и позднего неолита залегала стерильная прослойка [Герасимов и др., 2008]. По нагару на керамике Сперрингс была получена AMS дата 4530–4370 кал. лет до н. э. [Gerasimov, Kriiska, 2018, p. 303]. Из материалов данного памятника выделено восемь условных сосудов типа Сперрингс.

Поселение Озерное 3 расположено в Выборгском районе Ленинградской области. Памятник был обнаружен С. Н. Лисицыным и С. В. Бельским в 2003 году. В 2006 г. на памятнике проводились раскопочные работы под руководством Д. В. Герасимова. Было заложено два раскопа: площадь раскопа 1–73,5 м², раскопа 2–55 м². Стратиграфическое разделение слоев на памятнике не выражено [Герасимов, 2007]. На территории памятника Озерное 3 был найден один сосуд, относящийся к керамике типа Сперрингс.

Памятник Холмогорское 1 находится в Выборгском районе Ленинградской области. Памятник был обнаружен С. Н. Лисицыным и С. В. Бельским в 2003 г. В 2006 г. на территории проводились раскопочные работы под руководством Д. В. Герасимова. Абсолютная высота террасы, на которой расположен памятник, составляет 25 м над уровнем моря. Культурный слой на всей площади памятника переотложен вследствие разработки песчаного карьера. В результате раскопок на памятнике Холмогорское 1 был получен ценный материал, представляющий собой чистый комплекс периода раннего неолита с керамикой Сперрингс, что обосновывает выбор этой коллекции для исследования [Герасимов, 2007]. В коллекции памятника Холмогорское 1 было выделено два сосуда типа Сперрингс.

Для культуры Сперрингс Карельского перешейка характерны крупные (более 30 см в диаметре), округлодонные сосуды с гладкой поверхностью, прямым венчиком, большим количеством дресвы в составе, толщина стенок в среднем – 10–12 мм. Орнамент покрывает всю поверхность сосуда с внешней стороны, срез

венчика обычно не декорирован, однако встречаются исключения. Также характерно использование одного основного элемента и ямочных вдавлений (в верхней части) для орнаментации всего сосуда.

Среди основных элементов орнамента, преобладающих на конкретном сосуде, чаще всего встречались линии (восемь сосудов). Два сосуда орнаментированы гребенчатыми оттисками, один сосуд – оттисками рыбьего позвонка и один веревочными оттисками. Основным элементом орнамента чаще наносился способом штампования (шесть сосудов) и прочерчивания (четыре сосуда), реже применялось отступление (три сосуда). Только на одном сосуде использовалось накалывание (найден на территории памятника Большое Заветное 4) (рис. 2).

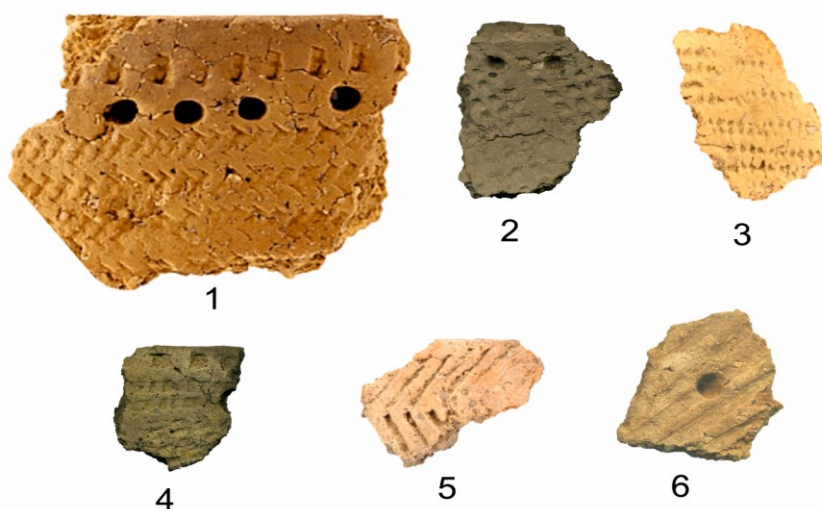


Рис. 2. Орнамент на керамике типа Сперрингс с памятников Карельского перешейка:
1 – позвонок (Большое Заветное 4); 2 – гребенка (Озерное 3); 3 – веревочка (Комсомольское 3);
4 – отступающие линии (Силино); 5 – штампованные линии (Комсомольское 3);
6 – прочерченные линии (Холмогорское 1)

На шести сосудах присутствуют пересекающиеся мотивы (ямочные вдавления нанесены поверх основного орнамента). Наиболее распространенным мотивом является ряд, также встречается елочка и зигзаг.

Была прослежена зависимость между элементом и способом нанесения орнамента. Такие элементы, как веревочка (один сосуд), позвонок (один сосуд) и гребенка (два сосуда) выполнялись способом штампования, вместе с тем, позвонковый орнамент частично наносился способом накалывания. Для орнаментации линиями применялись разные технологии: штампование (один сосуд), прочерчивание (четыре сосуда), отступление (три сосуда). Кроме того, на девяти сосудах в качестве дополнительного элемента выступали ямочные вдавления, для их нанесения применялась технология штампования.

Работа с коллекциями данных памятников показала, что зачастую соотношение сосудов с керамикой Сперрингс 1 или Сперрингс 2 является затруднительным, если основываться только на особенностях орнаментации. Сосуды, декорированные оттисками позвонка или веревочки, с уверенностью можно связать с ранним этапом бытования культуры, а сосуды с гребенчатым орнаментом – с поздним. Однако посуду с орнаментом в виде различных линий (наиболее часто встречающуюся в материалах Карельского перешейка) далеко не всегда можно соотнести с конкретным хронологическим этапом. Тем не менее, пять сосудов были определены, как Сперрингс 1, три сосуда, как Сперрингс 2, и шесть сосудов не получили определения.

Исходя из того, что отнесение части сосудов к подстилям Сперрингс 1 и 2 было условным, представляется более уместным выделение групп по характерному орнаменту, а не по этапам развития керамики. В результате просматривается шесть групп сосудов с определенными типами орнамента: позвонок, веревочка, линии (прочерчивание), линии (отступление), линии (штампование), гребенка. Группа с позвонковым орнаментом встречена только на территории памятника Большое Заветное 4, с гребенчатым – Озерное 3. В комплексах Холмогорское 1 и Силино присутствуют сосуды, относящиеся к группам с прочерченными и отступающими линиями. В материалах памятника Комсомольское 3 прослеживается пять групп сосудов: с веревочкой, линиями (прочерчивание), линиями (отступление), линиями (штампование), гребенкой (рис. 3).

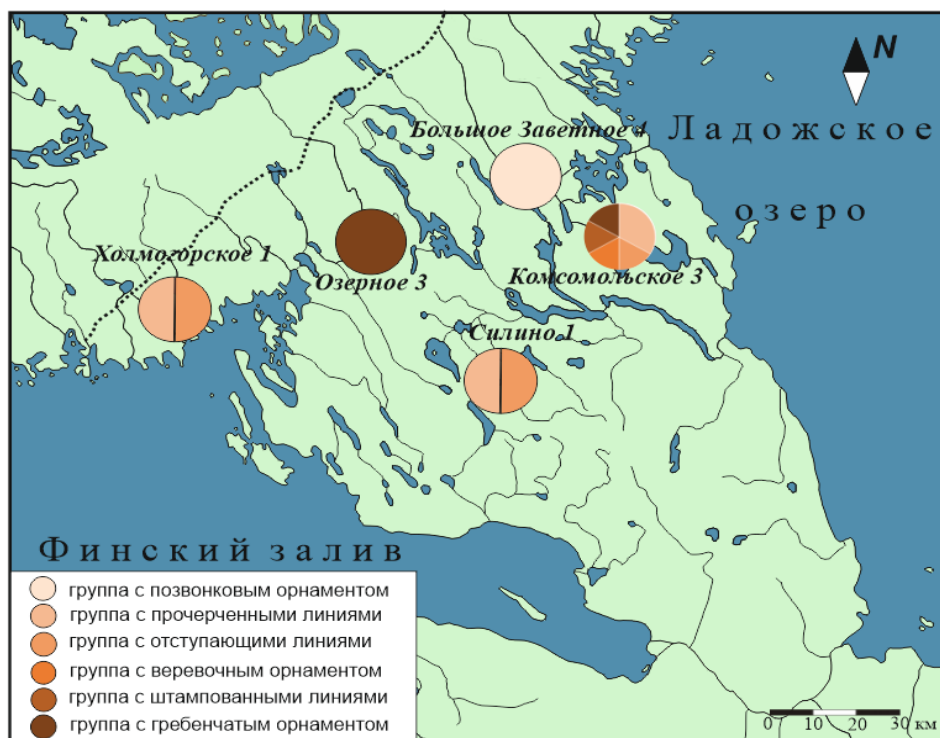


Рис. 3. Распределение по памятникам групп сосудов, выделенных по элементам и технологии нанесения орнамента

Таким образом, удалось охарактеризовать весь спектр элементов и технологий, встреченных на керамике типа Сперрингс, найденных на площадях памятников Карельского перешейка. Были выделены группы сосудов по элементам и технологиям их нанесения. Аналогии этим группам были найдены в материалах Карелии и Финляндии. Также на карте Карельского перешейка было показано наличие той или иной группы на территориях памятников. Наиболее часто встречающимся орнаментом на керамике Сперрингс рассматриваемых памятников Карельского перешейка являются линии. Исследователи отмечают, что такой орнамент присутствует на всем протяжении существования культуры [Герман, 2001], поэтому в процентном отношении он превалирует над веревочкой, позвонком (характерными только для Сперрингс 1) и гребенкой (появляющейся на этапе Сперрингс 2).

Возможно, в сознании древнего человека не было принципиальных различий между орнаментацией веревочкой, линиями в технологии отступания и гребенкой. Так, А. Европеус-Эйряпяя считал гребенку повторением веревочного штампа, а Н. Н. Гурина, в свою очередь, высказывалась о том, что линии, выполненные способом отступания, могли являться прообразом гребенчатого штампа [Europeus-Äyräpää, 1930, p. 177–178; Гурина, 1961, с. 61]. На основании просмотра ряда публикаций и археологического материала можно предположить, что применение разных видов орнаментации керамики Сперрингс (позвонок, веревочка, различные линии, гребенка) являлось выражением одной общей идеи – придания глиняным сосудам сходства с плетеными емкостями из органических материалов. Мы видим проявления этой идеи в наложении мотивов друг на друга, наличие пересекающихся под углом линий, в морфологии орнаментальных элементов.

Разбор нескольких комплексов показал, что в коллекции, найденной на территории одного памятника, могут присутствовать разные группы сосудов Сперрингс. В дальнейшем в рамках исследования планируется рассмотреть керамику Сперрингс, найденную на площадях других памятников Карельского перешейка, выделить памятники, схожие по соотношению разных групп сосудов, и локальные варианты.

Библиографический список

Герасимов Д. В., Кулькова М. А. Хронологическая атрибуция археологических комплексов многослойных памятников Силино и Большое Заветное 4 на Карельском перешейке по геохимическим данным // Неолит–энеолит юга и неолит севера Восточной Европы. СПб. 2003. С. 181–192.

Герасимов Д. В. Отчет об археологических раскопках поселений каменного века – эпохи раннего металла в Выборгском районе Ленинградской области в 2006 г. СПб., 2007.

Герасимов Д. В., Сейтсонен О., Нордквист К. «Береговая хронология» и история Ладоги в свете результатов раскопок археологического комплекса Комсомольское 3 в 2007 г. // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2007 г. СПб. 2008. С. 188–193.

Герасимов Д. В., Субетто Д. А. История Ладожского озера в свете археологических данных // Известия Российского государственного педагогического университета им. Герцена. 2009. № 106. С. 37–49.

Герман К. Э. Памятники с керамикой сперрингс в бассейне Онежского озера: дисс. ... канд. ист. наук. СПб.: ИИМК РАН, 2001. 403 с.

Гурина Н. Н. Древняя история Северо-запада европейской части СССР // Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1961. №87. 524 с.

Дубовцева Е. Н. Традиции керамического производства в неолите севера Западной Сибири. Т. 1: дисс. ... канд. ист. наук. Екатеринбург. 2021. 234 с.

Нордквист К., Меккенен Т. Новые данные по археологической хронологии Северо-Запада России: АМС-датировки неолита – энеолита Карелии // Тверская археологическая служба. Тверь, 2018. С. 39–68.

Песонен П. Э. Хронология и периодизация культуры сперрингс // Хронология и периодизация археологических памятников Карелии. Петрозаводск, 1991. С. 65–85.

Титов Ю. В. Об орнаменте керамики сперрингс // Советская археология. 1970. № 1. С. 224–226.

Титов Ю. В. Керамика древних поселений Карелии как исторический источник: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1971. 24 с.

Äyräpää A. Den yngre stenålderns kronologi i Finland och Sverige // Finskt Museum. 1955. P. 5–52.

Europaeus-Äyräpää A. Die Relative Chronologie der Steinzeitlichen Keramik in Finland // Acta Archaeologica. 1930. № 1. P. 165–190.

Gerasimov D., Kriiska A. Early-Middle Holocene archaeological periodization and environmental changes in the Eastern Gulf of Finland: Interpretative correlation // Quaternary International. 2018. Vol. 465, Part B. P. 298–313.

Halinen P., Seitsonen O., Seitsonen S., Nordqvist K. Excavations at the Juoksemajärvi Westend Stone Age dwelling site in 2002 // Karelian Isthmus – Stone Age studies in 1998–2003 / ed. M. Lavento. Helsinki: The Finnish Antiquarian Society, 2008 (Iskos; Vol. 16). P. 235–265.

Nordqvist K. The Stone Age of North-Eastern Europe 5500–1800 cal. BC. Bridging the Gap between the East and the West. Oulu: University of Oulu, 2018. 168 p.

Pesonen P. Continuity and discontinuity in Early, Middle and Late Neolithic pottery types of Eastern Fennoscandia. Reflections from Bayesian chronologies: Doctoral dissertation. Helsinki, 2021. 156 p.

SPERRINGS WARE ON THE KARELIAN ISTHMUS: VARIANTS OF DECORATION

Radaeva Yulianna D.

Saint-Petersburg State University,
199034, Russian Federation, Saint-Petersburg, University Emb., 7/9,
yulianna.radaeva@yandex.ru

The article presents the characteristics of Sperrings Ware of the Early Neolithic (5300-4000 calBC) of the Karelian Isthmus. The main elements of the ornamentation on Sperrings Ware are revealed on the materials of five sites: a fish vertebra, a cord, a line, a comb. Four techniques have been identified on the ceramics studied: stamping, puncturing, puncturing-incising, cutting. The elements of the ornament were also compared with the techniques of their application to the surface of the vessels. As a result, six groups of vessels were identified: vertebra, cord, comb, lines (cutting), lines (puncturing-incising), lines (stamping).

Key words: *Karelian Isthmus; Early Neolithic; Ceramic Tradition; Decoration; Sperrings Ware.*

СЛОВЕСНОЕ ИСКУССТВО В ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОЙ МЕДИЦИНЕ: СОФИСТИКА, ПОЭЗИЯ, РИТОРИКА

Джуган Арина Васильевна

Саратовский государственный национальный исследовательский университет
им. Н. Г. Чернышевского, 410012, Россия, Саратов, ул. Астраханская 83,
dzhugan44@gmail.com

Древнегреческая медицина, несмотря на замкнутость врачебного сословия, объединенного сакральным знанием врачебного искусства, в условиях действия демократических начал имела публичный характер. Врач обязывался поддерживать адекватную коммуникацию с больными, коллегами и широким кругом людей, включавшим в себя потенциальных пациентов и учеников. Медицинская риторика являлась отражением главных идеалов медицины Древней Греции, тогда как врач был носителем социальных норм искусства, которые он выражал посредством языка. В данном исследовании медицинские речи рассмотрены с позиции софистики, поэтики и риторики с преобладанием последней. Выявлена общая для античной медицины и риторики ценность – доказательность.

Ключевые слова: *Античная медицина; античный врач; софистика; поэзия; риторика.*

Ораторское искусство Древней Греции являлось одним из главных маркеров греческой цивилизации. Полисный строй с его уникальной судебной системой, включавшей в себя состязательный процесс между обвинителем и обвиняемым, обязывал каждого гражданина владеть словом. Грамотно выстроенная аргументация могла гарантировать поддержку судей, из-за чего получило развитие написание речей за плату и обучение красноречию, сосредоточенное в руках софистов. Востребованность слова в публичной среде привела к возникновению теорий, посвященных речам и поэтическому искусству: первопроходцем в деле их систематизации был Аристотель. В его «Поэтике» и «Риторике» звук, слово, предложение и речь становились не столько средством для создания текста, сколько предметом научного изыскания: у Аристотеля поэтика и риторика приобретали статус искусства – *τέχνη*, где поэтика была искусством подражания, а риторика – искусством убеждения. Соблюдая правила и принципы словесной отрасли, человек становился носителем постигаемого ремесла, но в то же время поэтика и риторика использовались как универсальные законы построения речей в других сферах, не связанных напрямую с публичной деятельностью.

Таковой была медицина, требовавшая от врача адекватного способа коммуникации с больными, медицинским сообществом и с публикой, состоящей из

потенциальных пациентов и учеников. Еще в сочинении «О благоприличном поведении» Гиппократового сборника автор, перечисляя качества идеальных врачей, указывал, что те пользуются способностью красноречия [Гиппократ, 1936, с. 110]. В этом смысле многие известные сочинения выше названного корпуса созданы с целью произнесения их на публике. Так, в вводной статье к сочинению «О древней медицине» В.П. Карпов отмечает, что трактат написан «автором, знакомым с ораторскими приемами» [Карпов, 1936, с. 143], которого в дальнейшем называет иатрософистом (ιατρός – врач; σοφιστής – софист). Написание речей и частые выступления на публике были связаны с их особым образом жизни, подразумевавшим многочисленные переезды, когда врачи-периодевты, иным словом – путешественники, искали заработок и славу вдаль от родных мест. Но и в самой Аттике находились умелые голоса медицины. В знаменитом диалоге Платона «Пир» выступил с монологом друг Сократа – врач Эриксимах, взявший за основу философской речи сравнение врачебного искусства с витальной силой Эрота.

Однако к красноречию врачебного сословия относились предвзято, несмотря на естественное взаимодействие врача с широким кругом лиц на уровне практики и связь между словом и профессией на уровне языка. В V в. до н. э. к словесному искусству начали применяться два обобщающих термина ποιήσις (от греч. ποίεω – делаю) и τέχνη [Гаспаров, 1978, с. 33]. Впоследствии понятие ποιήσις стало отождествляться со стихотворным произведением – отсюда привычное нам слово «поэзия», а τέχνη превратилось в собирательный термин, обозначающий мастерство писателя в принципе. Близкая к ним софистика также имела значение действия и навыков, основываясь на исходном слове σοφισμα – мастерство, умение, искусство.

На примере медицинской литературы данные термины также имеют отличные друг от друга смыслы. Τέχνη воспринималось всеобъемлющей характеристикой всей медицинской деятельности или работы отдельного врача: «Медицина (ἱητρικὴ τέχνη) поистине есть самое благородное из всех искусств» [Гиппократ, 1936, с. 93]. Σόφισμα, в свою очередь, означала законченные теоретические учения в медицине – «прекрасные доктрины (σοφισμάτων τὰ κάλλιστα), которые ее составляют» [Гиппократ, 1941, с. 151]. А ποιήσις имело более узкую направленность и употреблялось в качестве упоминания врачебных манипуляций: «после этого сделать (ποιοῦντων) пессарий, как суппозитории» [Гиппократ, 1941, с. 153] или рецептов: «капусту и порей сварить в воде и из этой воды сделать (ποιήσον) припарку обычным способом» [Гиппократ, 1941, с. 176]. Таким

образом, ровно как различные словесные практики входили в сферу писательского мастерства, так и действия врача являлись лишь малым отражением его медицинского искусства в целом.

Представление поэзии в качестве уникального умения подражания с помощью выразительных средств речи отмечается в следующем отрывке: «Не надо приводить свидетельства поэтов (ποιητικῆς), ибо это трудолюбие показывает бессилие» [Гиппократ, 1936, с. 124]. Отрицание поэзии в античной медицине объяснялось тем, что врачевание, базирующееся на знании и опыте, не могло опираться на недостоверные, далекие от реальности источники. А в поэзии, отмечал Аристотель, автор не застрахован от ошибок, а средства подражания делали в поэзии предпочтительнее невозможное, но убедительное, чем возможное, но неуверительное [Аристотель, 1983, с. 678]. Именно из-за этого описанные поэтами явления не могли стать доказательной базой для врачебного искусства. Подобной репутацией пользовались софисты в медицине, в иных переводах – философы, которые в своих рассуждениях отталкивались от абстрактных теорий вместо выполнения практических задач настоящего врача. Из этого следует, подытоживает автор, что софистика относится, скорее, к живописи (γραφικός – искусство живописи и письма), чем к медицине, а поведение софистов схоже с героями трагедий, которые «носят одежду и маску актера» [Гиппократ, 1936, с. 93].

Другая же отрасль, риторика, была более понятной и необходимой медицине практикой и представляла собой «искусство находить возможные способы убеждения» [Аристотель, 2000, с. 224]. Используя мысль и факты, риторика разделяла научные ценности врачевания. Их синтез был возможностью написания и исполнения правильных, логически выверенных речей, способных увеличить шансы на получение желаемой славы, богатства и авторитета. Однако достижение успеха зависело от выполнения врачом двух фундаментальных принципов.

Во-первых, рациональная медицина строилась не на мнениях, а на рассуждениях. Мнения, далекие от истины, создавали хаос в зависимом от природы медицинском искусстве, из-за чего врачевание теряло статус благородного и тяготело к негативным значениям софистики как «искусства наживы с помощью мнимой мудрости» [Аристотель, 1978, с. 555]. Поэтому врачу предлагалось применять «рассуждение (διδάσκω) на основании изученной работы» [Гиппократ, 1936, с. 111], призывающего служить правде, а не лжи; всему искусству, а не самолюбованию врача, иначе речи становились объектом осуждения и насмешек. Обратимся к древнегреческому комедиографу IV в. до н. э. – к Менандру. В его комедии «Щит» создается образ врача-обманщика, который, притворяясь настоящим лекарем, помимо смены одежды, должен был вести лишенные

смысла диалоги на около медицинскую тематику, совершенно не понимая сказанного:

«Дам палку, плащ и накладные волосы –

Пусть вдоволь мелет чушь» (ξευιεί – удивляет, изумляет, поражает) [Менандр, 1982, с. 185].

Карикатурные речи докторов, выставивших напоказ самохвальство, отсутствие знаний и опыта, придавали медицине несерьезный характер или более – её «неискусность (ατέχνη)», недостойную похвалы.

Во-вторых, вместо пустословия поощрялась лаконичная, но содержательная речь, т.н. «краткословность (βραχυλογία)». Так, не исключая то, что врачу следовало следить за внешностью и поддерживать хороший вид, ему стоило «не заводить разговоров о многих предметах, а только необходимых», сохраняя покой. Спустя несколько веков осуждал излишние речи Гален – великий греческий врач эпохи Римской империи, оставивший богатое наследие по разнообразным дисциплинам медицины и смежным с ней логики, философии, риторики. По его мнению, чем больше успешный специалист получал похвалы, тем более эта ситуация вызывала зависть среди других врачей, которые, обесценивая заслуги коллеги, называли его «врачом на словах (λογίατρον)» [Пролыгина, 2017, с. 15]. Из этого следует то, что успешному среди пациентов врачу нужно воздерживаться от тягот общественной жизни, «не устраивать ни публичных лекций, ни демонстрации» [Пролыгина, 2017, с. 14].

Данные принципы составляли суть «медицинской риторики» – понятия, введенного И. В. Пролыгиной [Пролыгина, 2023, с. 15]. Доказательные речи были неотъемлемой частью образа идеального врача: поэтому связь знания и риторических техник наделяла слова целительными свойствами. Схожие мысли высказывал Исократ, сравнивший болезненные, но необходимые медицинские манипуляции с воздействием правильной речи: «Нет иного лекарства для душ невежественных и преисполненных дурными устремлениями, кроме как речь (λόγος), дерзающая порицать за ошибки» [Исократ, 2013, с. 157]. Таким образом, медицинская речь являлась эффективным средством транслирования медицинского искусства в массы.

Не отрицая необходимость владения речью, она находилась в рамках, диктуемым строгим образом идеального врача, повышая ответственность за сказанные слова.

Список источников

Аристотель. Сочинения. В 4-х т. Т. 2. Ред. 3. / Н. Микеладзе. М., «Мысль», 1978. 687 с.

Аристотель. Сочинения. В 4-х т. Т. 4 / пер. с древнегреч.; общ. ред. А. И. Доватура. М.: Мысль, 1983. 830 с.

Аристотель. РИТОРИКА. / пер. с древнегреч. и прим. О. П. Цыбенко; под ред. О. А. Сычева и И. В. Пешкова.); Поэтика / пер. В. Г. Аппельрота; под ред. Ф. А. Петровского.); сопр. ст. В. Н. Марова. М.: Лабиринт, 2000. 224 с.

Гиппократ. Избранные книги / пер. В. И. Руднева. М.: Государственное издательство биологической и медицинской литературы, 1936. 736 с.

Гиппократ. Избранные книги / пер. В. И. Руднева). М.: Государственное издательство биологической и медицинской литературы, 1941. 736 с.

Малые аттические ораторы. Речи. Письма / изд. подгот. Э. Д. Фролов. М.: Ладомир, 2013. 1072 с.

Библиографический список

Гаспаров М. Л. Аристотель и античная литература. М.: Наука, 1978. 228 с.

Менандр. Комедии. Фрагменты. М.: «Наука», 1982. – 574 с.

Пролыгина И. В. Гален. О собственных книгах // Schole, СХОЛЭ. 2017. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/galen-o-sobstvennyh-knigah> (дата обращения: 25.12.2023).

Пролыгина И. В. О медицинской риторике Галена // ГИПОТЕКА. 2023. №7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-meditsinskoj-ritorike-galena> (дата обращения: 25.12.2023).

LITERAL ART IN ANCIENT GREEK MEDICINE: SOPHISTIC, POETRY, RHETORIC

Dzhugan Arina V.

Saratov State University

410012, Russian Rederation, Saratov, Astrachanskaya str., 83,

dzhugan44@gmail.com

Ancient Greek medicine, despite the closed nature of the medical profession, united by the sacred knowledge of the medical art, had a public character under the conditions of democratic principles. The physician was obliged to maintain adequate communication with patients, colleagues and a wide range of people, including potential patients and pupils. Medical rhetoric was a reflection of the main ideals of medicine in ancient Greece, while the physician was the holder of social norms of art, which he expressed through language. In this study, medical speeches are examined from the perspectives of sophistry, poetics, and rhetoric, with the dominance of the latter. The value common to medicine (including modern medicine) and rhetoric - evidentiary value - is revealed.

Key words: *Ancient medicine; ancient doctor; sophistry; poetry; rhetoric.*

**АДМИНИСТРАТИВНЫЕ ПОЛНОМОЧИЯ СЕНАТА
РИМСКОЙ ИМПЕРИИ В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИКИ
«ВОССТАНОВЛЕНИЯ» РЕСПУБЛИКИ ИМПЕРАТОРА АВГУСТА
(30 Г. ДО Н.Э. – 14 Г. Н.Э.)**

Коробочкин Илья Александрович

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15,
ilya20037@gmail.com

В статье приводится обзор административных полномочий сената в период деятельности первого прицепса – Октавиана Августа (30 г. до н.э. – 14 г. н.э.), проводится сравнение с полномочиями императора. Определен характер отношений между двумя основными административно-политическими органами в период установления новой государственной организации Рима, получившей в историографии наименование «империи» (в римской традиции утверждалось о «восстановлении» Республики). Делается вывод о том, что на протяжении рассматриваемого временного промежутка между императором и сенатом существовали отношения, которые можно охарактеризовать как сотрудничество.

Ключевые слова: Римская империя; принципат; сенат; администрация; провинция; наместник; городское управление; куратор

I век до н.э. стал переломным периодом для Римского государства. Дегра-
дация римской полисной (в римской традиции – *civitas*) системы и связанные с
ней попытки выхода из кризиса погрузили страну в гражданские войны [Ут-
ченко, 1965, с. 28–32]. Восстания италиков, движение рабов, дальнейшее терри-
ториальное расширение государства разрушали основы старого порядка. Выхо-
дившие на сцену новые политические деятели, такие как Марий, Сулла, Помпей,
Цезарь, стремились урегулировать положение в стране, представляя своеобраз-
ные проекты преобразований. Но сохранение старой политической системы ока-
залось невозможным. Сложился своеобразный «кризис без альтернативы» [Ме-
жерицкий, 2016, с. 198], найти выход из которого удалось только Октавиану Ав-
густу. Каким же образом он смог это осуществить?

Решение было найдено в создании системы «восстановленной» респуб-
лики, при котором сохраняются основные политические организации, но изме-
няется их структура, круг полномочий, а также способ формирования. При этом
были созданы и новые учреждения для поддержания сложившегося положения.
Главным наведением стало установление должности императора (в римской тра-

диции – принцепса). Именно от наименования последнего в историографии закрепились обозначения всего периода Римской истории от 30 г. до н.э. до 284 г. н.э. как периода «принципата».

Характер взаимоотношений между основными составляющими нового государственного устройства представляет особый интерес для исследователей. На протяжении последних двух столетий (от времени складывания современной исторической науки в н. XIX в. до наших дней) ведутся непрекращающиеся споры по этому вопросу. От ответа на данный вопрос зависит, на наш взгляд, более полное понимание сущности всей системы принципата.

Как мы видим, новая система, установленная императором Августом, существовала на протяжении трех веков. Безусловно, в ней происходили изменения, которые составляют предмет отдельного монографического исследования. В рамках данной статьи мы постараемся разобрать только маленькую составляющую большого механизма – рассмотреть характер взаимодействия двух основных участников политической жизни государства: императора и сената на временном отрезке 30 г. до н.э. – 14 г. н.э., совпадающем со временем складывания основных черт новой политической системы. Будут рассмотрены только административные полномочия, являющиеся следствием политических.

При рассмотрении данной темы мы будем использовать историко-институциональный подход, нашедший наиболее завершенное выражение в работах Д. Норта. Институты – основа всей историко-философской концепции – это «правила» игры [Норт, 1997, с. 17]. А «непосредственными игроками, ведущими свою деятельность в рамках установленных правил», выступают организации [Норт, 1997, с. 19]. Институты формируют определенные возможности, которые используют члены общества. По мере своего развития организации могут изменять институты [Норт, 1997, с. 23]. Таким образом, между организациями и институтами образуется диалектическая связь.

Данную концепцию, на наш взгляд, можно легко применить к римской истории. Так, применительно к рассматриваемому периоду, основным институтом будет выступать империя, точнее, ее политическая составляющая, определяющая основные правила. А организациями, соответственно, император и сенат. Перейдем к непосредственному рассмотрению административных полномочий каждой из организаций для дальнейшего определения характера взаимодействия между ними.

13 января 27 г. до н.э. вся территория Римской империи была разделена между сенатом и императором. Пограничные провинции перешли под руковод-

ство императора (наместниками назначались императорские легаты), а внутренние провинции (управлялись проконсулами или пропреторами) отошли сенату (Cass. Dio., LIII. 12.; Suet. Divi Aug. XLVII.). Так, в ведении сената находились Азия, Вифиния-Понт, Македония, Иллирик, Ахайя, Кипр, Крит и Кирена, Бетика, Африка, Нумидия, Сицилия, Сардиния, остальные контролировались императором [Егоров, 2017, с. 224–225].

Как мы можем заметить, сенату достались самые богатые провинции, от рационального управления которыми зависела не только целостность самого государства, но и существование Рима: через эти провинции проходили главные торговые пути, снабжавшие Город продовольствием, через них осуществлялось и движение основного потока капиталов в стране.

Но факт присвоения провинции статуса сенаторской еще не означал полного невмешательства в ее внутренние дела императора. Хорошим примером могут служить сохранившиеся эдикты Августа из Киренаики. Например, в четвертом эдикте принцепс дает указания сенаторскому наместнику данной территории [Машкин, 1938, с. 182] касательно организации судебного процесса в области. Однако последующее сенатское решение показывает, что судебные процессы, затрагивающие вопросы законности действий самого наместника, рассматриваются в ответ не императором, а сенатом [Машкин, 1938, с. 182–183].

Таким образом, данный пример косвенно показывает, что в ключевых вопросах административной практики сенат сохранил свои полномочия. Он мог самостоятельно отстранять наместников. Эдикт принцепса затрагивает лишь вопросы, касающиеся установления общих принципов управления в отдельной провинции, а также на территории всей империи, определяя, таким образом, траекторию развития всего государства.

Существует, однако, точка зрения, что разделение провинций носило формальный характер, не вливший на суть управления отдельными регионами. Вся власть в них, таким образом, принадлежала наместникам. Сенат и император выступали равными партнерами, регулируя общие вопросы управления; они могли взаимно вмешиваться в дела любых провинций, тем самым выходя за рамки установленной юрисдикции [Millar, 2002, р. 289–291]. Однако круг сохранившихся источников, на наш взгляд, не позволяет сделать такой вывод о характере разделения территории государства.

Рассмотрение провинциальной администрации стоит завершить только вопросом о назначении и подотчетности имперских представителей на местах, т.к. отдельные города, составляющие провинцию, обладали самоуправлением, вопросы отправления которого выходят за рамки темы.

Своеобразным камнем преткновения стал сам Рим, контролировавший не только Италию, но и всю империю. Номинально город остался в управлении «сената и римского народа», о чем нам сообщают «Деяния божественного Августа» (RgdA, XXXIV. 1.). Исполнительными органами власти, участвовавшими в управлении городом, являлись магистраты, избираемые до 14 г. до н.э. народными собраниями. Несмотря на угасание последних, они номинально сохраняли свои полномочия в рассматриваемый нами период. Стоит заметить, что магистраты после избрания пополняли собой состав сената. Сразу после смерти первого императора выборы ежегодных должностных лиц были перенесены в сенат (Тас., Ann. I. 15. 1–2.), что определило его самовозобновляемость. Влияние сената на магистратов позже сильно возрастет.

Прямое пересечение интересов сената и принцепса наблюдается в деятельности вновь созданных городских должностей. В 22 г. Августом была создана должность префекта для раздачи хлеба (*frumenti dandi*), причем на эту должность назначались претории. С 20 г. до н.э. стали назначаться кураторы дорог (*curator viarum*) [Talbert, 1984, p. 273–275]. В 15 году произошло назначение куратора берегов и русла реки Тибр (*curator riparum et alvei Tiberis*), глава которых назначался из консуляров. В 11 г. до н.э. была учреждена должность кураторов водопроводов (*curator aquarum*). Число уполномоченных равнялось трем, причем управляющими акведуков назначались консуляр, преторий и один сенатор более низкого ранга [Eck, 1998, S. 68–69]. Существовали также и другие должности по городскому управлению: кураторы для поддержания порядка в общественных местах (*curatores locorum publicorum indicatorum*), возглавляемые консулом; кураторы для обнародования указов (*curators tabularum publicarum*), кураторы священных зданий и общественных работ (*curators aedium sacrarum et operum locorumque publicorum*), избиравшиеся также из консуляров [Talbert, 1984, p. 273–274]. Сенат получил возможность одобрять кандидатов на эти должности, а назначение производил сам император [Jacques, Scheid, 1998, S. 79–80].

В 26 г. до н.э. Августом была возрождена старая римская должность городского префекта (*praefectus urbi* – Тас., Ann. VI. 11. 3–6.), в обязанности которого входил надзор за всеми вышеупомянутыми должностными лицами, кроме куратора водопроводов, обязанности которого распространялись на всю Италию. Полномочия городского префекта исполнялись консуляром, назначавшимся императором [Машкин, 1949, с. 406; Нетушил, 2016, с. 237–247]. Таким образом в руках сенаторов в эпоху Августа сконцентрировалось почти все римское городское управление.

Несмотря на то что назначения на данные должности производились императором, вакантные места замещались именно членами сената, которые, в дальнейшем, осуществляли самостоятельную деятельность в рамках существующих обязанностей, более того, имели даже свой небольшой штат сотрудников (см. выше о должности куратора водопроводов). Данный пример демонстрирует еще один компромисс между сенатом и принцепсом: итоговое назначение осуществляет император, однако он мог выбирать только из членов сената. Он не мог назначить на рассматриваемые должности прокураторов.

Таким образом, перед нами в самых общих чертах предстает картина осуществления административных полномочий как на территории Рима и Италии, так и на более широком уровне – общеимперском. Сенат и сенаторы осуществляли конкретные полномочия на местах, являясь выразителями римской власти. Принцепс же ограничивался определением общих черт управления, не вмешиваясь в конкретные дела на подконтрольных сенату территориях. В вопросах управления Рима также наблюдается согласие между императором и сенатом: император назначает должностное лицо только из состава сената.

Данные обстоятельства позволяют заявлять, что в рассматриваемый период между императором и сенатом устанавливаются отношения прямого сотрудничества, осуществлявшиеся в рамках конструкта «восстановленной республики», определявшем правила игры. Определенная самостоятельность сената в вопросах управления создавала иллюзию сохранения республиканских порядков. Август, принявший во внимание неудачный опыт предшественников, не решился коренным образом перестроить государство, что обязывало его следовать республиканским традициям. Однако подконтрольность лично императору половины государства, а также возможность определять вектор его развития заложили потенциальную возможность слома данного равновесия, что и произойдет в дальнейшем.

Библиографический список

Егоров А. Б. Рим: от республики к империи. СПб.: Наука, 2017. 309 с.

Машкин Н. А. Принципат Августа. Происхождение и социальная сущность. М.; Л.: Изд-во Акад. Наук СССР, 1949. 687 с.

Машкин Н. А. Эдикты Августа из Киренаики // Вестник древней истории. 1938. № 3. С. 180–192.

Межеричкий Я. Ю. «Восстановленная республика» императора Августа. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2016. 991 с.

Нетушил И. В. Очерк римских государственных древностей. Т. 2: Государственное устройство Римской империи в эпоху принципата. Харьков: ХНУ имени В. Н. Каразина, 2016. 404 с.

Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. 180 с.

Утченко С. Л. Кризис и падение Римской республики. М.: Наука, 1965 288 с.

Eck W. Die Verwaltung des Römischen Reiches in der Hohen Kaiserzeit: ausgewählte und erweiterte Beiträge. Bd. 2. Basel; Berlin: F. Reinhardt, 1998. 431 p.

Jacques F., Scheid, J. Rom und das Reich in der hohen Kaiserzeit 44 v. Chr. - 260 n. Chr.: Band I. Die Struktur des Reiches. Stuttgart; Leipzig: B. G. Teubner, 1998. 497 S.

Milla F. Rome, the Greek World, and the East. Vol. 1. The Roman Republic and the Augustan Revolution. Chapel Hill and London: The University of North Carolina Press, 2002. 416 p.

Talbert R. J. A. The Senate of Imperial Rome. Princeton: Princeton University Press, 1984. 608 p.

ADMINISTRATIVE POWERS OF THE SENATE OF THE ROMAN EMPIRE IN THE CONTEXT OF THE POLICY OF "RESTORATION" THE REPUBLIC OF THE EMPEROR AUGUSTUS (30 B.C.–14 A.D.)

Korobochkin Ilia A.
Perm State University,
614990, Russian Federation, Perm, Bukireva str.,15,
ilya20037@gmail.com

The article gives an overview of the administrative powers of the Senate during the period of activity of the first princeps - Octavian Augustus (30 BC - 14 AD). The comparison with the powers of the emperor is consistently carried out. This comparison will allow us to determine the nature of relations between the two main administrative and political bodies during the establishment of a new state organization of Rome, which received in historiography the name of "empire" (in the Roman tradition it was claimed about the "restoration" of the Republic). It is consistently concluded that during the time period in question there were relations between the emperor and the Senate, which can be characterized as cooperation.

Key words: Roman Empire; principate; senate; administration; province; viceroy; city government; curate

ПАТРИАРШАЯ МАТЕРИАЛЬНАЯ ПОМОЩЬ ПОЛОНЯНИКАМ В ЗЕРКАЛЕ РАСХОДНЫХ КНИГ ПАТРИАРШЕГО КАЗЕННОГО ПРИКАЗА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII ВЕКА

Охлопкова Виктория Александровна

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

119991, Россия, Москва, ул. Ленинские горы, 1

ohlopkovava@my.msu.ru

Для исследователей благотворительной деятельности Московского Патриаршего дома наиболее сложными для анализа являются те категории получателей патриаршей милостыни, которые подотчетны нескольким учреждениям. Таковыми являются, в частности, полоняники, по состоянию на вторую половину XVII в. находившиеся в ведении Патриаршего Казенного, Посольского и Полоняночного приказов. Внимание автора статьи сосредоточено на материальной помощи первого уже выкупленным полоняникам, вернувшимся на родину. В статье проанализированы тексты челобитных полоняников, сохранившиеся в составе материалов расходных книг Патриаршего Казенного приказа. Исследование показало, что фиксированных сумм для полоняников не было, а также то, что размер выплаты не зависел от социального статуса получателя (как правило, даже не указывался). При этом выданные деньги были весомыми для полоняников и давали возможность обеспечить пропитание по меньшей мере в течение нескольких недель. Результаты исследования указывают на важность личных обстоятельств челобитчиков и, соответственно, на значимость реконструкции текстов, не дошедших до наших дней челобитных полоняников на основе материалов расходных книг и необходимость источниковедческого исследования последних в целом.

Ключевые слова: Русская Церковь; Патриарший Казенный приказ; Патриарший дом; патриаршая благотворительность; расходные книги; челобитные; полоняники.

Расходные книги Патриаршего Казенного приказа – исторический источник, обладающий значительным информационным потенциалом по вопросу о выдаче милостыни нуждающимся московскими патриархами, особенно во второй половине XVII в. Сведения в расходных книгах структурированы по статьям расходов и в большинстве случаев расположены по хронологии выдач денег.

Расходные книги Патриаршего Казенного приказа интересуют нас прежде всего с источниковедческой точки зрения, однако они являются важным источником для изучения благотворительности Патриаршего дома.

Одна из составляющих этой исследовательской проблемы – классификация получателей патриаршей милостыни. Ее разработка в настоящий момент – дело будущего. Наиболее сложными для анализа является вопрос о категориях получателей, которые находились в ведении нескольких учреждений. В такой

ситуации важно получить четкое представление о границах полномочий Патриаршего Казенного приказа.

Наиболее показательным примером является такая категория, как полоняники. Милостыню (согласно терминологии И. И. Шимко, «пособия нуждающимся» [Шимко, 1984, с. 242]) могли получить те, кто попал в плен на пограничных территориях государства и понес убытки, пока находился в плену.

В текстах расходных книг Патриаршего Казенного приказа преимущественно упоминаются полоняники «турские и крымские»: исследователи внешней политики второй половины XVII в., в сферу научных интересов которых входят взаимоотношения Московского государства, Османской империи и Крымского ханства, указывают на распространенность практики «розменов» русских, крымских и османских полоняников [Сень, 2018, с. 38; Жуков, 2012, с. 34].

Если «розмены» были миссией Посольского приказа, то Патриарший Казенный приказ брал на себя задачу оказать материальную поддержку полоняникам русского происхождения, уже выкупленным и недавно вернувшимся на родину. Челобитные полоняников с просьбами о помощи не сохранились, как и другая первичная документация приказа, погибшая в московских пожарах 1701 г. и 1737 г. [Устинова, 2011, с. 12]. Однако на основе текстов расходных книг можно частично реконструировать содержание этих челобитных.

Каких-либо фиксированных сумм, выдаваемых полоняникам, не было. Получаемые суммы зависели от индивидуальной ситуации и личных обстоятельств полоняников, которые указывались в челобитных (в том числе коллективных):

- «По челобитной за пометою казначея старца Тихона Обанина полонным выходцом Василью Полозову, Федору Архипову, Якову Нечаеву, Ивану Якимову в милостыню по рублю человеку. Итого четыре рубли дано из приему Никитки Оболянинова. Василей Полозов с товарищи деньги по рублю человеку взяли, а в их место села Софоруина Богородицкой поп Гаврил руку приложил» [1672. Расходная..., л. 307].
- «Декабря в 10 день по четырем челобитным и двум справошным письмам за пометами дьяков Ивана Калитина, Перфилья Семенникова Турской и Крымской земель выходцам полоняникам, которых вышли в нынешнем во 194 году ноября в 19м да декабря в 3м числе, розных городов и чинов Борису Иванову сыну Мордвинову, Григорью Семенову Никифору Прокофьеву, Ивану Ефремову сыну Чюдовскому, Петру Логачову <...> всего десяти человеком за полонное их терпение на пропитание по шестнадцати алтын по четыре деньги человеку итого пять рублей» [1685. Расходная..., л. 252].

- «Апреля в 16 день по челобитной за пометами дьяков Дениса Дятловского, Перфиля Семенникова города Ливны крымской полонянке Агеевской жене Потапова сына Юрьева вдове Варварице Федорове дочери для пострижения на покупку черного платья два рубли <...> вдова Варвара на пострижение на покупку черного платья денег два рубли взяла. Вместо ее росписался Иван Меньшой Васильев сын Григоров» [Там же. Л. 269об].

Если же говорить о пропитании, на выданные суммы можно было питаться достаточно долго, по крайней мере, несколько недель, или в некоторых ситуациях даже несколько месяцев. Известны случаи, когда приходилось около одного рубля на человека или даже больше. Один рубль, в свою очередь, был в тот момент равен 200 деньгам. При этом еще дореволюционные исследователи, в частности, И.М. Снегирев, пришли к выводу, что одной деньги было достаточно на пропитание в течение дня [Снегирев, 1852, с. 11]. Соответственно, эти деньги были не символическими, а вполне весомыми и могли действительно помочь бывшим полоняникам адаптироваться к социально-экономическим реалиям Московского государства после возвращения.

Важно обратить внимание на следующее: составители расходных книг Патриаршего Казенного приказа никак не дифференцируют полоняников по социальному статусу. Чины были неважны и не указаны: предполагается, что все перечисленные люди «за полонное их терпение» в равной мере заслужили материальную поддержку.

Таким образом, необходимо подчеркнуть, что немаловажным фактором, который мог влиять на изменение объема расходов Московского Патриаршего дома на благотворительность, были внешнеполитические обстоятельства: чем больше пленных выкупят Посольский приказ и подотчетный ему Полоняночный, тем больше пленные потенциально смогут подать челобитные и претендовать на милостыню, тем больше будет расходов на милостыню полоняникам. Впрочем, исследователи «розменов» констатируют: большинство полоняников проводили в плену от пяти до десяти лет [Жуков, 2012, с. 40], поэтому последствия тех или иных набегов крымских ханов на южные рубежи Московского государства проявлялись лишь с определенным хронологическим сдвигом.

Могли оказать влияние на изменение суммы расходов в этом направлении и личные обстоятельства челобитчиков, особенно с учетом того, что коллективные челобитные бывших полоняников были распространенной практикой.

Резюмируя, необходимо сделать несколько выводов:

1) Фиксированных сумм для полоняников не было. Получаемые суммы зависели от индивидуальной ситуации и личных обстоятельств полоняников.

2) На выданные деньги можно было питаться период от нескольких недель до нескольких месяцев – выплаты были весомыми для получателей.

3) Составители расходных книг не дифференцируют полоняников по социальному статусу: чины не указаны – предполагается, что все перечисленные люди в равной мере заслужили материальную поддержку.

4) Расходы Московского Патриаршего дома на благотворительность применительно к полоняникам предопределялись внешнеполитическими обстоятельствами, прежде всего масштабом осуществляемых Посольским приказом «розменов», а также личными обстоятельствами тех, кто вернулся из плена.

Библиографический список

1672. Расходная, о выдаче патриаршим всяких чинов людям годового жалованья // Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 235. Оп. 2. Д. 78. Л. 307.

1685. Расходная, о выдаче патриаршим домовым всех чинов людям годового жалованья // РГАДА. Ф. 235. Оп. 2. Д. 118. Л. 252, 269об.

Жуков В. Д. «Крымские полоняники» и их выкуп в 50-х гг. XVII в.: к истории колонизации южной окраины Московского государства // Вестник РУДН. Серия История России. М.: Изд-во РУДН, 2012. № 4. С. 32–44.

Сень Д. В. «Бил челом ахреянскому атаману...»: плен, рабство и выкуп на южном пограничье (конец XVII в. — начало XVIII в.) // Oriental Studies. Элиста: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Калмыцкий научный центр Российской академии наук», 2018. № 1 (35). С. 36–46.

Снегирев И. М. Московские нищие в XVII столетии. М., 1852. 16 с.

Устинова И. А. Книги Патриарших приказов 1620–1649 гг. как исторический источник. М.: Изд. центр Ин-та российской истории РАН, 2011. 344 с.

Шимко И. И. Патриарший Казенный приказ. Его внешняя история, устройство и деятельность // Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. Кн. 9. М.: Типо-лит. Т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1894. 361 с.

THE PATRIARCHAL FINANCIAL AID TO POLONYANYKS IN THE MIRROR OF EXPENSES BOOKS OF THE PATRIARCHAL TREASURY PRIKAZ OF THE SECOND HALF OF THE XVII CENTURY

Okhlopkova Viktoriya A.

Lomonosov Moscow State University

119991, Russian Federation, Moscow, Leninskie Gory Street, 1,

okhlopkovava@my.msu.ru

The categories of recipients of patriarchal alms that were accountable to several institutions at once are the most difficult to analyse for researchers of the charitable activities of the Moscow Patriarchal House. These are, in particular, the polonyanyks, as at date of the second half of the 17th century, those were under the jurisdiction of the Patriarchal Treasury, Ambassadorial and Polonyanochny prikazes. The attention of the author of the article is focused on the financial aid of the first mentioned institution to the already ransomed polonyanyks who returned to their homeland. The texts of the humble petitions of polonyanyks, preserved as part of the materials of the expenses books of the Patriarchal Treasury Prikaz, are analyzed. The study showed that there were no fixed amounts of financial aid for polonyanyks, and also that the size of the payment did not depend on the social status of the recipient: as a rule, it was not even mentioned. At the same time, the money given out was significant for the polonyanyks and provided an opportunity for food for at least several weeks. The results of the study indicate the importance of the personal circumstances of the petitioners and, accordingly, the significance of the reconstruction of the texts of humble petitions of the polonyanyks that have not survived to this day based on the materials of the expenses books and the need for source study of the latter in general.

Key words: Russian Orthodox Church; Patriarchal Treasury Prikaz; Patriarchal Court; Patriarchal Charity; Expenses Books; Humble Petitions; Polonyanyks.

МУСУЛЬМАНСКИЕ МЕТРИЧЕСКИЕ КНИГИ КАК ИСТОЧНИК ПО ГЕНЕАЛОГИИ СИБИРСКИХ ТАТАР (XIX–НАЧАЛО XX ВЕКА)

Малышева Дарья Александровна

Омский государственный педагогический университет,
644099, Россия, Омск, ул. Набережная Тухачевского, д. 14
dmalysheva277@gmail.com

Статья посвящена изучению мусульманских метрических книг как исторического источника, отражающего многие аспекты генеалогии сибирских татар. В работе поднимается проблема изучения метрических книг, рассматриваются структура и особенности документов, раскрывается специфика изучаемых материалов. Книги велись на старотатарском языке арабской вязью, что создает определенные трудности для изучения данных. Исследование проводилось на основе научных исследований, посвященных источниковедческому анализу метрических книг, а также материалов Исторического архива Омской области.

Ключевые слова: *Источник; генеалогия; метрическая книга; сибирские татары; мусульмане.*

Мусульманские метрические книги являются важным историческим источником, содержащим не только информацию о событиях прошлого, но и позволяющим в деталях анализировать состояние и эволюцию отдельных сегментов российского общества [Салахова, 2018]. Актуальность темы исследования связана с практическим аспектом проблем татарской генеалогии. Зачастую изучение метрических книг необходимо не только для того, чтобы найти собственные корни и выяснить, как предки повлияли на нашу жизнь, но и понять, где находились точки смены социального статуса определенной семьи или же целого сообщества.

Последние десятилетия генеалогия мусульман все чаще становится объектом историко-этнографических исследований. В работах Н. А. Томилова и С. Н. Корусенко поднимаются вопросы генеалогии и этнокультурных процессов барабинских и курдакско-саргатских татар [Томилов, 2011]. Исследовательница Г. Ч. Файзуллина на основе метрических книг Тобольской губернии выявляет динамику рождаемости и смертности тюркоязычного населения Сибири, а также реконструирует эпидемиологическую ситуацию в регионе [Файзуллина, 2022]. Тем не менее, генеалогия сибирских татар остается практически не изученной в ракурсе источниковедческого подхода. Целью данного исследования является выявление особенностей мусульманских метрических книг как источника по генеалогии сибирских татар.

Начало фиксации биографических данных мусульман в метрических книгах положил указ Правительствующего Сената от 25 апреля 1828 г. Изначально речь шла о книгах по Оренбургскому духовному магометанскому управлению [Метрические книги: справочник..., 2016, с. 9], со временем такая практика распространилась на другие губернии, в том числе Тобольскую и Томскую.

Метрические книги велись в двух экземплярах: первый отправлялся в Оренбургское магометанское духовное собрание, второй оставался при мечети для выдачи справок по запросам. Записи в первом экземпляре делались в день обращения татарина в мечеть, поэтому они содержат в себе относительно достоверные сведения. Вторые экземпляры книг, как правило, содержат информацию о метрических выписях и заключениях врачей о причинах смерти. По окончании года один экземпляр этих книг оставляли при мечети, второй предоставляли земскому или уездному суду для отсылки высшему духовному начальству.

Большое количество метрических книг, хранящихся в Историческом архиве Омской области, потеряли свой первоначальный вид. В одних при оценке внешней составляющей обнаруживается много вырванных и, соответственно, утерянных листов [ГИАОО. Ф. 383. Оп. 2. Д. 52]. В других, наоборот, вшиты страницы, не соответствующие размерам и году издания [ГИАОО. Ф. 383. Оп. 3. Д. 64. Л. 8]. Также в экземплярах конца XIX века встречаются заголовки, в которых ручное письмо сменяется печатным текстом на русском языке, но при этом более ранние записи сохраняются в традиционной арабской графике [ГИАОО. Ф. 383. Оп. 3. Д. 63. Л. 7]. Помимо этого, в некоторых делах существуют особые пометки, сделанные гораздо позже оригинальной записи. Это могли быть как упоминания населенного пункта, так и уточнение количества листов в книге за определенный год [ГИАОО. Ф. 383. Оп. 2. Д. 37. Л. 5].

Если рассматривать структуру мусульманских метрических книг, то она имеет общий вид: четыре основных раздела и сводная таблица, где можно было посмотреть количественные показатели определенного района (юрты) за год. Это позволяет выявить демографическую ситуацию и отдельной юрты, и всего региона. Регистрация в метрических книгах велась муллами, поэтому в них можно встретить народные названия населенных пунктов.

Первый раздел метрических книг «На записку родившихся» включает в себя: пол родившегося, имя ребенка, его дата рождения, имена и фамилии родителей. Также обязательно указывался социальный статус отца, который позже переходил по наследству [ГИАОО. Ф. 383. Оп. 3. Д. 37. Л. 3]. Во втором разделе «О браках» регистрировался никах. В эту часть включались следующие данные: имена и возраст брачующихся, дата заключения брака. Присутствовала информация о представителях молодоженов и их свидетелях, так как обряд совершения

никаха не предполагал личного присутствия жениха и невесты. В отдельную колонку вписывалось имя муллы [Файзуллина и др., 2020]. Также указывалось, какой по счету брак у жениха и невесты [Калимуллина, 2009]. При заключении никаха платился махр, сумма которого всегда указывалась в денежном эквиваленте, но он не считался общепринятым традиционным «выкупом» за невесту. Если выкуп платился семьей жениха, как правило, родителям девушки, иницируя своеобразную «покупку» невесты, то махр собирался самим женихом и отдавался будущей жене непосредственно, закрепляясь за женщиной как ее личная собственность. Цену махра запрашивала сама невеста, а при разводе махр оставлялся у бывшей жены для ее содержания. Об этом сказано в третьем разделе метрических книг «О разводах». В этой части обязательно вписывались: имена разводящихся и фамилии отдельно мужа и жены после прекращения брака. Указывались дата и вид развода – «талак» (по инициативе) или «алех» (аннулирование незаконного брака), его причины и условия. Брак мог быть аннулирован, если выяснялось, что кто-то из супругов становился вероотступником и не возвращался в ислам. В этом же разделе находились сведения о лицах, прекращающих брак, ставилась подпись муллы, его имя и фамилия при наличии [Перинов, 2009]. В последнем, четвертом разделе «На записку умерших» фиксировалась информация об усопших. В него входили: пол, возраст, дата смерти, имя умершего. Указывалось не только полное имя почившего, но и обязательно имя его отца. Здесь же была написана причина смерти. Иногда можно встретить в записях строчки «1 пятница» – это означало, что ребенок прожил одну неделю [Салахова, 2016]. После заполнения всех разделов за год, подводились количественные итоги. Они закреплялись в сводных таблицах для отслеживания демографической статистики и развития экономического положения населения местности. В таблицы записывались количественные показатели по населенному пункту: сколько детей родилось, сколько людей умерло. Также подсчитывалось количество зарегистрированных браков и разводов, указывалось число прихожан в целом.

Уникальность мусульманских метрических книг заключается в том, что они записаны на старотатарском языке в арабской графике, что, конечно, затрудняет работу с ними. В таких метрических книгах сохранились некоторые традиционные черты татарского письма XVIII–XIX веков, что связано с общепринятыми нормами оформления официально-деловых бумаг [Файзуллина и др., 2020].

Еще одна особенность таких метрических книг – присутствие графы о разводах, где фиксировались данные о количестве браков. Эти записи интересны тем, что в православных метрических книгах подобная графа отсутствует, так как пометки о разводах ставились рядом с записями о бракосочетании [Метрические книги: справочник...2016, с. 9].

У сибирских татар также отсутствует характерное для членов других мусульманских сообществ многоженство. Если и встречались редкие записи о заключении второго брака у женатого мужчины, то, как правило, это была своеобразная опека над вдовой или сиротой [Коран, 4:3]. Такие браки заключались с разрешения первой жены. Она же оставалась в доме главной, регулируя быт и хозяйство, но при этом была обязана относиться ко второй жене с уважением и не ставить под сомнение решение мужа.

Важно подчеркнуть еще одну особенность: в метрических книгах отражается значимость женщины и их статус в браке. В отличие от других мусульманских регионов, женщины чаще становились инициаторами браков и разводов. Помимо этого, замужняя женщина была по статусу ниже своего мужа, но не находилась у него в подчинении [Бакиева, 2009]. В Сибири мужское население количественно доминировало над женским, поэтому подавая на развод, мужчина мог остаться вообще без жены [Перинов, 2009].

Изучая мусульманские метрические книги сибирских татар, можно определить состояние института семьи путем анализа сводных таблиц и более детального исследования граф о бракоразводных процессах. Благодаря данным, находящимся в книгах, возможно выявить и обозначить межпоколенные и родственные связи как в конкретных юртах, так и по уезду в целом; определить экономическое положение населения, в частности женской его части, благодаря прописанной сумме махра при заключении брака. В комплексе с другими статистическими источниками метрические книги могут послужить материалами для анализа демографической ситуации. Кроме того, метрическая книга обладает большим потенциалом при изучении антропоники региона (образование имен и введение фамилий). Немаловажно и то, что метрические книги велись на старотатарском языке, а это значит, что в них сохранились черты традиционной письменности. Все это в совокупности доказывает, что мусульманские метрические книги – ценный источник по генеалогии сибирских татар.

Библиографический список

Бакиева Г. Т. Положение женщины в семье сибирских татар в XIX – начале XX в. URL: http://ipdn.ru/_private/a10/122-129-bakieva.pdf (дата обращения: 19.04.2023).

Калимуллина А. Р. Татарские мусульманские метрические книги в фондах Национального архива Республики Татарстан // Восточный архив. 2009. № 19. С. 90–92.

Метрические книги: справочник - указатель по фондам архива. Часть 1 / ответ. сост. Л. И. Огородникова. Омск: Амфора. 2016. 488 с.

Перинов В. В. Метрические книги Верхнеудинской татарской мечети как исторический источник // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. №117. С. 77–83.

Салахова Э. К. Мусульманские метрические книги России. URL: <http://sif.vniidad.ru/app/webroot/index.php> (дата обращения: 19.04.2023).

Салахова Э. К. Метрические книги как источник изучения татарской общины г. Астрахани (вторая половина XIX – начало XX вв.). URL: <https://historicaethnology.org/wpcontent/uploads/2017/11/%D0%98%D0%AD-2016-1-86-95.pdf> (дата обращения: 19.04.2023).

Томилов Н. А. Этнокультурные процессы у татар Западной Сибири в XVIII–XIX веках. // отв. ред. В. И. Молодин. Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН. 2011. 224 с.

Файзуллина Г. Ч., Кадирова Э. Х., Фаттакова А. А. Мечетные книги Тобольской губернии XIX – начала XX веков как памятник письменности сибирских татар: состав книг и лексика. URL: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-2-127-140> (дата обращения: 19.04.2023).

Файзуллина Г. Ч. Динамика рождаемости и смертности тюркоязычного населения Сибири (на материале мусульманских метрических книг «На записку родившихся, смерти»). URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39222 (дата обращения: 19.04.2023)

MUSLIM METRIC BOOKS AS A SOURCE FOR THE GENEALOGY OF THE SIBERIAN TATARS (XIX – EARLY XX CENTURIES)

Malysheva Darya A.

Omsk State Pedagogical University,
644099, Russian Federation, Omsk, Tukhachevsky str., 14,
dmalysheva277@gmail.com

The article is devoted to the study of Muslim metric books as a historical source reflecting many aspects of the genealogy of the Siberian Tatars. The paper raises the problem of studying metric books, examines the structure and features of such documents. The specifics of the studied materials are revealed, since the books were written in the old Tatar language in Arabic script, which creates certain difficulties for studying the data. The research was conducted on the basis of already known information, fixed in the works of scientists who previously engaged in the source analysis of metric books, as well as on the materials of the Historical Archive of the Omsk region.

Key words: *Source; Genealogy; Metric Book; Siberian Tatars; Muslims.*

СОЗДАНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ СТРУКТУРНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ В АРМИЯХ ГЕРМАНИИ И РОССИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И ПРИМЕНЕНИЕ БОЕВЫХ ОТРАВЛЯЮЩИХ ВЕЩЕСТВ ПРОТИВОБОРСТВУЮЩИМИ СТРАНАМИ

Булдакова Дарья Дмитриевна

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
614990, Россия, Пермь, ул. Букирева, 15,
buld2002@yandex.ru

В статье дается характеристика процессу создания и внедрения специальных воинских подразделений в армиях Германии и России начиная от подписания приказов командующим составом до несения службы воинскими формированиями. Автор рассматривает применение боевых отравляющих веществ противоборствующими странами, а также дает оценку эффективности функционирования химических команд обеих стран и применения ими химического оружия в годы Первой мировой войны.

Ключевые слова: Первая мировая война; структурные подразделения в армиях; воинские формирования; боевые отравляющие вещества; химическое оружие.

Вторая половина XIX в. ознаменовалась бурным развитием химии и химической промышленности. Стали активно разрабатываться новые методы и технологии получения веществ, в том числе ядовитых и отравляющих. Новые возможности заинтересовали руководителей ведущих армий мира, стали применяться новые средства поражения живой силы противника. Такие вещества довольно быстро оказывают отравляющий эффект и приводят к летальному исходу. Именно поэтому их стали применять как оружие массового поражения на полях сражений, что оказало серьезное влияние на характер ведения войны.

Актуальность данной темы заключается в выявлении этапов формирования различных институтов, связанных с химическим оружием, в том числе призванных обеспечить весь личный состав средствами защиты. Также актуальность данной работы заключается в комплексном и всестороннем исследовании процессов создания специальных структур в войсках и непосредственного выполнения воинскими формированиями своих обязанностей.

Целью исследования является сравнительный анализ создания и функционирования специальных структурных подразделений, созданных в армиях Германии и России вследствие применения боевых отравляющих веществ.

Источники по теме можно разделить на несколько типов. К первому типу будут относиться личные источники, например, воспоминания генерал-лейтенанта А. А. Маниковского, генерала Э. Людендорфа, позволяющие проследить процесс создания специальных воинских подразделений в армиях обеих стран.

Второй тип источников составляют нормативно-правовые документы, например, приказы начальника Штаба Верховного Главнокомандующего, позволяющие проследить этапы внедрения специальных структурных подразделений в армии России.

Третий тип источников – визуальные. Фотографии, позволяющие проследить фактическое функционирование специальных структурных подразделений в армиях.

Методологическую основу работы составляет теория модернизации, позволяющая раскрыть этап перехода социума от традиционного к индустриальному типу, вводящему в повседневность такие новинки науки и техники, как химическое оружие, а также экспериментальные практики его использования.

В работе также используется историко-сравнительный метод, позволяющий сопоставить армии противоборствующих сторон.

С началом ведения химической войны и применением химии в военных целях стало понятно, что ведение боевых действий без участия специальных воинских подразделений невозможно. Поэтому появилась необходимость в создании таких структур, призванных обеспечить правильное использование химического оружия, с целью минимизировать потери личного состава собственной армии и увеличить потери личного состава армии противника. Кроме того, появилась необходимость вовремя обнаруживать газовые атаки противника и обеспечивать надлежащее использование средств противогазовой защиты солдатами.

К моменту проведения первой газовой атаки, ни в армии России, ни в армии Германии не было создано специальных отрядов или команд, которые бы прошли специальную подготовку в области противогазового дела, также не было организовано и должного инструктажа личного состава армий. Поэтому средства защиты вызывали у военнослужащих недоверие, солдаты предпочитали их не использовать, либо использовали, но с опаской и недоверием, подвергая жизни и здоровье опасности. Газовые атаки же вызывали у военнослужащих больше любопытства, чем настороженности. Они принимали газопуски за маскировку противника и подтягивали силы к передовым окопам, совершая

фатальную ошибку. Такая ситуация произошла, например, во время первой газовой атаки армии Германии против сил русской армии тридцать первого мая под Болимовым [Де-Лазари, 2008, с. 31]. Однако уже к концу 1915 г. во всех армиях воюющих стран было организовано «химическое обучение», создавалась «химическая дисциплина» [Там же. С. 45]. Но стоит отметить, что данные методы не были достаточно эффективными и не могли в должной мере противостоять средствам нападения. С развитием боевых действий на различных фронтах войны и массовым применением боевых отравляющих веществ недоверие к разработкам ученых в области противогазового и противохимического дела среди солдат сохранялось. Для улучшения «химической дисциплины» среди военнослужащих создавалась различная пропаганда, нацеленная на повышение осведомленности войск.

Поскольку удачная газовая атака зависела не только от правильного применения самого химического оружия и должного соблюдения мер противогазовой защиты, а еще и от благоприятных погодных условий, армейское командование армий обеих стран было вынуждено создавать и метеорологические службы в войсках. Так, в начале 1916 г. при Военном министерстве России было организовано Главное метеорологическое управление (Главмет) [Чистяков, 2017, с. 133], а при штабах армий – метеостанции для определения направления и скорости ветра (рис. 1) для обороны окопов на передовой, тыловых районов и уменьшения потерь в войсках. В их обязанности входило как создание наставлений для солдат, целью которых являлось определение газовой атаки неприятеля и своевременная подготовка к ней (таким примером является германский вопросник, захваченный французами в Дарданеллах 21 ноября 1915 г.) [Де-Лазари, 2008, с. 108], так и создание различных военно-метеорологических отделений [Приказ начальника..., 1916а]. В задачи военно-метеорологической службы (военмет) входило: прогнозирование погодных условий, предупреждение возможных газовых атак противника и определение общей метеорологической обстановки, определение условий, благоприятных для собственных атак и др.



Рис. 1. Ноябрь 1916 г. Стрельба солдат 176-го пехотного Переволоченского полка по аэроплану на 1-й линии Икскульской позиции

Примечание: Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 391. Оп. 1. Д. 1792. Л. 100.

Германия

После проведения неудачной химической атаки против русской армии под Болимовым в январе 1915 г., которая провалилась в том числе из-за отсутствия должной «химической» дисциплины в войсках, немцы стали уделять этому большее внимание. Поэтому немецкая газобаллонная атака оказалась более эффективной. Она была проведена во время второй битвы при Ипре, 22 апреля 1915 г., руководил ею Фриц Габер, а также трое его учеников. В результате атаки только от газов, по разным оценкам, в армиях союзников погибло до 5 тысяч человек [Супотницкий, 2020, с. 110]. К моменту проведения первой газовой атаки против частей русской армии в армии Германии было создано четыре газовых батальона, объединенные в два полка и переброшенные на Восточный фронт [Де-Лазари, 2008, с. 29], где уже 31 мая 9-я армия Августа фон Макензеза противостояла частям 2-й русской армии в битве под Болимовым [Людендорф, 1923, с. 115]. Однако данная атака, как и сражение под Ипром, не дала германской армии существенно продвинуться вперед из-за отсутствия четкой организации ведения

боя, новизны оружия, а также слабой противогазовой защиты. Успех был лишь тактическим, но не стратегическим.

В германской армии, помимо упомянутых выше двух химических полков, были созданы специальные химические части и газовые артиллерийские штабы. Целью работы штабов было дополнение специальных химических курсов, проводившихся в тылу для военнослужащих [Де-Лазари, 2008, с. 62].

К 1917 г., благодаря совершенствованию и насыщению войск артиллерией, газометами и минометами, газобаллонные атаки утратили свою актуальность. В связи с этим газобаллонные части были перепрофилированы в газометные [Супотницкий, 2020, с. 216]. Стоит отметить, что минометы состояли на вооружении германской армии еще до начала войны. Однако использовать минометы для стрельбы химическими снарядами германские войска начали не сразу, а после создания британцами миномета Стокса. Так, к концу войны, в германской армии было сформировано два газобаллонных полка, задачей которых было проводить газобаллонные нападения, затем переформированных в 8 газометных батальонов [Де-Лазари, 2008, с. 77].

Россия

В России большую роль в организации противогазовой защиты и обучении войск сыграл создатель русского фильтрующего противогаза Н. Д. Зелинский. По его инициативе в начале лета 1915 г. были созданы первые два противогазовых отряда, после ещё семь. Их задачей было обучение войск противогазовой обороне. Благодаря ученику Зелинского, Н. А. Шилову, который смог добиться финансирования от Всероссийского земского союза, в 1916 г. в русской армии было внедрено так называемое «окуривание» – специальные способы обучения войск: использование изолированных помещений, в которых создавалась отравленная атмосфера для проверки и подгонки противогазов [Гришин, 2014, с. 69]. Также по инициативе Н. А. Шилова для офицеров были созданы специальные курсы по противогазовому делу [Громов, Златина, 2018, с. 33].

В конце августа 1916 г. генерал-адъютант М. В. Алексеев подписал приказ, согласно которому противохимическое обучение стало проводиться не только для офицеров, а для всех военнослужащих. Для прохождения таких курсов были созданы специальные учебные отряды при Начальнике Санитарного Отдела штаба армий [Приказ начальника..., 1916b].

До начала 1917 г. в русской армии было сформировано и отправлено на фронт тринадцать химических команд. Для более эффективного использования боевых отравляющих веществ и противогазов назначались особые штаб-офицеры,

которые предварительно прошли подготовку в Химическом комитете при Главном Артиллерийском Управлении [Маниковский, 1937, с. 683]. К моменту выхода России из войны в армии действовало четырнадцать химических рот, а также Петроградский учебный огнехимический батальон [Де-Лазари, 2008, с. 77].

Таким образом, можно видеть, что по мере развития боевых действий на различных театрах войны и все более массированных химических атаках с обеих сторон, продолжение войны было бы невозможным без создания специальных структур в войсках. В армиях Германии и России такие подразделения выполняли схожие функции и имели примерно одинаковое предназначение: обеспечение правильного и эффективного применения боевых отравляющих веществ, а также обучение личного состава способам противогазовой борьбы. Количество специальных противохимических структурных подразделений в армии России превышало количество подобных структур в армии Германии почти в два раза, но это не дало преимуществ русской армии в ведении химической войны.

Список источников

Людendorф Э. Мои воспоминания о войне 1914-1918 гг. / пер. с 5-го немецкого изд. под ред. А. Свечина. М: Государственное изд-во, 1923. Т. 1. 330 с.

Маниковский А. А. Боевое снабжение русской армии в мировую войну / перераб. и доп. Е. З. Барсуков. 3-е изд. М.: Гос. воен. изд-во, 1937. 718 с.

Ноябрь 1916 г. Стрельба солдат 176-го пехотного Переволоченского полка по аэроплану на 1-й линии Икскульской позиции // Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 391. Оп. 1. Д. 1792. ф. 100.

Приказ начальника Штаба Верховного главнокомандующего № 1132 от 19 августа 1916 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://elibrary.shpl.ru/ru/nodes/17877-ch-2-locale-nil-1073-10-avgusta-1916-goda-locale-nil-1339-29-sentyabrya-1916-goda-1916#mode/inspect/page/127/zoom/4> (дата обращения: 14.12.2023).

Приказ начальника Штаба Верховного главнокомандующего № 1203 от 29–30 августа 1916 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://elibrary.shpl.ru/ru/nodes/17877-ch-2-locale-nil-1073-10-avgusta-1916-goda-locale-nil-1339-29-sentyabrya-1916-goda-1916#mode/inspect/page/326/zoom/4> (дата обращения: 14.12.2023).

Библиографический список

Гришин А. И. Николай Шилов. В отравленном дыму // Человеческий капитал и профессиональное образование: журнал. 2014. № 3. С. 54–69.

Громов С. А., Златина А. А. От службы противогазовой обороны до войск Радиационной, химической и биологической защиты. Войска РХБЗ: прошлое и настоящее // Военно-исторический журнал. 2018. № 9. С. 33–38.

Де-Лазари А. Н. Химическое оружие на фронтах Мировой войны 1914–1918 гг.: краткий исторический очерк / науч. ред. и коммент. М. В. Супотницкого. М.: Вузовская книга, 2008. 268 с.

Супотницкий М. В., Петров С. В., Ковтун В. А. Химическое оружие в Первой мировой войне. М.: Русская панорама, 2020. 446 с.

Чистяков А. В. Развитие мероприятий противогазовой обороны на рубеже 20-40-х гг. XX в. // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. 2017. № 11 С. 133–138.

CREATION OF THE SPECIAL STRUCTURAL UNITS IN THE ARMIES OF GERMANY AND RUSSIA DURING THE FIRST WORLD WAR AND THE USE OF CHEMICAL WARFARE AGENTS BY OPPOSING COUNTRIES

Buldakova Darya D.
Perm State University,
614990, Russian Federation, Perm, Bukireva str., 15,
buld2002@yandex.ru

The article describes the process of creating and implementing special military units in the armies of Germany and Russia: from the signing of orders by the commanding staff to the direct performance of service by these military formations. The author examines the direct use of chemical warfare agents by the warring countries, and also assesses the effectiveness of the functioning of the chemical commands of both countries and their use of chemical weapons during the First World War.

Key words: *World War I; structural units in the armies; military formations; chemical warfare agents; chemical weapon.*

ТРАЕКТОРИИ АДАПТАЦИИ КОНСЕРВАТИВНЫХ ПУБЛИЦИСТОВ К РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917–1921 ГГ.

Газизуллин Тимур Алмазович

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15,
timuralgaz25@gmail.com

В статье выявляются адаптационные механизмы столичных консервативных публицистов периода Русской революции 1917–1921 гг. В качестве теоретической рамки исследования выступает историческая антропология и герменевтика. На уровне повседневности показано, как переезд из Москвы и Петрограда в провинцию сказался на воображаемом картографировании консерваторов. Раздражение милитаризированной повседневностью и сомнение в защищенности частной жизни – все это существенно преобразовало интерес консервативного публициста к продолжавшейся Первой мировой войне. В условиях же затянувшейся войны и нормализации прежних аномалий консервативный публицист отдалялся от публичного поля, посвящая большую часть времени выживанию и работой в стол.

Ключевые слова: консерватизм; русская революция; В. В. Розанов; Л. А. Тихомиров; М. О. Меньшиков.

Социально-политическая проблематика является ключевой для историографии 1917–1921 гг. Как отмечает П. Берк, культуральная история также может заниматься политическими институтами [Берк, 2015, с. 13]. Задача современного этапа заключается в проникновении внутрь политикоцентричного нарратива революции, чтобы объяснять действия и мотивы акторов при опоре на теории социальных и интеллектуальных практик. Предлагаемые сегодня интерпретации в духе новой политической истории могут сужать объект исследования, замыкаться на локальном, однако также происходит детализация и корректировка положений, которые сформулированы были под влиянием публичных дискуссий. Особое значение здесь имеет увлечение межпартийной конкуренцией в 1917 г. Своеобразная конкуренция дискурсов большевиков, эсеров, кадетов препятствовала обнаружению в мышлении людей эпохи наиболее общих моделей мировосприятия и стратегий поведения сообществ, наконец, выведению революции за пределы европейской части России и наблюдению за сценарием протекавших событий в свете глобального общеевропейского политико-правового кризиса и гуманитарной катастрофы.

Помимо этого, следует указать на историю русского позднеимперского консерватизма. В феврале 1917 г. не завершилось его существование. По этой причине мы намерены пойти дальше авторов, предлагающих биографическое описание видных консерваторов [*Репников, Милевский, 2011; Иванов, 2020*]. Мы не можем говорить об одинаковом политическом весе либеральных и консервативных сил в период с падения монархии и до складывания центров русского сопротивления на юге России в августе 1918 года [*Иванов, 2020, с. 120*]. Однако в ходе взаимодействия либеральных и консервативных политиков 1919 г. сформировался некий компромисс, который свидетельствует о наличии у русских консерваторов адаптационных механизмов, пусть и не столь выраженных, как у британских [*Канищева, 2001, с. 304; Лукьянов, 2001, с. 155*].

В этом смысле социальная неоднородность консерватизма обязывает нас дифференцировать его и определять траектории поведения в условиях революционных трансформаций без необоснованных обобщений. Настоящее исследование призвано показать своеобразие столичных консервативных публицистов, раскрыв их жизненный мир и этим сделав консерваторов частью Революции.

Определение стратегии исследования

В качестве **объекта** исследования выступает российский консерватизм периода Революции 1917–1921 гг. **Предметом** исследования являются адаптационные траектории столичных консервативных публицистов.

Мы ограничиваемся теми столичными публицистами, которые оставили после себя разноплановые (публичные и приватные) тексты, т.к. стремимся к репрезентативности. Интерес представляет фигура В. В. Розанова, ведь русский мыслитель историками не всегда относился к «правым» [*Голлербах, 1976, с. 88; Куксанова, 2013, с. 23; Скиперских, 2016, с. 260*]. Благодаря анализу его текстов представляется возможным подчеркнуть пластичность консервативного политического мышления, зависимость его от контекста, а также необходимость индивидуального изучения.

Выборка, состоящая из трех персон (В. В. Розанов, Л. А. Тихомиров, М. О. Меньшиков), позволяет показать основные адаптационные механизмы тех консерваторов, чьи социальные позиции были неразрывно связаны с модернизирувавшимися крупными городами империи и сотрудничеством с престижными столичными издательствами. Это весьма важно для предотвращения экстраполяции социального опыта на непривилегированные группы провинциалов или землевладельцев черноземной полосы. Так мы включаем в свое исследование и социальную проблематику распадавшегося позднеимперского общества.

Специфика исторического розановедения заключается в детальной проработке дореволюционного творчества мыслителя. Подчеркивается его этатизм, почитание государства и требовательность к подданным в зависимости от их положения в социальной иерархии [Якушева, 2009, с. 350; Скиперских, 2016, с. 264]. Уравнивание и борьба с государством признавались деструктивными и неоправданными мерами радикальных публицистов рубежа веков [Ломоносов, 2019, с. 136]. Историки видят в привязанности Розанова к монархии и народу отголоски славянофильства [Пучнина, 2021, с. 90]. Критика церковной безжизненности объясняется «зигзагами», исканиями Розанова. Последнее свидетельствует о наличии неясностей, которые могут быть ликвидированы путем использования герменевтических процедур интеллектуальной истории.

Л. А. Тихомирова относят к идеологам не просто консерватизма, но традиционализма, что вполне понятно в связи с идеализацией допетровской России и скептическим отношением к «петербургскому периоду» [Богоявленский, 2012, с. 30, 32; Дырдин, 2003, с. 12]. Раздражение непостоянством Николая II и «анти-русским» курсом реформаторов достаточно полно отражены в исследованиях. Особенно следует отметить работы А. В. Репникова. Его работы тесно связаны с прежней традицией изучения консерватизма через биографии. Важна авторская оценка теоретических работ, личных связей Л. А. Тихомирова в 1916–1919 гг., источниковедческая критика дневниковых записей. Общие черты консервативной идеологии выявляются на основе анализа трактатов представителей пореформенного времени (К. Н. Леонтьев, К. П. Победоносцев, М. О. Катков). А. В. Репников делает важное замечание о внутренней дифференциации консерваторов. Он считает, что авторы, уделявшие особое внимание положению русского народа, усвоили элементы либерализма [Репников, 2014, с. 103]. Ключевым выводом А. В. Репникова является тезис о незавершенном развитии русского консерватизма. Монархия воспринимала их в качестве инструмента борьбы с оппозицией, но ожидания самих консерваторов осуществиться не могли [Там же, с. 472]. Хотя и у Ю. И. Кирьянова, и у М. Н. Лукьянова мы обнаруживаем схожие выводы [Кирьянов, 2001, с. 390, 424; Лукьянов, 2001, с. 155].

Однако если источники известны и активно используются для жизнеописания Л. А. Тихомирова, то объяснение парадокса марта 1917 г. и комментирование поздних текстов идеолога консерватизма продолжают носить описательный характер.

М. О. Меньшиков репрезентируется в литературе как идеолог русского национализма и теоретик расового подхода [Репников, 2014, с. 321, 323]. Исполь-

зуемые им концепты свидетельствуют скорее о консервативном, чем либеральном настрое публициста. Здесь мы должны оговориться, что национализм не самодостаточен и во многом семантика его дискурса зависит от ценностных оснований рефлексизирующего субъекта. В «позднем» Меньшикове видят много общего с Розановым, в частности, их пессимистические прогнозы о будущем России в 1918 г. [Репников, 2014, с. 434].

Можно говорить о формировании довольно полного описания и точной классификации консервативных течений. При этом революционный период затрагивается только при биографическом характере исследования. Контрастность исторического времени до и после 1917 г. создает препятствия для наблюдения за русскими консерваторами в долгосрочной перспективе.

Целью настоящего исследования является выявление способов проживания Революции столичными консервативными публицистами в условиях экстремальной повседневности.

В соответствии с поставленной целью выдвигаются следующие **задачи**: определить типы социальных убежищ, в которых обитали публицисты; охарактеризовать сопротивление публицистов революционным стратегиям; оценить адаптивные способности публицистов в контексте экстремальной повседневности.

Под влиянием лингвистического поворота в историографии мы рассматриваем свое вопрошание к источникам в качестве историографической ситуации [Кукарцева, 2006, с. 122; Чернявская, 2016, с. 84]. Наша текстуальная вовлеченность в дискуссии об адаптивных способностях российского консерватизма обуславливает интерес к публицистам. В этом плане необходимо выделить уровни повседневных практик и интеллектуального творчества. Второй вырастает из первого, но при этом дистанцирован от быта, т.к. обращен к концептам и идеям.

В случае с В.В. Розановым мы располагаем его текстами и воспоминаниями близких мыслителя [Голлербах, 1976; Розанова, 1999]. Письма в какой-то мере замещают дневники для воспроизведения уровня повседневности [Розанов, 1990]. Основную часть источников представляют статьи и заметки 1917–1918 гг. [Розанов, 1994, 2008].

Л. А. Тихомиров оставил дневник, воспоминания и творческие тексты, однако его повседневность после августа 1917 г. преимущественно реконструируется благодаря воспоминаниям современников, запечатлевших тяжкое состояние бывшего народовольца, раскаивавшегося в содеянном [Тихомиров, 2000, 2008].

Опубликованные статьи, дневник и письма М. О. Меньшикова представляют интерес своей оригинальностью. Мы обнаруживаем органицистские размышления, которые репрезентируют противостояние европейских государств и

глубокий социальный кризис в России в духе конкуренции биологических видов [Российский Архив..., 1993]. Ценны они тем, что позволяют увидеть, как современный политический язык, позаимствовавший метафоры из естественнонаучного дискурса, продолжает апеллировать к православным идеалам.

В ходе определения имеющихся материалов мы приходим к заключению, что нам удастся в течение всего исследования сохранить двухуровневую структуру интерпретации адаптационных траекторий консервативных публицистов. Историзация и контекстуализация дискурса осуществляется при опоре на принципы К. Скиннера, представителя Кембриджской школы интеллектуальной истории [Скиннер, 2018, с. 96]. Герменевтическая дистанция с изучаемой эпохой предполагает преодоление временных дискурсивных наслоений на понятиях, чтобы предотвратить навязывание современных оценок и реакций человеку прошлого [Гадамер, 1988, с. 318, 319].

Если предварительные процедуры связаны с интеллектуальной историей, то каркасом нашей методологии служит историческая антропология, представленная подходом М. де Серто. Поведение индивида понимается как избегание навязываемой обществом «стратегии» [Серто, 2013, с. 107, 110, 111]. «Тактика» индивида зависит от условий, заданных стратегий. Тем самым человеческое поведение уязвимо, призвано создать зону автономии, чтобы не подпасть под полный контроль социума и государства. Наша двухуровневая система анализа (повседневные практики и интеллектуальное творчество) вполне органично сочетается с подходом французского антрополога, т.к. его понимание потребления как усвоения и переработки информации и общественных благ позволяет представить жизнь консервативных публицистов как часть экстремальной повседневности революционных лет.

Выживание консерваторов

После февральских событий 1917 г. в Петрограде и Москве статусные группы консерваторов (депутаты Государственной думы, партийные активисты, редакторы газет) бежали и скрывались, если не были арестованы [Иванов, 2020, с. 444; Следственное дело..., 2004, с. 140]. Публицисты пожилого возраста не представляли угрозы для революционных инстанций, однако неопределенность момента заставляла опасаться, что левые могут припомнить прошлое. Ярче всего это выразилось в переживаниях Л. А. Тихомирова, подписавшего бумагу о своей верности Временному правительству. При этом в дневнике писал свои мысли так, чтобы их можно было бы предоставить в качестве доказательства своей невиновности: «Зачем ругать меня служителем реакции, когда я им никогда не

был? Не я ли всегда работал на дело организации рабочих, не я ли первый выдвинул идею созыва Собора, не я ли первый обличил Распутина <...> Дубровин в своем “Русском знамени” называл меня революционером. Глинка в “Земщине” писал, что я как был, так и остался радикалом. Вот как ко мне относились реакционные силы» [Тихомиров, 2008, с. 354].

Проблемы с незащищенностью личного пространства стали ощутимы к концу лета, когда общегосударственный кризис достиг стадии открытого неповиновения военных и вооруженных политических формирований, а верховная власть не располагала ресурсом для поддержания порядка в городах и деревнях великорусских губерний [Фатеев, 1991, с. 117]. Коллапс имперских структур волновал консервативных публицистов еще в дни отпадения Финляндии и активизации киевских автономистов Верховной Рады. Тем не менее в условиях поисках убежища и В. В. Розанов, и М. О. Меньшиков, и Л. А. Тихомиров переехали из обеих столиц в провинциальные города [Репников, Милевский, 2011, с. 503; Розанова, 1999, с. 77; Российский Архив..., 1993, с. 41]. В. В. Розанов и Л. А. Тихомиров – в Сергиев Посад, а М. О. Меньшиков на Валдай, хотя Л. А. Тихомиров периодически приезжал с семьей в Сергиев Посад еще в предреволюционные годы, т.к. жизнь в столице с ее дороговизной была трудна.

Если землевладельцы располагали средствами и после октябрьского переворота могли перебраться в Ростов-на-Дону или в Киев, то публицисты с многочисленными семьями вынуждены были оставаться на территории, подконтрольной РСФСР. Особенностью российских революционных властей была слабость в первые месяцы.

Творчество В. В. Розанова могло и должно было продолжаться, т.к. средств для жизни не хватало и приходилось работать. Отсутствие разветвленного репрессивного аппарата не отменяло произвола местных советских структур, однако приватность можно было сохранять в провинциальных домах. По сравнению с замерзавшим Петроградом в провинции проблема отопления ограничивалась физическими способностями главы семейства, который вынужден был просить работать своих детей [Розанова, 1999, с. 80, 89, 91; Розанов, 1990, с. 82, 84, 85].

Гораздо сложнее обстояло дело с перемещением. В условиях отступления разложившейся армии скопление людей на железных дорогах провоцировало конфликты. М. О. Меньшиков сумел перебраться с детьми на Валдай, но переживал за жизнь жены, оставшейся в Царском селе. Воспринимаемое пространство представлялось небезопасным. Одновременно с этим оно давало возможности, что связано с большим доступом к продуктам и дровам, чем в городах. Связи

и обладание образованием облегчали интеграцию в местное сообщество интеллигенции и служащих, готовых помочь. Складывание кружков закрытого типа позволяли формулировать и проговаривать собственные замечания по поводу происходящего. Меньшиков с горечью замечал в своем дневнике в марте 1918 г.: *«Крохотных кружков интеллигенции и бывших дворян, трусливо собирающихся на огонек бесчисленное множество теперь в России – распыленное, рассыпавшееся в правах недавно гордое сословие»; «Проклятое состояние общества, когда если купите пуд муки или крупы, приходится ждать ночи и крадучись везти на санках, чтобы не раздражать жадности соседей. Проклятая жизнь, когда громогласно кричат: – Нет вам пощады! До гола обдерем! Замучили! <...> И это говорится не о преступной, а о наиболее степенной, добропорядочной части общества, которая трудолюбием, бережливостью, талантами и всегда дозволенными средствами кое-что нажила»* [Российский архив..., 1993, с. 45, 59] Л. А. Тихомиров читал свои сочинения, М. О. Меньшиков обсуждал политические события в дни подготовки мирного договора РСФСР с Центральными державами, В. В. Розанов все больше погружался в религиозно-философскую проблематику [Розанова, 1999, с. 96; Российский Архив..., 1993, с. 45; Репников, 2020, с. 367].

Учитывая стандарты экономического потребления консервативных публицистов, мы должны выделить их из значительной части населения, чье существование было более прозаическим, чем у бывших обитателей столичных квартир. Это сказывалось и на травматическом опыте привыкания к бедности. 7 июня 1918 г. В. В. Розанов писал А. П. Устиньскому: *«С 1/1000 долей моего таланта – давно богаты, миллионеры (М. Горький, Л. Андреев), а мне случалось попросить папиросу изо рта, чтобы затянуться, согреться и горячо поблагодарить. И если бы знали люди, как я всегда благодарен»* [Розанов, 1990, с. 77]

Показательно, что продолжение рефлексии за столом сделалось за долгие годы частью повседневных практик и выходило далеко за пределы написания статей для газет. Можно предположить, что среди причин постоянного писательства было срастание творческой и профессиональной работы. Единственное отличие между ними – в дневнике возможно писать сокровенное, что будет неизбежно деформировано публичным дискурсом.

Консерваторы в попытке объяснить происходящее

Если же мы попытаемся совместить размышления о грядущих потрясениях с воображаемым пространством, то становится вполне понятной готовность консервативных публицистов к полному подчинению России Германией. Здесь особого внимания заслуживает «Апокалипсис нашего времени» В. В. Розанова: *«И*

Вильгельм, не мечтая нисколько о незаманчивой роли Наполеона, <...> манится гораздо более удачным жребием второго Вильгельма Завоевателя. Конечно, - после Петрограда он двинется на Москву, на Волгу и завоюет именно Велико-россию, как центр “Всея Руси”, после чего захватит и Малороссию с Новорос-сией, - к чему препятствий ведь нет»; «Ей-ей, под немцами нам будет лучше. Немцы наведут у нас порядок, - “как в Риге”. Устроят полицию, департа-менты. Согласимся, что ведь это было у нас всегда скверно и глупо» [Розанов, 1994, с. 419, 436]. Просчитывая траектории дальнейшей жизни необходимо было учитывать все возможные варианты. Большевизм не воспринимался как некая самостоятельная сила, которая продолжит править в дальнейшем. Вообще боль-шевизм объединялся в общую массу «социалистов» [Розанов, 2008, с. 520; Рос-сийский Архив..., 1993, с. 26–27; Розанов, 1994, с. 404]. Текстуальная вовлечен-ность в интеллигентские дискуссии по пореформенной России обуславливала то, что В.В. Розанов и М.О. Меньшиков видели в большевике скорее некий культур-ный продукт секулярного антропоцентрического мирозерцания, отрицающего не просто русское, но тот европейский опыт цивилизованной жизни, который дал порядок, сытость и покой. Концепты благополучия активно внедрялись в поли-тический язык консерваторов, т.к. мог удачно продемонстрировать контраст вре-мен до и после войны и Революции. Также удавалось сделаться жертвой обстоя-тельств, разграничить ответственность разнородного общества, властвовавших группировок, подчеркнув тем свою правоту о сценариях предсказуемых событий [Розанов, 1994, с. 414; Российский архив..., 1993, с. 35; Тихомиров, 2000, с. 664]. Это было возможно доказывать в великорусской провинции, которая все же с 1918 г. лишь входила в череду потрясений, тогда как западные и южнорусские гу-бернии гораздо раньше столкнулись с гуманитарной катастрофой, но при этом с политической зрения были гораздо перспективнее для обеспеченных правых по-литиков бывшей империи.

Аксиологические приоритеты консервативных публицистов играли клю-чевую роль в их информационном потреблении. Человек в экстремальных усло-виях ищет объяснение происходящему везде и прибегает к слухам, чтобы хаос стал понятным [Аксенов, Булдаков, 2017, с. 366].

Информационный вакуум великорусской провинции заполнялся советской печатью и слухами приезжавших. М. О. Меньшиков фиксировал противоре-чие сообщения, но, что важно, верил им и запускался необратимый процесс наслоения факта, дискурсивного искажения и авторского осмысления [Россий-ский Архив..., 1993, с. 40–41]. Наблюдается цикличность в реакциях Л. А. Тихо-мирова, который сначала с перерывами на резкую критику последних имперских

правительственных кабинетов надеялся на недопущение революции, а с марта 1917 г. уповал на спасительную миссию национального пробуждения, пока усиление позиций социалистов не поколебало самой государственности. В дневнике он писал 2 марта 1917 г.: *«Я приходил к полному разочарованию в России. С этой стороны, конечно, снимается со всех гнетущее чувство, и дух народа может подняться. Но мне жаль, что теперь ведут слишком отчаянную смену лиц, даже низших, вроде полиции. Новая организация требует страшной траты сил и времени. Да и где народа набрать?»* [Тихомиров, 2008, 249]. В этом смысле Тихомиров, наблюдая за политическим классом революции, не был склонен проводить разграничение между кадетами и социал-демократами, т.к. видел много схожих отрицательных черт в их «партийности» и склонности к постоянным переговорам, вообще преобладанию политики над государственными делами воевавшей страны.

В.В. Розанов в течение революционных лет постепенно дистанцировался от государства вообще. В его дореволюционных текстах мы обнаруживаем амбивалентное понимание государственной власти – она и защищает, и подавляет. Отсюда становятся понятны ценностные мотивы кратковременной апологии революции.

Освобождение семьи от церковного надзора, «пробуждение» жизни настоящей, протекающей не под палкой, а по собственной воле – все это соблазняло В. В. Розанова. В избавлении от навязанных ограничителей он видел цель революции: *«Русская “государственность” никогда у нас не могла справиться ни с казачеством, ни с другими проявлениями “вольницы”, и это – хорошо: русский человек решительно не выносит “муштры”, которая у нас вся была от немецкого склада и происходила от немецкой традиции. Сам по себе русский человек есть “вольный”. Он не теснит, но и себе тесноты не переносит. И вот если принять эту сторону во внимание, то мы, пожалуй, получили в совершившейся революции проявление большого русского начала. И разом масса возражений против революции падет»* [Розанов, 2008, с. 501]. Осознание того, что его интерпретация происходящего неверна, наступило в июле 1917 г., когда выступление большевиков и анархистов напугало в целом петербургскую образованную общественность.

Количество неопубликованных статей росло из-за изменения политики редакции «Нового времени» еще со смерти Суворина-старшего [Фатеев, 1991, с. 106]. Нарастание же продовольственного кризиса провоцировало мыслителя на все большее погружение в осмысление не самих событий, а их интерпретаций,

сделанных на основе предшествующих смысловых наслоений. Эсхатологические мотивы часто появляются в общественном дискурсе в годы потрясений. Консервативные публицисты в отношении российского государства и исторической судьбы русского народа были настроены пессимистично, как никогда ранее. Как и в случае с немецкой оккупацией, они привыкали к новой интеллектуальной атмосфере, когда имперский политический язык табуировался и ими самими, т.к. возвращал к мысли о масштабе геополитического поражения России. Потому концепт народа утрачивал свою легитимирующую функцию. Он более не являлся эстетически совершенной общностью, прошедшей сквозь века. Стадность, темнота и агрессивность – таковы были его новые характеристики.

Заключение

Принятие нового социального контекста повседневности сопровождалось замыканием на семье и сообществах, объединенных общими интеллектуальными потребностями (приятное общение, обмен сведениями и размышлениями). Такое сужение горизонта жизненного мира консервативных публицистов позволяло поддерживать приятное расположение духа, преодолевая подавленность из-за краха надежд на расцвет русского национального сознания и очищение государственной системы от обветшалых ее правовых норм ради поддержания доминирующих позиций русского народа. Здесь весьма полезно предположение В. Харуки, что критика народа была обусловлена не презрением к нему, а именно национализмом, своеобразной требовательностью к народу [Харуки, 2018, с. 291]. Вероятно, мягче всех была позиция Л. А. Тихомирова пожелавшего «уступить» молодым поколениям [Тихомиров, 2008, с. 358].

М. О. Меньшиков же оказался наиболее требовательным, потому что рассматривал политический процесс в национальной проблематике. Имперское, временное и большевистское правительства не устраивали своей универсальностью и неспособностью действовать в интересах воображаемого русского народа. Неслучайно накануне и в первые дни революции Меньшиков выступал в защиту Государственной Думы, противопоставлял бюрократизму идею представительства. В «Новом времени» он писал 16 февраля 1917 г.: *«Враги народного представительства, для рабской мысли которых свобода единственной нашей трибуны – нож острый, - кричат оглушительно, что Дума ничего не делает, а только говорит. Но ведь ей по закону полагается “только говорить” – делать же полагается исполнительной власти»; «Вы скажете: можно ли парламент назвать центральным двигателем государственной деятельности? Я осмелюсь, в свою очередь, спросить: почему нет? <...> Многовековая практика показала, что представители народные вполне компетентны, чтобы обдумать*

и разрешить самые сложные вопросы государственности, но есть нечто чуждое народу. Это – сам народ в его ежедневной жизни» [Публицистика М. О. Меньшикова..., 2014, с. 281–282]. В какой-то мере для всех троих консервативных публицистов именно февраль 1917 г. стал шансом на усвоение современного политического языка. Однако воображаемая нация (русский народ, если учитывать семантику эпохи) дискредитировала себя в контексте войны, отчего консерваторы отвергли современные проекты, избрав более легкий и удобный эсхатологический способ объяснения происходящего. В этом смысле на уровне интеллектуального творчества адаптация к Революции осложнялась усиливавшимся разрывом между воображаемым и реальным (зримым) разнородным населением распадавшейся империи.

Библиографический список

Аксенов В. Б., Булдаков В. П. Слухи и массовые настроения // Российская революция 1917 года: власть, общество, культура: в 2 т. / отв. ред. Ю. А. Петров. М.: Политическая энциклопедия, 2017. Т. 2. С. 337–391.

Берк П. Что такое культуральная история? / пер. с англ. И. Полонской; под науч. ред. А. Лазарева; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. 240 с.

Богоявленский Д. Д. Проблема лидерства в Союзе русского народа. М.: Изд-во МГОУ, 2012. 242 с.

Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы филос. герменевтики: пер. с нем. / общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова. М.: Прогресс, 1988. 704 с.

Голлербах Э. В. В. Розанов. Жизнь и творчество. Париж: YMCA PRESS, 1976. 111 с.

Дырдин А. А. Русская мысль XX века о конце мира: апокалиптика Л. Тихомирова и эсхатология Л. Леонова // Вестник Ульяновского государственного технического университета. 2003. № 1-2. С. 12–16.

Иванов А. А. Пламенный реакционер Владимир Митрофанович Пуришкевич. СПб.: Владимир Даль, 2020. 621 с.

Иванов А. А. Правый лагерь Российской империи: дискуссионные вопросы современной историографии // Россия XXI. 2020. № 4. С. 104–125.

Кириянов Ю. И. Правые партии в России. 1911–1917 гг. М.: Российская политическая энциклопедия, 2001. 464 с.

Кукарцева М. А. Эпистемологические проблемы лингвистического поворота в историографии // Эпистемология и философия науки. 2006. Т. 7, № 1. С. 110–130.

Куксанова Н. В. Исторические традиции России в газетной публицистике В. В. Розанова в начале XX века // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2013. Т. 12, № 6. С. 18–24.

Ломоносов А. В. «Мечта общего счастья посреди общего несчастья» (В. В. Розанов о социалистических идеях по материалам ОР РГБ) // Румянцевские чтения–2019: Матер. Междунар. науч.-практ. конф.: в 3 частях, Москва, 23–24 апреля 2019 года. М: Издательство «Пашков дом», 2019. Ч. 2. С. 133–137.

Лукьянов М. Н. Российский консерватизм и реформа, 1907–1914. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2001. 212 с.

Российский Архив (История Отечества в свидетельствах и документах XVIII – XX вв.). Вып. IV. Меньшиков М. О.: материалы к биографии. М.: Студия «ТРИТЭ»; Рос. Архив, 1993. 271 с.

Публицистика М. О. Меньшикова в 1917 г. / вступ. ст., публ. и прим. В. Б. Трофимовой, Е. В. Алёхиной // Литературоведческий журнал. 2014. № 35. С. 272–311.

Пучнина О. Е. Специфика политической философии В. В. Розанова и проблемы ее исследования // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2021. № 3(57). С. 88–94.

Репников А. В., Милевский О. А. Две жизни Льва Тихомирова. М.: Academia, 2011. 560 с.

Репников А. В. Консервативные модели российской государственности. М.: Политическая энциклопедия, 2014. 527 с.

Репников А. В. «Я ... уголек, выпавший из распявшегося самовара прежней России» (дороги Льва Тихомирова) // Тетради по консерватизму. 2020. № 1. С. 355–370.

Розанова Т. В. «Будьте светлы духом» / предисл. и сост. А.Н. Богословского. М.: «Blue Apple», 1999. 183 с.

Розанов В. В. Письма 1917–1919 годов. / вступ. ст. Е. Ивановой; публ. и прим. Т. Померанской // Литературная учеба. 1990. № 1. С. 70–88.

Розанов В. В. Собрание сочинений. В чадю войны (Статьи и очерки 1916–1918 гг.) / под общ. ред. А. Н. Николукина. М.: Республика; СПб.: Росток, 2008. 621 с.

Розанов В. В. Собрание сочинений. Мимолетное / Под общ. ред. А. Н. Николукина. М.: Республика, 1994. 541 с.

Скиперских А. В. Политические институты в текстах Василия Розанова: критика и смиренность // Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований. 2016. № 3. С. 258–265.

Следственное дело доктора Дубровина (Публикация В. Г. Макарова // Архив еврейской истории. Международный исследовательский центр российского и восточноевропейского еврейства. М., 2004; Приговоренный к расстрелу дважды («коммунист-монархист» Александр Иванович Дубровин). Т. 1. С. 84–144.

Тихомиров Л. А. Дневник Л. А. Тихомирова, 1915–1917 гг. / Российский гос. архив социально-политической истории, Центр по разраб. и реализации межархивных программ документальных публикаций федеральных архивов, Гос. архив Российской Федерации, Ин-т обществен-ной мысли; сост. А. В. Репников. М.: РОССПЭН, 2008. 438 с.

Тихомиров Л. А. Тени прошлого. Воспоминания / сост., вступ. статья и примеч. М. Б. Смолин; оформл. Б. Е. Бикашов. М.: Изд-во журнала «Москва», 2000. 720 с.

Фатеев В. В. В. Розанов. Жизнь. Творчество. Личность. Л., 1991. 368 с.

Харуки В. Лев Тихомиров: его духовный мир в последние годы жизни (1913–1923) // Политическая история России. Избранные труды. 1960–2017. М., 2018. С. 287–321.

Чернявская В. Е. Прошлое как текстовая реальность: методологические возможности лингвистического анализа исторического нарратива // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2016. № 3(41). С. 76–87.

Якушева Г. В. Естественный человек у Розанова // Наследие В. В. Розанова и современность: материалы Международной научной конференции, Москва, 29–31 мая 2006 года / сост. А. Н. Николюкин. М.: «Политическая энциклопедия», 2009. С. 350–355.

ADAPTATION OF CONSERVATIVE POLITICAL WRITERS TO RUSSIAN REVOLUTION 1917–1921

Gazizullin Timur A.
Perm State University,
614990, Russian Federation, Perm, Bukireva str., 15,
timuralgaz25@gmail.com

The article reveals the adaptation mechanisms of the conservative political writers during the Russian Revolution of 1917 - 1921. The theoretical framework of the study is historical anthropology and hermeneutics. At the level of everyday life, it is shown, how the move from Moscow and Petrograd to the provinces affected the imaginary mapping of conservatives. Political writers moved away from the public field, devoting most of his time to survival.

Key words: Conservatism; Russian revolution; V. V. Rozanov; L. A. Tikhomirov; M. O. Menshikov

**«ШЕСТЬ СОТОК» / РАССКАЗ О СОВЕТСКОМ СЧАСТЬЕ:
ИСТОРИЯ МАССОВОГО ДАЧНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА
НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА КУЙБЫШЕВА В 60-Е ГГ. XX ВЕКА**

Нефедова Дарья Игоревна

Самарский государственный национальный исследовательский университет,
443068, Россия, Самара, ул. Академика Павлова, 1,
TvoyaDarya18@yandex.ru

В статье показана история появления дачных участков размером в шесть соток. Анализируются указы и постановления 1960-х гг., содержащие нормы размеров и выдачи земель под садово-огородные выращивания. Рассматривается история возникновения садоводческих товариществ. Кроме того, дается краткий анализ Куйбышевского садоводства в 1965 год.

Ключевые слова: Дачи; дачное строительство; оттепель; Куйбышев в 1960-е годы; шесть соток.

Сегодняшний день ещё позволяет сохранить сохранившуюся дачную культуру. Бывшие заводские дачи, куда ещё спешат на автобусах пенсионеры, пустеют, участки продаются под коттеджное строительство, сносятся. Необходимо зафиксировать в исторических исследованиях этот феномен так называемого «советского счастья», «шесть соток», свой домик, сад и огород, которые давали существенное подспорье во времена тотального дефицита в СССР и компенсировали недостаток отдыха.

Дефицит продуктов в послевоенное время относится к одной из причин массового дачного строительства. Сельское хозяйство и промышленность в середине XX в. находились в состоянии развала, что привело к голоду 1946 и 1947 гг. В связи с данной ситуацией, коммунистическая партия собиралась решить вопрос нехватки продовольствия силами самих трудящихся. Выдаваемые участки земли, дачи должны были компенсировать недостатки городских квартир и дать ресурс для отдыха и работы на собственной земле [Горлов, 2019, с. 107].

Понятие «шесть соток» как синоним личного сада или огорода, появилось в России в 1949 г. Впервые участки размером 600 кв.м. для выращивания продуктов питания стали выделять трудящимся по указанию И. В. Сталина. Как была организована эта работа показывает постановление Совета министров СССР от 24 февраля 1949 г. № 807 «О коллективном и индивидуальном огородничестве и садоводстве рабочих и служащих» [Постановление..., 1949].

Решение о выделении шести соток было принято исходя из положений – именно этот размер земли требуется, чтобы прокормить среднестатистическую советскую семью из четырех человек. При большей площади у людей появятся излишки и собственнические интересы, а также занятия на участке будут отнимать много времени. В справке от 24 мая 1945 г. говорилось об обеспечении семенным материалом земель, предназначенных для индивидуальных огородов, семьям военнослужащих и инвалидам Отечественной войны [Справка от 24 мая 1945 г.].

Участки земли выделялись заводам, учреждениям, организациям, воинским частям, а не физическим лицам. В связи с тем, что понятия частной собственности в СССР не существовало, «Устав садоводческого товарищества», утвержденный постановлением Совета Министров РСФСР от 15 октября 1956 г. № 678, предусматривал закрепление индивидуальных участков за садоводами в бессрочное пользование, а последние уже распределяли участки среди рабочих, служащих, пенсионеров и ветеранов.

В городах и рядом размеры участков были размерами до 600 кв.м., вне городов – до 1200 кв.м. в зависимости от наличия свободных земель [Типовой устав..., 1956].

Лучшие и расположенные ближе к населенным пунктам участки получали в первую очередь семьи погибших воинов и инвалиды Великой Отечественной войны. Тем, у кого уже были приусадебные участки, землю не отводили.

Участок отдавался в бессрочное пользование при следующем условии: землепользователь должен был оставаться работником предприятия в течение 5 лет с момента получения. Это правило не касалось пенсионеров, инвалидов и умерших. При переезде в другой город садовый участок нужно было отдать, но новые владельцы возмещали прежнему его затраты (размер возмещения определяли местные власти).

Начиная с 1960-х гг. укоренялись новые модели поведения при распределении квартир, дач, например, использование различных связей с важными должностными лицами [Столетова, 2021, с. 63].

Власть в 1960-е гг. признала, что приусадебное хозяйство крестьянина и рабочего провинциальных городов являлось главным источником поддержания существования и снабжения сельскохозяйственной продукцией. Н.С. Хрущев официально признал, что заявления о разрешении зерновой проблемы были обманом [Григорьева, 2003]. В 1963 г. СССР оказался в сложной экономической ситуации. Согласно аграрной политике Хрущева, кукурузу как «перспективную» культуру стали сеять по всей стране в больших количествах. При этом зачастую

жертвовали посевами пшеницы и ржи, что привело к сокращению сбора зерновых. Над страной нависла угроза очередного голода. Поэтому в конце 1960-х гг. появился ряд постановлений о дальнейшем развитии садово-огородного направления.

Владельцы дач в период правления Н. С. Хрущева открыто называли «новыми кулаками» и предлагали им сократить дачные участки. Как пишет В. Н. Горлов, «Комиссия Моссовета на специальном совещании 11 июля 1960 г. отмечала, что в садоводстве получили сильное развитие частнособственнические тенденции и стремление к извлечению нетрудовых доходов. Это выражалось в сдаче в аренду дачных помещений и эксплуатации земельных участков, а также в продаже садоводами на рынке по спекулятивным ценам фруктов, ягод и цветов, что способствует развитию частнособственнической психологии. Комиссия пришла к выводу, что в результате отсутствия должного контроля садоводство получило неправильное развитие и не способствует коммунистическому воспитанию советских людей» [Горлов, 2019, с. 107–111].

Разграничение правовых режимов земельных участков для индивидуального жилищного и дачного строительства было закреплено Постановлением Совета министров СССР от 30 декабря 1960 г. № 1346 «Об индивидуальном строительстве дач». Выделение новых земельных участков под дачное строительство гражданам было запрещено [Постановление..., 1960]. С 1961 г. дачные земельные участки могли предоставляться только дачно-строительным кооперативам, им же принадлежали строения, возведенные на земельных участках.

Появились первые садоводческие товарищества, располагавшиеся вдоль железнодорожных магистралей и пригородных автобусных маршрутов.

Рабочие и служащие нескольких небольших предприятий, учреждений или организаций могли объединиться в садоводческое товарищество, а профсоюзы контролировали, правильно ли использовались участки. Были и случаи отвода земель коллективам граждан, например, пенсионерам или жильцам какого-либо дома.

Все работы по закладке сада и уходу за ним могли проводиться коллективно, без закрепления за каждым из садоводов индивидуального участка, а получаемая продукция должна была распределяться с учетом затраченного труда. Появилась и возможность строить летние дома: так, участки стали более пригодными для временного проживания. Постановление Совета министров РСФСР от 12 апреля 1965 г. «О коллективном огородничестве рабочих и служащих» закрепляло отвод и закрепление земельных участков для данных целей «за предприятиями, учреждениями и организациями на срок до пяти лет» [Постановление..., 1965].

В сведениях о предприятиях и учреждениях, которым принадлежали дачные участки, можно найти размер земельного участка, а также количество работников [Сведения по индивидуальному...]. Анализ садоводства Куйбышевской области дается в «Справке в ВЦСПС о работе садовых-дачных товариществ по развитию садоводства в Куйбышевской области 27 января 1965г» [Справка в ВЦСПС...,1965]. Первые земельные массивы под садоводство в Куйбышевской области начали отводить в 1949 г. В более широких размерах развитие садоводства относится к 1955–1958 гг. Так коллективу организации п/я 32 в 1949 г. под эти цели было выделено 41 га, в 1958 г. 80 га, в 1956 г. 45 га и за 1959–1960 гг. было выделено 18 га.

Земельные массивы выделялись в распоряжение фабрично заводских и местных комитетов профсоюза, которые распределяли их по цехам и последние решали, кому предоставить участок.

Рабочим выделялись 68–70% земельных участков, ИТР – 25–27% и служащим – 5%. При распределении участков преимущество имели многосемейные: в организации п/я 76 из 670 садоводов 480 были рабочими, 150 – ИТР, 40 – служащих; многосемейных было 250.

Все расходы по благоустройству садовых массивов производились за счет владельцев участков путем взносов, предусмотренных сметой утвержденной собранием садоводов.

Садоводы выращивали плоды и ягоды для себя, но в связи с тем, что в 1963 г. в Куйбышевской области был обильный урожай вишни, а в 1964 г. яблок, садоводы имели возможность продавать его в розницу и сдавать на приемные пункты, что позволило снизить цены на эти продукты с 1 руб. до 15 коп. за кг. В г. Куйбышев, как только стало известно о принятом решении правительства «об устранении необоснованных ограничений подсобного хозяйства колхозников, рабочих и служащих», многие рабочие самовольно стали занимать непригодную к посеву землю и создавать на ней дачные участки [Справка в ВЦСПС...,1965].

Постановление Совета Министров РСФСР от 18 марта 1966 г. закрепило и правила по ведению коллективного садоводства с выделением не более шести соток на участок [Постановление...,1966].

Итог проверки деятельности садово-дачного хозяйства, произведенной ревизором при Куйбышевской областной конторе Госбанка т. Нестеренко В. С. за период с 1 декабря 1968 г. по 1 января 1969 г. находится в акте с указанием данных о доходах, урожаях, задолженностях и пр. [Акт ревизии...,1969].

В «брежневский» период стремление к небольшому участку, тишине и лужайке было связано со способом снятия напряжений, стремлением уйти от гипокинезии. Граждане строили на участках дома, тем самым стимулируя развитие строительной индустрии, мебельной промышленности [Горлов, 2019, с. 110].

В результате дачной политики 1960-х гг. в СССР сложился особый тип советской урбанизации, совмещавший использование городских квартир и загородных дач. Дачное движение оказалось весьма желанным и востребованным советским человеком, дававшим ему и отдых на природе, и пополнение продуктовой корзины в эпоху тотального дефицита. В результате власть начала тормозить свою же инициативу дополнительными постановлениями в отношении дачного строительства. Тем не менее, дачное движение 1960 гг. уменьшило продовольственный дефицит, способствовало развитию пригородной инфраструктуры, в частности, стимулировало железнодорожный электротранспорт, а также вселило в «миллионы» советских людей оптимизм и веру в светлое будущее, которое отныне было связано еще и с маленьким домиком и собственным садом. «Вишнёвый сад» переключался из знака дворянской культуры дореволюционной России, сметённый капитализмом Лопахиных, в «6 соток счастья» советского человека, культурный знак советской эпохи «развитого социализма», пока не был сметен постперестроечным периодом.

Библиографический список

Акт ревизии деятельности садово-дачного хозяйства, произведенной ревизором при Куйбышевской областной конторе Госбанка т. Нестеренко В.С. за период с 1 декабря 1968 г. по 1 января 1969 г. // Самарский областной государственный архив социально-политической истории (СОГАСПИ). Ф.1011. Оп. 21. Д. 156. Л. 15–18.

Горлов В. Н. Загородная дача как зеркало советского образа жизни // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2019. № 1. С. 107–111.

Григорьева А. Г. Советская повседневность и уровень жизни населения СССР в 1953-1964 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2003. URL: <https://www.dissercat.com/content/sovetskaya-povsednevnost-i-uroven-zhizni-naseleniya-sssr-v-1953-1964-gg> (дата обращения: 05.08.2024).

Постановление Совета Министров РСФСР и Всесоюзного Центрального Совета Профессиональных Союзов от 12 апреля 1965 г. № 453 «О коллективном огородничестве рабочих и служащих» // СПС КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=34321#TF2giuT6pIWklPx41> (дата обращения: 05.08.2024).

Постановление Совета Министров РСФСР от 18 марта 1966 г. «О коллективном садоводстве рабочих и служащих в РСФСР» // СПС КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=10160#gUEgiuT2k3Okodbk>(дата обращения: 05.08.2024).

Постановление Совета Министров СССР от 24 февраля 1949 г. № 807 «О коллективном и индивидуальном огородничестве и садоводстве рабочих и служащих» // СПС КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=10160#XkueiuTWcV0VYa811> (дата обращения: 05.08.2024).

Постановление Совета Министров СССР от 30 декабря 1960 г. № 1346 «Об индивидуальном строительстве дач» // СПС КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=790#jcefiu-TKgu4GFdVz>(дата обращения: 05.08.2024).

Сведения по индивидуальному и коллективному огородничеству // СОГАСПИ. Ф. 9444. Оп. 1. Д. 49. Л. 101, 123, 124, 127.

Справка в ВЦСПС о работе садовых-дачных товариществ по развитию садоводства в Куйбышевской области 27 января 1965г // СОГАСПИ. Ф. 9358. Оп. 4. Д. 472. Л. 2–5.

Справка от 24 мая 1945 г. // СОГАСПИ. Ф.714. Оп. 1. Д. 1120. Л. 30–31.

**«SIX ACRES» / A STORY ABOUT SOVIET HAPPINESS:
THE HISTORY OF MASS SUBURBAN CONSTRUCTION
ON THE EXAMPLE OF THE CITY OF KUIBYSHEV
IN THE 60S OF THE TWENTIETH CENTURY**

Nefedova Darya I.
Samara State University,
614990, Russian Federation, Samara, Academician Pavlov str., 1,
TvoyaDarya18@yandex.ru

The article shows the history of the appearance of plots of six acres in size. The decrees and resolutions of the 1960s are analyzed, which show the size of suburban areas, to whom and how land was allocated for horticultural cultivation. The history of the emergence of horticultural associations is considered. A brief analysis of Kuibyshev horticulture in 1965 is also given.

Key words: Dachas; cottage construction; thaw; Kuibyshev in the 1960s; six acres.

СЮЖЕТ ВХОЖДЕНИЯ В КАРТИНУ: ПРОБЛЕМЫ МЕЖСЕМИОТИЧЕСКОГО ПЕРЕХОДА (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА В. НАБОКОВА «ПОДВИГ»)

Ухтомская Лидия Александровна

Воронежский государственный университет,
394018, Россия, Воронеж, Площадь Ленина, 10,
9october@list.ru

В статье предпринимается попытка на формальном и содержательном уровнях текста проанализировать функции перемещения героев художественных произведений внутрь вторично закодированных миров, представленных экфрасисами; осмысляется и развивается поиск интертекстуальных связей применительно к роману В. Набокова «Подвиг»; расширен корпус его претекстов; делаются выводы о многоуровневой интерпретации фикциональности в искусстве.

Ключевые слова: экфрасис; знак; кодирование; Набоков; претекст; граница; арка; изображение; переживание искусства.

В литературоведении вставка в текст элемента зрительно-образной семиотической системы называется экфрасисом. Самый очевидный пример – описание картины внутри литературного произведения. Другими словами, «визуальный текст» соотносится определенным образом с общей логикой текста, в который он вписан. Пространственные искусства, к которым причисляют живопись, – это искусства, обладающие видимой формой, располагающейся в пространстве, но не изменяются и не развивающиеся во времени. Поэтому экфрасис в некотором смысле является задержкой движения. Литература же, наоборот, искусство временного развертывания, последовательное повествование о процессах и поступках.

Логика настоящего исследования строится на сюжете «оживания» картины, то есть метаморфозы, отменяющей ее привычное бытование. Изображение приобретает проницаемость и вступает во взаимодействие с воображаемой реальностью, описанной в тексте. Здесь экфрасис приобретает сюжето(пре)образующую функцию, он начинает **управлять сюжетом**. По мнению Н. Меднис, такой процесс может осуществляться по одному из двух возможных сценариев. В первом случае изображенное материализуется снаружи картины, в которую оно заключено, таковы, например, «Портрет» Н. В. Гоголя или «Пиковая дама»

А. С. Пушкина. Во втором случае персонаж текста пересекает границу и попадает в реальность, изображенную на картине. Ситуации, соответственно, актуализируют эстетику ужасного и эстетику исчезновения. Далее нами рассматривается как раз случай попадания литературного героя внутрь экфрасического пространства, то есть его двойное (дублицированное) кодирование знаками письма, включая те знаки, которые описывают иконическое изображение, по ту сторону которого оказывается персонаж. Сначала картина переходит в литературу, а потом происходит сюжетный переход литературного элемента (героя) в картину. Экфрасис всегда совмещает в себе изображенный мир и точку зрения созерцающего субъекта. Но что если точка зрения наблюдателя смещается внутрь самого изображения? В этом случае экфрасис перестает быть экфрасисом и уничтожается диегезисом [Шатин, 2004].

Очевидный пример такого рода содержится в романе В. Набокова «Подвиг»: *«над маленькой, узкой кроватью ... висела на светлой стене акварельная картина: густой лес и уходящая вглубь витая тропинка. Меж тем, в одной из английских книжонок, который мать читывала с ним [...] был рассказ именно о такой картине с тропинкой в лесу прямо над кроватью мальчика, который однажды, как был, в ночной рубашке, перебрался из постели в картину, на тропинку, уходящую в лес»* [Набоков, 2006]. Любопытно то, что в процитированном фрагменте фантазия детерминирована впечатлением от прочитанного в английской книге. То есть увязывание зрительных впечатлений с возникновением мысли героя о физическом побеге через двухмерное пространство акварельного пейзажа стало возможным благодаря включению еще одного элемента – текста рассказа и связанного с ним читательского впечатления. Восприятие текстовое и восприятие зрительное работают паритетно и сонаправленно, происходит отождествление увиденного и прочитанного, порождающее интенцию или намерение, которое впоследствии будет реализовано героем в его подвиге-исчезновении. Роман Набокова издан в 1932 году. Английская книжка, о которой идет речь, вполне могла быть вымышленной. Комментатор Набокова А. Долинин полагает, что речь идет об «Оле-Лукойе» датчанина Г. Х. Андерсена (1841): *«Оле-Лукойе дотронулся [...] до картины, и нарисованные на ней птицы запели, ветви деревьев зашевелились, а облака понеслись по небу; видно было даже, как скользила по земле их тень. Затем Оле приподнял Яльмара к раме, и мальчик стал ногами прямо в высокую траву»* [Набоков, 2006, с. 718]. Эта версия не представляется исчерпывающе убедительной, так как речь идет о сне (Лукойе означает «закрой глаза»), сам персонаж действует исключительно в онирическом про-

странстве и, кроме этого, сам автор не является англичанином. Однако не исключено, что одним из претекстов «Подвига» мог быть «Волшебный город» англичанки Эдит Несбит, опубликованный в 1910 году. Есть в ней, однако, существенное отличие от набоковского трансграничного перехода. У Несбит мальчик оказывается внутри выстроенного им собственноручно, с использованием игрушек и бытовых предметов, города. Впервые оказавшись внутри, повествователь отмечает, что *«события совершенно не развивались. Филип просто стоял себе и стоял, и травинки касались его голых ног»* [Несбит, 2016, с. 26]. Здесь происходит замедление действия почти до полной остановки, напоминающей застывшее изображение. У Набокова же акварель написана бабушкой героя: *«бабушка [...] ревностно занимаясь акварелью во дни молодости, вряд ли предвидела, когда мешала на фарфоровой палитре синенькую краску с желтенькой, что в этой рождающейся зелени будет когда-нибудь плутать ее внук»* [Набоков, 2006]. Этот факт может быть скрытым указанием на то, что идея подана женщиной, и это женщина, которая старше автора. Если косвенно Набоков намекает на Несбит, то фактически она старше на 41 год, разница, возможная между «бабушкой» и «внуком».

Помимо хронологических допущений, текст сказки содержит пассаж о том, что мальчик Филип, попавший в игрушечный город, арестован за нарушение границы и незаконное проникновение на его территорию. Герою сообщают, что при основании города астрологами было предсказано: *«однажды появится нарушитель границы и принесет нам невероятные беды»* [Несбит, 2016, с. 33]. Кроме этого, мальчик соглашается совершить 7 подвигов (*seven noble deeds*), что в целом характерно для сказочного повествования. Отметим, что идея фикс набоковского Мартына состояла как раз в тайном нелегальном пересечении советской границы. А его исчезновение в финале романа намекает на то, что это ему удалось. При этом «подвиг» находится за пределами текстуального пространства, Мартын отправляется в путешествие, в ходе которого просто-напросто пропадает. Большая часть романа посвящена бытовым переживаниям эмигранта из России, связанным с родителями, возлюбленной, обучением в университете.

Кроме этого, в книге Несбит волшебное место действия носит название Полистархия (*Polistarchia*), напоминающее греческое *αρχή* «господство, власть», встречающееся в таких словах, как «архив», «олигархия». Однако попав туда впервые, Филип входит в город, пройдя через большой свод, или арку. *Arch* содержится в названии и по-английски означает именно «арку». У Набокова Мартын со своей возлюбленной сочиняет воображаемую землю, которую именует Зоорландией. Как в Полистрахии, так и в Зоорландии действуют

абсурдные законы, допускаются фантастические события, нарушаются логические связи между явлениями. Оба воображаемых локуса указывают на потребность и способность героев мечтать, переформулировать обыденную действительность. Мотивы вымышленного локуса, вхождения в картину и арки, архитектурный смысл которой восходит к торжественному сакральному переходу-преодолению, скомбинированы еще в одном произведении – рассказе А. Грина «Фанданго», написанном в 1927 году. Его герой Александр Каур переносится в сказочный приморский город Зурбаган, используя магический конус и живописное полотно: *«я не двигался. Рассмотрев дверь, я не узнал этой части стены. Она поднялась выше, имея вид арки с запертыми железными воротами, сквозь верхний ажур которых я видел глубокий свод. [...] куда я ни оглядывался, везде наметились разительные перемены. С потолка спускалась бронзовая массивная люстра. Часть стены, выходящей на улицу, была как бы уничтожена светом, и я видел в открывшемся пространстве перспективу высоких деревьев, за которыми сиял морской залив»* [Грин].

Еще одним, уже собственно набоковским претекстом «Подвига» является ранний его рассказ «Венецианка», написанный в 1924 году. Рассказы Набокова считаются лабораторией изготовления его прозы [Хетени, 2022, с. 388], отработкой тем и приемов, реализованных им впоследствии в более крупных литературных формах. По сюжету «Венецианки» в Морийн влюблены сразу трое – ее муж, ловкий Франк и застенчивый Симпсон. Франк в тайне пишет полотно «Венецианка», изображая на нем Морийн, выдавая его за портрет, написанный итальянцем, мастером Высокого Возрождения. К существующей в действительности картине дель Пьомбо «Молодая римлянка», прототипу «Венецианки», Набоков при описании добавляет тропинку. Тропинка же манит Мартына, уже в тексте «Подвига», в лес, застывший над его детской кроватью. Свою «Венецианку» Франк продает отцу-коллекционеру, получая таким способом капитал для побега вместе с Морийн, желанного для них обоих. Симпсон, понимая ничтожность своих шансов на успех у Морийн, подменяет ее в своей голове венецианкой, изображенной на портрете, интуитивно догадываясь о наличии связи между той, что изображена на картине, и живой Морийн. Заметим, что Морийн на полотне Симпсон «видит» глазами ее автора – Франка. То есть наблюдатель, визионер в этом случае тоже закодирован дважды. Плоскостное изображение представляется ему более доступным, чем его прототип, и он искренне желает переместиться в реальность изображения. Франк же, по стечению обстоятельств предполагающий, что Симпсон рассказал его отцу об адюльтере с его участием, мстит

«доносику» и вписывает того в картину к венецианке, предлагая ему инициировать романтическую связь в пространстве художественного вымысла. Интенции обоих героев совпадают. Симпсон ощущает, что действительно перешел границу картины и, высыхая, застывает внутри изображения. Картина как бы теряет статус вещи и потом снова возвращает его себе, умерщвляя своего визитера. Отметим, что Ю. Шатин заключает, что путешествие героя внутрь двухмерного пространства всегда связано либо с его желанием своей смерти, либо с экстраполяцией смерти в конце сюжета [Шатин, 2004]. Оба эти варианта вполне согласуются и с логикой «Подвига», финал которого оставлен открытым, выражен при помощи «значимого отсутствия». Симпсон же поочередно претерпевает превращения из состояния одушевленности через неодушевленность визуального знака снова к одушевленности – пробуждению в саду. По воле автора происходит литературный жонглиж субъектно-объектными и пространственно-временными отношениями. Т. Автухович называет описанный прием нарративным эллипсисом, заключающемся в незаметном переходе от воображаемого к реальному, с невозможностью фиксации границ между ними. Хиастическая конструкция текста не дает определенного ответа, что произошло с Симпсоном, расколов героя на означаемое (дорисованное изображение на полотне) и означающее (человека-референта, который пребывает во сне или же исчез, перестал существовать на самом деле). Пробуждение героя последовало вслед за описанием того, как реставратор удаляет изображение Симпсона с картины. Экфрасис в рассказе может быть равно истолкован как миметический, отсылающий к самому Симпсону, или как условный, референта больше не имеющий. В последнем случае означающее отсылает зрителя к пустоте. В пользу этой второй версии говорит следующая деталь. По пробуждении Симпсона садовник обнаруживает неподалеку *«небольшой темный лимон с отпечатками на нем пяти пальцев»*, без сомнения, это тот самый *«холодный маленький лимон»*, взятый героем изнутри живописного пространства, что подтверждается фиксацией размера и констатацией его пребывания в человеческой руке. Анализ рассказа помогает проследить, как по-разному реализуется идея вхождения в картину для каждого из его ключевых персонажей. Для знатока живописи Магора такое погружение – метафора понимания смысла художественного произведения, для Симпсона – эмоциональное переживание искусства, для автора «Венецианки» Франка – гениальное подражание, присвоение «чужой» кисти. В каждом случае набоковский отказ от трактовки искусства как реальности второго порядка мерцает различными гранями смыслов.

Как известно, изображение отнюдь не тождественно тому, что оно демонстрирует. Укрупненная в рассказе референциальная иллюзия, свойственная

знаку по природе, порождает мотив обмана. В «Венецианке» обмануты почти все: муж Морийн ее изменой, отец Франка подлинностью и ценностью полотна, Симпсон – венецианкой, влечение к которой потенциально могло окончить время героя, предоставив взамен пространство на холсте. То же и у романного Мартына: исчезнув из повествования, он символически останавливает время событий собственной жизни. При реалистической трактовке концовки подразумевается, конечно, нелегальный переход им границы и последующий расстрел [Шраер]. Но о какой границе речь: семиотической или государственной? Смерть героя не зафиксирована, но образ тропинки снова возникает на заключительной странице романа. Исчезновение концовки текста (равно умышленное и непреднамеренное) прерывает текст, при этом отсутствие значимого элемента композиции также отсылает читателя к пустоте. Повторюсь, сам подвиг героя остается в этой семиотической пустоте, лишенной каких бы то ни было знаков вообще, в гомогенном потоке отсутствия.

И если в «Венецианке» фигура Симпсона мерцает между мирами, то в «Подвиге» Мартын соскальзывает со всех осей координат, мы не можем зафиксировать ни его перемещение (существование во времени), ни его положение (существование в пространстве). Субъект полностью поглощается памятью в финальный момент изъятия [Ямпольский, 1998, с. 171] изо всех цепочек вещей и последовательностей событий.

Библиографический список

Автухович Т. Е. «Венецианка» В. Набокова: литературные и эстетические контексты // Мир в Слове. Слово в мире: Вып. 4: сб. науч. ст. / отв. ред. Т.Е. Автухович. Гродно: ЮрСаПринт, 2023. С. 3–14.

Антошина Е. В. Рассказ В.В. Набокова «Венецианка»: происхождение сюжета // Вестник Томского государственного университета. 2020. №452. С. 5–20. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rasskaz-v-v-nabokova-venetsianka-proishozhdenie-syuzheta> (дата обращения: 26.11.2023).

Грин А. С. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 5. URL: <https://rvb.ru/20vek/grin/ss6/vol5/texts/144.html> (дата обращения 14.11.2023).

Меднис Н. Е. Венеция в русской литературе / отв. ред. Т. И. Печерская; Рос. акад. наук. Сиб. отд-ние. Ин-т филологии, Новосиб. гос. пед. ун-т. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1999. 391 с.

Набоков В. В. Русский период. Собрание сочинений: в 5 т. / сост. Н. Артеменко-Толстой; предисл. А. Долинина; примеч. М. Маликовой. СПб.: Симпозиум, 2004. Т. 1. 832 с.

Набоков В. В. Русский период. Собрание сочинений: в 5 т. / сост. Н. Артеменко-Толстой; предисл. А. Долинина; примеч. О. Сконечной, А. Долинина, Г. Утгофа, А. Яновского, Ю. Левинга, М. Маликовой, Р. Тименчика. СПб.: Симпозиум, 2006. Т. 3. 848 с.

Несбит Э. Волшебный город: [сказочная повесть] / пер. с англ.; ил. Е. В. Волжиной. М.: Нигма, 2016. 248 с.

Нике М. «Венецианка» Набокова, или чары искусства // Звезда. 2000. №10. С. 201–205.

Хетени Ж. Сдвиги: узоры прозы Набокова. Бостон: Academic Studies Press; СПб.: Библиороссика, 2022. 457 с.

Шатин Ю. В. Ожившие картины: экфрасис и диегезис // Критика и семиотика. 2004. Вып. 7. С. 217–226. URL: <https://studylib.ru/doc/2699249/ozhivshie-kartiny--e-kfrazis-i-diegezis-yu.v.-shatin> (дата обращения: 20.11.2023).

Шраер М. Д. О концовке набоковского «Подвига». URL: <http://nabokov-lit.ru/nabokov/kritika/shraer-o-koncovke-nabokovskogo-podviga.htm> (дата обращения 21.11.2023).

Ямпольский М. Б. Беспамятство как исток: (Читая Хармса). М.: Новое лит. обозрение. 1998. 379 с.

THE PLOT OF ENTERING INTO PAINTING: THE PROBLEM OF INTERSEMIOTIC TRANSITION (BASED ON V. NABOKOV'S NOVEL «PODVIG»)

Ukhtomskaya Lidia A.
Voronezh State University,
394018, Russian Federation, Voronezh, Ploschad Lenina, 10,
9october@list.ru

The article deals with formal and content-related functions the literary transitions inside the secondary encoded worlds represented by ekphrasis; it comprehends and develops the search of intertextual connections with V. Nabokov's novel «Podvig», expands the corpus of its pre-texts, draws conclusions about plural interpretation of fictionality in art.

Key words: *ekphrasis; sign; encoding; Nabokov; pre-text; borderline; arch; image; experience of art.*

ЧЕХОВСКИЙ СЛЕД В ПОВЕСТИ Ю. ТРИФОНОВА «ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ» (ПЬЕСА «ДЯДЯ ВАНЯ»)

Гендрин Павел Алексеевич

Томский государственный университет, 634050, Россия, Томск, пр. Ленина, 36,
polgenders@gmail.com

Работа посвящена исследованию присутствия пьесы А. Чехова «Дядя Ваня» в повести Ю. Трифонова «Предварительные итоги». Эксплицитные и имплицитные отсылки участвуют в организации трифоновской концепции произведения. Обращение к чеховскому претексту свидетельствует о диалоге Ю. Трифонова с позицией великого предшественника и способствует формированию авторского представления о возможностях человека в преодолении чуждости Другого и обретению связей с ним.

Ключевые слова: *интертекстуальность; диалог; Другой; эксплицитные отсылки; имплицитные отсылки; межтекстовые связи.*

Повесть «Предварительные итоги» относится к зрелому этапу творческого становления Юрия Трифонова в изображении внутренней жизни человека и действительности. С точки зрения исследователя Т.Л. Рыбальченко, сюжет повести представляет мысленно-ассоциативный поток, в котором «самосознание раздвигается, вмещая ряд воспоминаний о прошлом...» [Рыбальченко, 1977, с. 99].

Сложность архитектоники произведения и художественной философии автора породила несколько интерпретаций героя и авторской концепции. Так, по мысли Н. Б. Ивановой, герой «сдается существованию. Эксперимент с побегом в пустыню не удался...» [Иванова, 1984, с. 133]. Похожей позиции придерживается и Т. Л. Рыбальченко: «Эпилог обнажает безрезультатность подведения нравственных итогов...» [Рыбальченко, 1977, с. 105]. Т. Патера видит в конфликте повести «отражение социальной драмы человека, не находящего себе места в обществе, нравственных идеалов которого он не разделяет» [Патера, 1983, с. 204]. К образу Геннадия Сергеевича исследователь обращается через этико-философские феномены «терпения/нетерпения», что позволяет открыть динамику в сознании героя, потенциальное преодоление им чуждости близких. Отсюда делается вывод, кажется, более точно отвечающий авторской концепции повести: «Финал повести не показывает перерождения героя, но дает надежду» [Суханов, 2021, с. 75].

Авторская концепция героя формируется в том числе через включение интертекстуальных отсылок к «Дяде Ване», что требует дополнительной интерпретации присутствия чеховского произведения. Пьеса в художественный мир повести вводится через высказывание жены героя: «...Рита сказала, что я профессор Серебряков, что она всю жизнь надеялась на что-то во мне, но ничего нет, я пустое место, профессор Серебряков...» [Трифонов, 1979, с. 272]

Пьеса «Дядя Ваня» на протяжении века становилась предметом критической, литературоведческой, театроведческой рефлексии отечественных и зарубежных авторов. Феноменальный успех на сцене и сложность поэтики определили множественность подходов к произведению. Исследователи обращаются к пьесе в аспекте пространства [Разумова, 2001], авторского присутствия [Ивлева, 2001], специфики творческой личности автора и принципов драматургии [Тамарли, 2012], проблем коммуникации [Степанов, 2005], философского контекста [Баню, 2018], гендерной психологии [Собенников, 2018] и др.

При всем многообразии исследовательских подходов и выводов об авторской концепции, общим моментом является представление о трагичном характере бытия в чеховской пьесе, связанным с невозможностью экзистенциального самоопределения персонажей и неспособностью к диалогичным отношениям. Одна группа персонажей, пытаясь восполнить собственную пустоту, отождествляет свои цели с интересами другой личности. В итоге «цель и результат деятельности отчуждается от деятеля, лишая его ценности собственного существования» [Разумова, 2001, с. 325]. Другие персонажи не способны на обладание целью поскольку та, по словам Разумовой, «требует не свойственного им активного трансцендирования своего "я"» [Там же].

В условиях тотальной бессмысленности герои Чехова «обречены» на жизнь («Пред ними всегда безнадежность, безысходность, абсолютная невозможность какого бы то ни было дела. А меж тем, они живут, не умирают...» [Шестов]). Они вынуждены мириться с абсурдностью бытия без возможности преодолеть страдание в сострадании, в любви к Другому. Невозможность духовного контакта в произведениях Чехова связана с фундаментальными коммуникационными проблемами, которые происходят от авторского представления о природе знака и языка и «далеко не всегда могут быть исправлены личными усилиями и доброй волей говорящих» [Степанов, 2005, с. 14]. Невозможность духовной любви как способа преодоления отчужденности и неизбывность абсурда приводят героев к моделям поведения, которые исследователи характеризуют в феноменах молчания, замыкания в себе и концепции «вечного труженика» в преломлении мифа о Сизифе в философии А. Камю [Баню, 2018].

Произведение Чехова функционирует в повести Ю. Трифонова на уровнях как персонажей, так и автора. С одной стороны, Рита обращается к образу Серебрякова, исходя из своего понимания чеховской пьесы, и находит соответствия в собственном разочаровании в Геннадии Сергеевиче. В то время как герой предлагает интерпретацию образа, исходя из своей ценностной системы. Так, чеховский профессор становится частью аксиологической борьбы героев и позволяет определить их этико-психологические позиции в авторской концепции.

Можно говорить об эволюции в интерпретации образа чеховского профессора. По мысли Долженкова, в XX веке образ Серебрякова интерпретировался либо в связи с определенным общественным течением, в идеях которого Войницкий разочаровывается (либеральное доктринерство с позиции В. Е. Хализева [Хализев, 1961]), либо как воплощение той окружающей гнетущей жизни, против которой дядя Ваня бунтует («серебряковщина» как «олицетворение мертвенно-тусклой жизни» по мысли З. С. Паперного [Паперный, 1982, с. 102]) [Долженков, 2014]. Так, некоторые исследователи долгое время принимали точку зрения Войницкого, а его суждения трактовались как способ выражения авторской позиции. То же, по мысли Б. В. Катаева, происходило и в ряде постановок, в которых конфликт пьесы интерпретировался так, как «если бы автором пьесы был Иван Петрович Войницкий: всегда, или чаще всего, доминирует его точка зрения на происходящее» [Катаев, 2018, с. 131].

За последние несколько десятилетий сформировалась другая точка зрения [Долженков, 2014], [Катаев, 2018], [Степанов, 2005], позволяющая понять образ Серебрякова не только в социально-идеологическом, но и экзистенциальном аспекте, и установить принципиально иной тип конфликта в пьесе: субстанционального, но не идеологического или личностного.

В суждениях практически всех героев пьесы Серебряков предстает в исключительно социальной роли: либо как знаменитый профессор, либо как бездарность. Тогда как личностный уровень героя остается закрытым для всех, кроме старой Марины, способной понять состояние профессора и проявить заботу: «Старые что малые, хочется, чтобы пожалел кто, а старых-то никому не жалко» [Чехов]. Неясность социального статуса Серебрякова (невозможно доказать правдивость обвинений Войницкого или полностью отвергнуть их) – знак позиции автора, для которого достижения человека в социальной сфере не являются критерием личностной реализации.

По мысли Долженкова, профессор «не бездарность и не гений, а средний ученый, каких много» [Долженков, 2014, с. 135]. В таком случае обвинения Войницкого, призванные открыть ничтожество, бездарность Серебрякова, проходят

мимо объекта и вскрывают лишь разочарованность дяди Вани в собственной жизни. Это позволяет исследователю сделать вывод, что «конфликт Войницкого с Серебряковым оказывается конфликтом человека с жизнью в целом, с жизнью, какова она есть» [Там же. С. 39]. Субстанциональный конфликт объединяет героев пьесы, несмотря на социальные различия. Личностная нереализованность, проявляющаяся в одиночестве, «драме старости» [Долженков, 2014]) Серебрякова и ощущении потраченной впустую жизни Войницкого делает героев едиными в несчастье, а неспособность к пониманию Другого приводит к неразрешимости конфликта.

В повести Трифонова оценка Риты, данная Геннадию Сергеевичу через сопоставление с Серебряковым, связана с переживанием страдания: «Страдания жены от нереализованной претензии на исключительность <...> соединяются со страданиями за социальную неуспешность мужа» [Суханов, 2021, с. 73]. Подобно «суду» Войницкого над Серебряковым, обвинения Риты вскрывают не ничтожество Геннадия Сергеевича (или Серебрякова в случае с дядей Ваней), а неудовлетворенность героини жизнью и неспособность принять свою судьбу.

Чуждость супругов как следствие исчезнувшей «любви-страсти» и невозможность обретения духовной любви приводит к отказу от понимания. Разочарованность в потраченной жизни, нереализация личностного потенциала усиливает чуждость и приводит к непринятию феноменальности внутреннего мира Другого, неспособности целостного восприятия его личности. В итоге Рита редуцирует целое судьбы героя до социальной роли. Так, отсутствие внешнего социального успеха у Геннадия Сергеевича определяет уничтожающую оценку Риты, данную в состоянии раздражения («пустое место» [Трифонов, 1979, с. 272]).

Геннадию Сергеевичу дан шанс на рефлекссию совершенных поступков и осознание необходимости внутренней трансформации, в то время как сознание Риты остается закрытым для читателя. Однако «испуганный голос» героини [Трифонов, 1979, с. 218] в ответ на звонок мужа («Что с тобой?» [Трифонов, 1979, с. 218]) может также свидетельствовать о произошедшем за время разрыва изменении намерений по отношению к Другому в сторону заботы.

Герой критически осмысляет интерпретацию Риты: «Профессор Серебряков тоже человек. Зачем уж так презирать его?» [Там же. С. 272]. С одной стороны, герой приближается к авторскому пониманию примата личностной реализации над социальной, феноменальности жизни человека, не предполагающей осуждения или презрения. С другой стороны, Геннадий Сергеевич, принимая уже личностную позицию Серебрякова, оправдывает себя.

Ценностную позицию Геннадия Сергеевича до точки скандала, «нетерпения» определяла адаптация к репрессивной реальности, принявшая характер смирения. Герой принимал свершившееся целое своей судьбы как данность: недостижение профессионального успеха, творческой реализации, благополучия в семье: по словам героя: «каждый человек достоин своей судьбы» [Там же. С. 236]. Такую модель поведения исследователь называет «терпение-для-себя» в противовес «терпению-для-других» как принятия неидеальной реальности и самоопределения в феноменах сострадания и любви. Отказ от «терпения-для-других», требующего личностных усилий в сострадании, характеризует и Серебрякова. Чехов не принимает позицию судьи профессора, но осмысляет его замкнутость в страдании. Таким образом, самоидентификация Геннадия Сергеевича с Серебряковым позволяет ему обосновать собственный отказ от экзистенциальной позиции, за формулировкой «обыкновенного человека» спрятать не столько отсутствие профессионального признания, сколько неспособность к принятию реальности, что требует установления контакта и диалога с Другим.

Однако сходство позиций Геннадия Сергеевича и Серебрякова корректируется финалом произведений. Модель «терпения-для-себя» остается характерной для чеховского профессора и в финале пьесы: бунт Войницкого никак не повлиял на самосознание профессора. «Бегство» Серебрякова в Харьков свидетельствует о попытке избавиться от явленных противоречий. Такая позиция в авторской концепции связана не только с онтологической беспомощностью человека, но и со стремлением скрыть конфликтность межличностного существования, создать иллюзию внешней благополучности.

Герою Трифонова дается надежда на изменение отношения к миру, связанная с восприятием опыта понимания и любовного отношения у других (Валя, Атабалы). Геннадий Сергеевич способен открыть и признать несовершенство своей позиции по отношению к миру и Другим. Отсюда автор дает потенциальную возможность герою дать «ценностный ответ» бытию. Геннадий Сергеевич возвращается к близким, намечая возможность любовного чувства как преодолевающего отчужденность начала.

В сознании героев устойчива ассоциация: Геннадий Сергеевич – Серебряков: что объясняется схожестью социальной судьбы иллюзорности благополучия профессора и героя Трифонова. Однако в авторской концепции не меньше точек соприкосновения существует в паре Геннадий Сергеевич – Войницкий.

Объединяет Геннадия Сергеевича и Войницкого близкий возраст, идея работы как «служения», сожаления об утраченных возможностях, позиция судьи,

которую они считают вправе занять из-за принесенной другим «жертвы». В концепции авторов подобная позиция «служения» воплощает мысль о замкнутости героев в страдании, о продуцировании мифов о себе и других как попытке обрести смысл существования. Дядя Ваня заменяет реализацию интеллектуального и духовного потенциала выполнением хозяйственных поручений и помощью в работе Серебрякова. Несчастье Войницкого происходит из несоответствия его судьбы и личностного потенциала, который не был реализован. Дядя Ваня, как и Геннадий Сергеевич, презирает собственную социальную судьбу.

Неудовлетворенность жизненным выбором, осознание упущенных возможностей приводит героя к мировоззренческому кризису, который приобретает острую форму в конфликте с Серебряковым: «Дядя Ваня создает два мифа о своей жизни. Согласно первому, Серебряков - гений, а он служит профессору, а через него – науке, прогрессу, человечеству. <...> Миф второй: профессор – бездарность, он обманул меня; я, кто сам мог стать Шопенгауэром, Достоевским, пожертвовал собой ради ничтожества, погубил свою жизнь» [Долженков, 2014, с. 141]. Создание мифов – способ адаптации героя к репрессивному характеру реальности. Самовозвеличивание и самоуничижение – это виды сострадания к себе, рождающего страдание. Вспышка гнева, попытка застрелить Серебрякова – последняя попытка Войницкого (в его понимании) утвердиться в мире, «отыграть» жизнь.

С одной стороны, Геннадий Сергеевич находится в похожей позиции. Герой также не реализовал творческий и личный потенциал, также не принимает свой нынешний образ жизни: необходимость заниматься «мурой», жить в семье, которая не признает его «служения». Ключевым отличием повести является, во-первых, позиция героя «перед лицом смерти», которая заставляет его кардинально пересмотреть свои нравственные принципы. Во-вторых, возможность героя преодолеть замкнутость сознания через обращение к Другим. Безуспешный «бунт» Геннадия Сергеевича уже был совершен, сюжет повести – это преодоление кризиса, «ликвидация» поступка, выход к преодолению отчужденности.

В финальных версиях обоих произведений (в противовес первоначальному замыслу) герои выживают. Объединяющее авторов решение сохранить жизнь персонажам отлично в своей интенции. Если у Чехова – это обозначение позиции «вечного труженика» как утверждение абсурдности человеческого существования в невозможности преодолеть отчужденность, то у Трифонова – это попытка «дать надежду» герою в изменении намерений по отношению к миру.

Таким образом, пьеса Чехова «Дядя Ваня» в повести Трифонова функционирует на разных уровнях произведения. Воспроизведенные Трифоновым в повести инвариантные модели отношений, изображенные в пьесе Чехова, позволяют на авторском уровне выявить разницу отношений Чехова и Трифонова к возможностям человека в реальности. Автор «Предварительных итогов» вступает в дискуссию с Чеховым, изображая возможность преодоления тотального отчуждения в феноменах сострадания и «терпения-для-других», которые определяют потенциальную способность героев и к любовному чувству как связующему людей началу.

Библиографический список

Баню Ж. Дядя Ваня и миф о Сизифе // От «Лешего» к «Дяде Ване»: сб. науч. работ междунаро-д. науч.-практ. конф., Москва, Мелихово, 25–27 сентября 2017 г. М., 2018. Ч. 1. С. 229–232.

Долженков П. Н. Эволюция драматургии Чехова: монография. М.: МАКС Пресс, 2014. 259 с.

Иванова Н. Б. Проза Ю. Трифонова. М.: Советский писатель, 1984. 296 с.

Ивлева Т. Г. Автор в драматургии А. П. Чехова. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2001. 131 с.

Катаев В. Б. К пониманию Чехова. М.: ИМЛИ РАН, 2018–247 с.

Паперный З. С. «Вопреки всем правилам...»: Пьесы и водевили Чехова. М.: Искусство, 1982. 285 с.

Патера Т. Обзор творчества и анализ московских повестей Юрия Трифонова. Анн-Арбор: Ардис, 1983. 348 с.

Разумова Н. Е. Творчество А. П. Чехова в аспекте пространства. Томск: Томский государственный университет, 2001. 521 с.

Рыбальченко Т. Л. Жанровая структура и художественная идея (Повесть Ю. Трифонова «Предварительные итоги») // Проблемы метода и жанра. Томск, 1977. Вып. 4. С. 98–105.

Собенников А. С. Пьесы «Леший» и «Дядя Ваня» в аспекте гендерной психологии // От «Лешего» к «Дяде Ване»: сб. науч. работ междунаро-д. науч.-практ. конф., Москва, Мелихово, 25–27 сентября 2017 г. М., 2018. Ч. 1. С. 341–349.

Степанов А. Д. Проблемы коммуникации у Чехова. М.: Языки славянской культуры, 2005. 400 с.

Суханов, В. А. Терпение как ценностный ответ личности в прозе Ю. Трифонова // Русская литература в XX веке: имена, проблемы, культурный диалог. Томск, 2021. Вып. 11. С. 63–76.

Тамарли Г. И. Поэтика драматургии А. П. Чехова (от склада души к типу творчества): моногр. Таганрог: Изд-во Таганрог. гос. пед. ин-та имени А. П. Чехова, 2012. 236 с.

Трифонов Ю. В. Другая жизнь. М.: Известия, 1979. 688 с.

Хализев В. Е. О природе конфликта в пьесе А. П. Чехова «Дядя Ваня» // Вестник Московского государственного университета. Сер. 7. Филология. Журналистика. 1961. № 1. С. 50–59.

Чехов А. П. Дядя Ваня // Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. М., 1986. Т. 13. URL: <https://ilibrary.ru/text/972/index.html> (дата обращения: 30.12.2023).

Шестов Л. И. Творчество из ничего (А. П. Чехов) // Библиотека «Вехи». Б. м., 2000. URL: <https://www.vehi.net/shestov/chehov.html> (дата обращения 30.12.2023).

CHEKHOV'S TRACE IN Y. TRIFONOV'S STORY «PRELIMINARY RESULTS» (THE PLAY «UNCLE VANYA»)

Gendrin Pavel A.

Tomsk State University,
634050, Russian Federation, Tomsk, Lenin Avenue, 36,
polgenders@gmail.com

The work is devoted to the study of the presence of A. Chekhov's play "Uncle Vanya" in Y. Trifonov's story "Preliminary Results". Explicit and implicit references participate in the organization of Trifonov's concept of the creation. Turning to Chekhov's pretext testifies to Y. Trifonov's dialogue with the position of his great predecessor and contributes to the formation of the author's idea of a person's capabilities in overcoming the alienness of the Other and gaining connections with him.

Key words: *Intertextuality; dialogue; Other; explicit references; implicit references; intertextual connections.*

ЛИРИЧЕСКИЙ ЦИКЛ «СТЕЛЫ И НАДПИСИ» О. СЕДАКОВОЙ КАК ПРОСТРАНСТВО СО-БЫТИЯ ЧИТАТЕЛЯ И ПЕРСОНАЖЕЙ

Бешимов Михаил Максимович

Научно-исследовательский институт Высшая школа экономики,
190068, Россия, Санкт-Петербург, наб. Канала Грибоедова, 119,
mbeshimov@edu.hse.ru

В статье предпринимается попытка совместить подход рецептивной эстетики В. Изера, базирующийся на философской герменевтике и феноменологии, и формальные методы литературоведения (имманентный анализ, анализ коммуникативной направленности, анализ сюжета лирического цикла). На примере лирического цикла О.А. Седаковой «Стелы и надписи» показывается, как возможно (вопреки фундаментальным положениям нарратологии) встраивание конкретного читателя в коммуникативную структуру художественного текста. В работе выделяются две ключевые структурные особенности «Стел и надписей», позволяющие ему занимать уникальное место относительно большинства других поэтических текстов: универсальная (сам жанр лирического цикла, как имеющий особый потенциал к вовлечению читателя в пространство собственного художественного мира) и частная (нарушение коммуникативных уровней и сложные метаморфозы лирического субъекта) и подробно рассматриваются обе.

Ключевые слова: *Рецептивная эстетика; сюжет лирического цикла; нарратология; Ereignis.*

Филолог обыкновенно подходит к тексту как к объекту исследования, от которого сам он, как исследователь, дистанцирован. Если же у него и есть какая-то уникальная реакция на текст, то она обычно выталкивается на задворки исследования или вовсе не учитывается. Это положение актуально для представителей всех школ, опирающихся на формальные методы литературоведения – в России это Московско-тартуская семиотическая школа (Ю. М. Лотман, А. К. Жолковский), структуралистское стиховедение М. Л. Гаспарова и Р. О. Якобсона, Смоленская филологическая школа (В. С. Баевский, Л. В. Павлова) и др. Исследованием же непосредственно акта чтения, связи читателя и текста занимается рецептивная эстетика, направление в большей части философское, нежели филологическое, кроме того, достаточно скудно развитое в русскоязычном пространстве¹. Предмет исследования рецептивной эстетики в рамках филологических штудий, как правило, лежит в области социального, исторического или куль-

турного контекста, обуславливающего отношение автора и читателя [Камышиников, Чалая, 2012, с. 118; Даценко, 2010], что, в свою очередь, значительно смещает акцент с содержания текста на затекст и переходит в сферу историко-литературную.

В нынешней работе предпринято объединение подхода рецептивной эстетики (констанцской школы В. Изера) и методов формального литературоведения для анализа уникального художественного произведения, которое самой своей структурой вызывает нас к подобному объединению. Речь идет о лирическом цикле О.А. Седаковой «Стелы и надписи».

Рецептивная эстетика Изера во многом стоит на фундаменте философской герменевтики Гадамера, при которой за основу берется онтологическая уникальность каждого прочтения текста. Когда мы читаем текст, особенно поэтический, мы самым актом чтения создаем ситуацию, при которой художественный мир текста «оживает», фигура читателя здесь неотъемлема от самого произведения, а текст раскрывается перед ним как живое событие [Современная литературная теория, 2004, с. 220]. И это применимо к любому художественному тексту. Однако в случае, когда автор осознает создаваемый им текст подобным образом, возможна ситуация, при которой онтологическое соотношение читателя и текста становится значимой частью художественного мира произведения, дополняют его ей. Одной из таких ситуаций, как представляется, и выступает цикл «Стелы и надписи». Это происходит за счет двух структурных особенностей текста – универсальной (сам жанр лирического цикла, как имеющий особый потенциал к вовлечению читателя в пространство собственного художественного мира) и частной (нарушение коммуникативных уровней и сложные метаморфозы лирического субъекта). Мы рассмотрим обе.

I.

Говоря о лирическом цикле, как об особом жанре, важно оговориться, что имеется в виду «первичный авторский цикл» (по терминологии М. Дарвина) – все входящие в него стихотворения заранее писались как соотносимые друг с другом части цикла и порядок их задавался самим автором [Дарвин, 2018, 35–38]. Цикл «Стелы и надписи» Ольги Седаковой именно таков.

В отличие от самостоятельного лирического текста, существующего лишь в контексте творчества поэта, и имеющего герметичную природу художественного мира (в который, без соотнесения с другими стихотворениями или без знания биографического и социокультурного контекста, проникнуть крайне сложно), цикл представляет собой матричную структуру: перед читателем предстает ряд лирических ситуаций, развертываемых «вертикально», как и всякий

лирический текст, но, при этом, разворачивается и «горизонтальное» отношение между стихотворениями, определяемое теоретиками как сюжет лирического цикла [Дарвин, 1986, с. 220–229; Ляпина, 1990, с. 22–30; Сапогов, 1986, с. 90]. Однако, чтобы не испытывать терминологических трудностей, в данном исследовании не используется понятие сюжета лирического цикла, оно заменено более нейтральным термином «внутренняя динамика».

За счет горизонтального отношения между текстами цикла, мы можем аналитически реконструировать общие для них черты лирического субъекта, представления о пространстве и времени, о значимых образах, о том, как функционирует сам язык в отношении художественного мира, а также мы получаем внутреннюю динамику цикла, некоторый сверхсюжет, наджанровое образование (по определению Дарвина [Дарвин, 2018, 43–44]), которое, вкупе со всем перечисленным, позволяет говорить о цикле как об автономной единице, не нуждающейся в сопоставлении с другими текстами автора.

Лирический цикл «Стелы и надписи» Ольги Седаковой состоит из семи стихотворений, написанных, по авторскому определению, «разрушенным гекзаметром». И, как справедливо замечает Сергей Степанцов, в основе метрики цикла лежит не просто гекзаметр, но элегический дистих [Степанцов, 2014, с. 28–33]. А лирический субъект (или же фиктивный нарратор) – это прохожий,двигающийся по сохранившейся с древнейших времен античной дороге (подобно Аппиевой, о которой говорится в последнем стихотворении цикла). Специфика Аппиевой дороги в том, что вдоль нее расположены надгробные стелы и лирический субъект движется от одной из них к другой, так что каждое из стихотворений цикла (кроме заключительного), представляет собой экфрасис определенной стелы, вербальное описание сценки, которая на ней запечатлена (по традиции, на надгробных стелах в Греции и древнем Риме изображали не только покойного, но и членов его семьи, которые и оплачивали изготовление стелы).

Таким образом, возникает богатая система персонажей цикла (мальчик, собака, старик, девушка у моря, госпожа, служанка и т.д.), которые все при этом составляют общность мертвых, хотя и не лишены возможности коммуницировать друг с другом. Так, основная коллизия первого стихотворения заключается в том, что непонятно кто из изображенных умер – мальчик или старик; и сначала между ними возникает диалог, подразумевающий, что умер сын («Я провинился, отец, но уже никогда не исправлюсь» [Седакова, 2010, с. 295]) и отец прощает его, а затем диалог строится так, что умер отец, и мальчик к нему обращается, рассказывая о своей жизни и сообщая бытовые подробности («у нас перестроили

спальни» [Седакова, 2010, с. 295]). Характерной чертой этих персонажей является то, что все они, как принадлежащие одной общности – общности мертвых (хотя и умерших в разное время), находятся на одном коммуникативном уровне и свободно общаются друг с другом.

Заключительное же стихотворение, седьмое, структурно входит в композиционную рамку, выпадая из внутренней динамики цикла, и представляет собой диалог лирического субъекта (соотносимого с конкретным автором, Ольгой Седаковой) и Нины Брагинской (идеального реципиента и фактического адресата цикла), при котором читателю становится ясна экспозиция:

Нина, во сне ли, в уме ли, какой-то старинной дорогой
шли мы однажды, как мне показалось, вдоль многих
белых, сглаженных плит.

– Не Аппиева, так другая –
ты мне сказала, – это неважно. У их городов
мало ли было дорог,
которые к гробу от гроба
переходили... [Седакова, 2010, с. 302]

Кроме того, «Надпись» задает ландшафт художественного мира цикла и помогает выявить некоторые важнейшие законы его функционирования. Мы понимаем, что художественный мир здесь во многом функционирует согласно логике сна, где обыкновенны причудливые перетекания из одного в другое, где нет ничего странного, все на своем месте, что возможно обращение мертвых к живым и живых к мертвым. И эта информация помогает читателю в понимании первых шести стихотворений цикла.

Таким образом, базовая форма лирического цикла делает «Стелы и надписи» автономным произведением, позволяющим читателю «проникнуть» в свой художественный мир без какого-либо стороннего сопоставления (будь то сопоставления с другими стихотворениями автора, или контекстуализация цикла и соотнесение его с биографией автора).

II

Второй, частной, особенностью цикла является то, что точка зрения лирического субъекта от стихотворения к стихотворению меняется. Причем вектор этого изменения можно было бы обозначить как движение от независимости фигуры прохожего в условном XX веке до совершенного единения точки зрения лирического субъекта и персонажей цикла, людей, умерших несколько тысяч лет назад. Происходит некоторого рода последовательная рассуBJECTивация лирического субъекта. Собственно, этот процесс и составляет внутреннюю динамику цикла.

Закономерно, по ходу изменений, которые претерпевает точка зрения лирического субъекта, меняется и сетка коммуникативной направленности, которая в обычных условиях (в рамках классической нарратологии) остается неизменной. Персонаж, введенный фиктивным нарратором, по Шмидту, находится на уровень ниже фиктивного нарратора и, как следствие, никак не может с ним коммуницировать [Шмидт, 2003, с. 40]. Но в цикле лирический субъект (фиктивный нарратор) не только может вступать в разговор с персонажами, изображенными на стелах, но и становится одним из них (так, в стихотворении «Кувшин. Надгробье друга» фигура независимого прохожего совершенно исчезает, сливаясь с персонажем, который горюет на могиле друга, причем не в современном нам мире, но в семиосфере художественно осмысленной античности: «Возьми, перевозчик, ты видишь, как мы живем на земле...» [Седакова, 2010, с. 300]).

Однако на смешении коммуникативных уровней внутри цикла его структурные особенности не заканчиваются. «Стелы и надписи» предлагают читателю нечто куда более радикальное, чем просто необычную работу с субъектностью, – нечто, в чем можно нащупать самый нерв всего цикла, то, чем он отличен от многих других художественных текстов. В «Стелах и надписях» в коммуникативную структуру художественного мира вводится читатель. С точки зрения нарратологии это нонсенс. Автор и читатель всегда стоят вне пространства художественного мира, текст не имеет права затрагивать их напрямую [Шмидт, 2003, с. 46–57]. Но «Стелы и надписи» затрагивают. Доказательство тому следующее. В третьем стихотворении общность умерших говорит:

Прохожий, люби свою жизнь,
благодари за нее. Тени мало что надо:
памятник встречи. [Седакова, 2010, с. 298]

Это послание на первый взгляд обращено к лирическому субъекту. Однако, учитывая то, что по форме высказывание является ничем иным как надгробной надписью, обращено послание ко всякому прохожему, способному его прочесть. Когда же прохожий читает надпись, случается «живое событие» (термин Изера, изначально концептуализированный как Ereignis, «Событие», у Хайдеггера). Как показывает С. Степанцов в послесловии к циклу [Степанцов, 2014, с. 38–39], ни у одной из описанных стел нет прототипа в реальном мире, единственное пространство, в котором некто, будучи прохожим, имеет возможность встретить эту надпись, – пространство художественного мира цикла. Значит, когда некто читает текст «Стел и надписей», когда он погружается в художественный мир этого текста, мысленно прогуливаясь от стелы к стеле, он неминуемо вовлекается в Событие, потому как рано или поздно дойдет до послания прохожему. Но он не просто вовлекается в это Событие, занимая валентность,

ожидающую, пока кто-то ее заполнит. Самим актом чтения цикла, читатель позволяет художественному миру осуществиться в нем. Не займи он валентности «прохожего» (если, например, он лишь поверхностно пробежится глазами по циклу, не вникая в него), то для него не было бы и художественного мира цикла [Iser, 1994, с. 284–314]. Это работает и в обратную сторону – не будь читателя, не было бы и валентности.

Читатель актом чтения позволяет персонажам цикла и всему художественному миру быть, а сам этот мир, обретя бытие, проявляет свою Заботу (здесь вновь удобней обратиться к термину Хайдеггера, тогда как ход мысли остается в рамках рецептивной эстетики [Современная литературная теория, 2004, с. 202]) по отношению к читателю, к прохожему, обращается к нему, и тоже позволяет ему быть как прохожему, встречающему надгробную надпись. А значит, все то, что говорилось прежде об изменениях точки зрения лирического субъекта, актуально также и для читателя, который исследует художественный мир цикла. Разговор с умершими несколько тысяч лет назад людьми, становление одним из них, абсолютная рассубъективация и кульминационное растворение в фигуре гераклитовского айона, века человеческой жизни, – все это переживает вдумчивый читатель цикла, и все это «оседает в его памяти» [Современная литературная теория, 2004, с. 207], позволяя воспроизводить себя вновь и вновь многие годы после прочтения.

Примечания

¹ Так, на русский язык не переведены даже основные труды В. Изера, такие как *Der Akt des Lesens – Theorie ästhetischer Wirkung* (1976), *Prospecting: From Reader Response to Literary Anthropology* (1989). А вместо самостоятельных разработок в сфере рецептивной эстетики, встречаем статьи, поясняющие Изера и Яусса: Зусман В. Г. Рецептивная эстетика. Эстетика воздействия // Русский акцент в мировой культуре. Н. Новгород: Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, 2010. С. 53–60.

Кроме того, практика общения с различными представителями филологической среды показывает, что о рецептивной эстетике многие имеют лишь поверхностное представление и, в большинстве случаев, не учитывают ее в своей работе.

Библиографический список

Дарвин М. Н. Поэтический мир лирического цикла: автор и текст. М.: РГГУ, 2018. 288 с.

Дарвин М. Изучение лирического цикла сегодня / М. Дарвин // Вопросы литературы. 1986. №10. С. 220-229.

Даценко Ю. В. Рецептивная эстетика в интерпретации художественного образа (на материале новеллы Т. Манна «Тонио Крегер») // Мировая литература на перекрестье культур и цивилизаций. 2010. С. 50–56.

Камышников Р. В., Чалая Е. В. Рецептивная эстетика в качестве инструмента анализа произведений британских поэтов первой мировой войны // Вісник Севастопольского государственного университета. 2012. Вып. 126. С. 118–121.

Ляпина Л. Е. Жанровая специфика литературного цикла как проблема исторической поэтики // Проблемы исторической поэтики. Межвузовский сборник. Петрозаводск, 1990. С. 22–30.

Сапогов В. А. Сюжет в лирическом цикле // Сюжетосложение в русской литературе. Даугавпилс, 1980. С. 90–97.

Седакова О. А. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 1: Стихи / ред. М. Криммель. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2010. 438 с.

Современная литературная теория. Антология / сост. И. В. Кабанова. М.: Флинта; Наука, 2011. 434 с.

Степанцов С. А. Послесловие // О. Седакова Стелы и надписи. СПб: Издательство Ивана Лимбаха, 2014. С. 21–40.

Шмидт В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры. 2003. 435 с.

Iser W. Der Akt des Lesens: Theorie aesthetischer Wirkung / W. Iser. 4. Aufl. München: Fink, 1994. 358 S.

LYRICAL CYCLE "STELES AND INSCRIPTIONS" BY O. SEDAKOVA AS A SPACE OF CO-EXISTENCE OF THE READER AND CHARACTERS OF THE CYCLE

Beshimov Mikhail

National Research University Higher School of Economics,
190068, Russian Federation, St. Petersburg, Griboyedov Canal emb., 119,
mbeshimov@edu.hse.ru

The article attempts to combine the approach of V. Iser's receptive aesthetics based on philosophical hermeneutics and phenomenology and formal methods of literary studies (immanent analysis, analysis of communicative orientation, analysis of the plot of the lyric cycle). On the example of O. A. Sedakova's lyrical cycle "Steles and Steles". Sedakova's lyrical cycle "Steles and Inscriptions" shows how it is possible (contrary to the fundamental provisions of narratology) to embed a specific reader in the communicative structure of an artistic text. The paper identifies two key structural features of "Stels and Inscriptions" that allow it to occupy a unique place in relation to the majority of other poetic texts: universal (the genre of the lyric cycle itself as having a special potential to involve the reader in the space of his or her own artistic world) and private (violation of communicative levels and complex meta-morphoses of the lyric subject) and discusses both in detail.

Key words: Receptive aesthetics; the plot of the lyric cycle; narratology; Ereignis.

УЧЕНИЕ О «НЕВИДИМОЙ ЦЕРКВИ» В СОЧИНЕНИЯХ ИММАНУИЛА КАНТА И ВАЛЕНТИНА ВАЙГЕЛЯ

Ковальчук Алексей Игоревич

Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского
191023, Россия, Санкт-Петербург, набережная реки Фонтанки, 15,
alexkova1993@mail.ru

Статья посвящена сравнению экклезиологии немецкого мистика Валентина Вайгеля и немецкого философа Иммануила Канта. Несмотря на негативное отношение Канта к мистицизму, его учение об этическом государстве во многих отношениях оказывается близким мистическому учению о «невидимой церкви». Также рассматривается место идей Валентина Вайгеля в истории немецкой мысли и выявляется причина использования мыслителями концепции «невидимой церкви». Кроме того, в статье анализируются тождество и различие в интерпретации Кантом и Вайгелем основных свойств церкви, сформулированных в Никео-Цареградском Символе веры. Это позволяет сделать еще один важный шаг в прояснении отношений немецкой классической философии и немецкого мистицизма и рассмотреть Канта как наследника немецкой христианской традиции.

Ключевые слова: Валентин Вайгель; Иммануил Кант; невидимая церковь; немецкий мистицизм; философия религии; экклезиология.

Кантовская философия часто рассматривается исследователями как отрицающая религию и оставляющая взамен нее одну лишь мораль. Достаточно вспомнить о запрете Канту королем Пруссии Фридрихом Вильгельмом II что-либо писать о религии после публикации философом трактата «Религия в пределах только разума» [Кант, 2002, с. 26–30]. Схожее преимущественно негативное отношение к кантовской философии религии было характерно и для российской историографии [Крыштон, 2020, с. 464–471]. Однако в современной науке вектор постепенно меняет свое направление. Встречаются работы, в которых, с одной стороны, доказывается, что религия занимает важнейшее место в системе кантовской философии [Там же], а с другой стороны, происходит оправдание философских взглядов Канта на религию [Философия и теология..., 2023; Моральная религия..., 2023]. Более того, эти исследования показывают преимущество кантовской философии в отношении основных принципов христианства. Последнее невозможно без определения тех понятий, которыми пользовался

Кант для своих решения философских задач и которые он сохранил от предшествующей ему христианской традиции. Одно из таких важнейших христианских понятий, используемых им в трактате «Религия в пределах только разума» – понятие «невидимая церковь». Сравнение интерпретаций этого понятия в христианской мысли и творчестве Канта поможет лучше прояснить христианские основания кантовской философии.

Хотя идея «невидимой церкви» имеет длинную историю, уходящую корнями к векам раннего христианства, именно немецкий мистик Валентин Вайгель, по точному замечанию игумена Петра Мещеринова, «ярче всего увязал невидимую Церковь с мистическим, личным, внутренним началом в христианине» [Вайгель, 2016, с. 27]. Это указание на внутреннее начало, субъективность вызывает ассоциацию с кантовским антропологическим переворотом. В среде иностранных исследователей встречается точка зрения, согласно которой Вайгель объявляется одним из предшественников немецкой классической философии и, в частности, идей Канта [Койре, 1994, с. 83–84]. В статье немецкого исследователя Х. Ресснера показывается определенная обоснованность в необычном именовании Канта «мистиком», которое, впрочем, сам Кант по отношению к себе отрицал [Ресснер, 2018].

Так, известно, что Кант был воспитан в пиетистской среде [Грибенко, 2019, с. 99], а пиетизм во многом опирался на немецкую мистическую традицию. Ф. Я. Шпенер, основатель пиетизма, высоко ценил творчество Иоганна Арндта, воцерковившего многие еретические, с точки зрения ортодоксального лютеранства, идеи мистика и теолога Вайгеля [Вайгель, 2016, с. 35]. Сам же Вайгель был одним из первых *лютеранских* писателей, что продолжили католическую немецко-мистическую традицию, восходящую к Майстеру Экхарту. С одной стороны, Вайгель – это фигура существенная для пиетизма, а потому и для Канта, а с другой стороны, мысль Вайгеля укоренена в духе немецкого мистицизма, то есть его учение является развитием традиционных для немецкого народа религиозных представлений. Все это дает возможность сравнить взгляды Канта и Вайгеля на природу церкви.

Прежде всего, необходимо указать на специфику *возникновения* концепции невидимой церкви в христианской литературе. Впервые она появляется в сочинениях Климента Александрийского [Новорун, 2015, р. 50], но наиболее разработанной идея оказывается у Августина Блаженного. Так, он пишет: «многие находящиеся на первый взгляд вовне и называемые еретиками лучше многих добрых католиков, ибо мы видим их такими, какие они сегодня, но мы не знаем, какими они будут завтра. Для Бога же, Который всегда знает будущее, они уже такие,

какими станут потом» [Шафф, 2009, с. 317]. Таким образом, введение данной концепции происходит на раннем этапе развития христианского богословия и связывается с пониманием религии как сферы внутренней жизни, о которой никто кроме Бога и (иногда) самого человека не может знать. В силу этого устанавливается несовпадение границ истинной, духовной, а потому невидимой, и внешней, эмпирической, видимой церкви. Причем такое противопоставление может принимать или вид *дуализма* идеи-реальности, то есть стремиться к их несовпадению, или же реальная эмпирическая церковь может пониматься как, пусть и в разной степени, но *осуществленная идея*. Полное же тождество внешней и внутренней церкви невозможно, так как снимает саму идею невидимой церкви.

В качестве подтверждения того, что происхождение концепции невидимой церкви связано с акцентом на внутренней стороне религии, можно указать на небывалое внимание к идее в эпоху Реформации. Понимая Реформацию как «величайшее Деяние Бога» [Фокин, 2009, с. 86], реформаторам необходимо было доказать, почему внешнего пребывания в лоне церкви недостаточно и почему некая группа церковных реформаторов имеет право обвинять большинство «верующих» в заблуждении, в том числе самого Папу¹. Обоснование возможно только тогда, когда спасение происходит по «вере», то есть когда христианином может называться исключительно тот, кто внутренне (верой), а не внешне, пребывает в лоне церкви.

Позже в рамках лютеранства, равно как и кальвинизма, вернулось понимание правильной «веры» как правильного *убеждения*. И вновь, особенно после признания Формулы согласия, сфера внутренней жизни окажется второстепенной [Вайгель, 2016, с. 22-25], поэтому уже и в новосозданной, протестантской, церкви начались гонения на инакомыслящих, а церковь вновь стала восприниматься как внешнее сообщество. В такой атмосфере отступления от первоначальных идей Лютера² жил и трудился Валентин Вайгель, который в своих написанных в стол сочинениях, сформулировал собственные взгляды на экклезиологию.

Что же представляет из себя невидимая церковь³ у Вайгеля и Канта? В целом, оба мыслителя под ней понимают чистую идею церкви, противопоставленную эмпирической церковной реальности. Вайгель пишет: «Церковь Божия есть невидимое собрание всех верующих всего мира, объединённых единством духа и союзом любви и мира» [Вайгель, 2016, с. 112]. Кант формулирует ее схожим образом: «этическая общность на основе божественного морального законодательства есть церковь, которая, поскольку она не является предметом возможного опыта, называется невидимой церковью (в качестве только идеи объединения всех

честных людей под властью божественно-непосредственного, но морального мироправления — в том виде, как она служит прообразом всякого подобного человеческого учреждения») [Кант, 1980, с. 170].

Чтобы детально сравнить их учения будем опираться на фундамент христианской эkkлeзиологии, 9 член Никео-Цареградского Символа Веры, в котором определены главные свойства церкви: единая, святая, соборная и апостольская.

Итак, *первое* свойство церкви — единство. Согласно Канту и Вайгелю, только невидимая церковь едина, тогда как видимая с необходимостью «многоголова». Связано это с тем, что последняя к истинному учению всегда присоединяет вводимые ее основателями и руководителями *внешние исторические* положения: например, необходимость верить в определенный только этой церковью способ спасения. Поэтому и значение такой церкви частично: она признается лишь теми, кто знаком с ее внешним вероучением и признает его в качестве истинного. Такое историческое вероучение, как не основанное на духе или разуме, противопоставляется Кантом *разумному*, а Вайгелем — *духовному* вероучению.

По Вайгелю в невидимой церкви нет иного главы, кроме Христа, эмпирическая же церковь всегда носит чьи-то имена: Лютера, Цвингли, Кальвина, Папы и т.д. [Вайгель, 2016, с. 134, 205]. Истинная церковь не ограничена ни в пространстве, ни во времени, но пребывает всюду, где есть ее члены. Напротив обстоит дело в государственных и / или народных церквях, где «каждое сообщество в своем определенном месте имеет свое учение, своего главу и учителей, и каждое сообщество думает про себя, что оно-то одно и есть Святая Кафолическая Церковь» [Вайгель, 2016, с. 180]. Делая акцент на внутренней стороне религии, вере и любви, Вайгель расширяет границы церкви за пределы своей конфессии и за пределы самого христианства: «много благочестивых сердец среди кальвинистов, много христиан среди папистов, также много верующих у лютеран, то же — и у турок» [Вайгель, 2016, с. 100]. Хотя о. Петр Мещеринов отмечает, что мистик пишет только о христианах среди турок [Там же], позиция главного ученика Вайгеля, Якоба Бёме, скорее склоняет к другому пониманию: «язычник и турок столь же близки к Богу, как ты под именем Христовым ... Если турок ищет Бога, и при том со всей серьезностью, то он хотя и блуждает слепо, однако пребывает в толпе несмышленных детей и достигает Бога вместе с детьми, которые не ведают, что говорят» [Беме, 2015, с. 107]. В противном случае Вайгеля бы стоило упрекнуть в непоследовательности, которую, в таком случае, исправил Беме, справедливо указав, что многие люди, не зная *истории* Христа, являются христианами по

духу. Действительно, если для пребывания в церкви оказывается значимой исключительно внутренняя жизнь, то институциональное различие перестает играть какую-либо роль.

Кант противопоставляет множественные церковные *веры* единой истинной *религии*. Эта религия всеобща и принадлежность к ней зависит исключительно от морального образа жизни. В отличие от Вайгеля единая религия понимается им уже не как христианская, но как единая религия *разума*. Хотя христианство, как сам указывает философ, наиболее приближено к чистой религии, поскольку его основатель поставил для человека необходимость только доброго сердца, отрицая значимость обрядов и церемоний [Кант, 1980, с. 200–201]. Даже иудеи могут войти в истинную церковь, если преодолеют статуарное (то есть выводимое из откровения, а не из разума) содержание своей веры. Все те, кто исповедуют единую моральную *религию*, оказываются членами невидимой церкви, вне зависимости от принадлежности к той или иной статуарной церковной *вере*.

Таким образом, как для Вайгеля, так и для Канта единство церкви производно от *содержания* учения, а именно от *всеобщности* этого содержания. Если исторические церкви в качестве необходимости спасения предлагают человеку знание священных историй и веру в их истинность (фактичность), то в истинной церкви нет ничего обусловленного временем и пространством. Это выражено во *втором* свойстве церкви – святости, которое Кант называет «чистотой» [Кант, 1980, с. 171].

Вайгель прямо указывает, что «члены (невидимой церкви) познаются по любви и по жизни Христовой – не по внешнему слышанию или по участию в Таинствах». По Канту причастность единой церкви человек обретает исключительно своим моральным образом мысли и жизни, который построен на следовании категорическому императиву или долгу. Это единственный критерий пребывания в церкви, а «то, что вера в историю есть долг и она сопричастна блаженству – это предрассудок» [Кант, 2002, с. 88].

Однако возникает вопрос, одно ли и то же подразумевает Вайгель под «жизнью Христовой» и Кант под «нравственным императивом». С одной стороны, кажется, что нет, поскольку для Канта высшее духовное состояние есть моральность, в рамках которой человек *сам* трудится над тем, чтобы стать достойным божественного соучастия, а для Вайгеля собственные усилия в деле спасения оцениваются скорее негативно, поскольку они укрепляют наше «я», а для истинно духовной жизни, напротив, нужно пройти через «смерть Хри-

стову», то есть через смерть ограниченного «я» с его пусть и на благо направленными стремлениями. Различие очевидно и состоит в предпочтении активного или пассивного образа жизни.

Однако при более внимательном рассмотрении оказывается, что это различие касается разных сторон духовной жизни. Об этом свидетельствует чрезвычайная важность для Канта, воспитанного в духе пиетизма, темы «нового рождения». Говоря о воспитании, Кант критикует сведение его к формированию в человеке исключительно правильных *нравов*. Следовало бы, прежде всего, воспитывать нравственный образ *мысли*, поскольку моральное зло коренится исключительно в использовании нашего разума *для животной природы*, тогда как разум есть цель *для самого себя* [Кант, 1980, с. 101, 119–120]. Таким образом, для Канта не всякая активность субъекта моральна. В этом и состоит пересечение позиций Канта и Вайгеля: мистическая пассивность оказывается не лишена моральной активности, а активность у Канта – это не активность эмпирической природы, а активность свободы, которой наша природа должна быть подчинена.

Третье свойство церкви есть соборность. Как мистик, так и философ интерпретируют его как свободу. Во-первых, в невидимую церковь человек попадает только путем изменения внутреннего состояния, то есть само бытие церкви раскрывается через нашу субъективность. А значит в церкви нет места никакому принуждению, ведь внешним образом оказаться в ней невозможно, а потому и попытки привлечения в церковь таким методом оказываются бессмысленными и даже вредными.

Так, Вайгель пишет, что для истинной религии нужны не внешние книги, но «истинная книга в сердце» [Вайгель, 2016, с. 21]. Ничто внешнее – ни таинства, ни слово Божье (как текст Библии и церковная проповедь), ни добрые дела – *сами по себе* не способны привести человека к духовной жизни. Напротив, поскольку все это само произнесено и написано из сокровенной внутри каждого человека «книги сердца», поэтому только она и есть ключ к пониманию всех внешних откровений. Кант вторит Вайгелю, указывая, что для истинной религии нужен исключительно только разум. Только внутреннее откровение как голос разума является основанием и критерием для всякого другого откровения [Кант, 2016, с. 180].

Несмотря на очевидное различие мистического и философского методов («книга сердца» и «голос разума»), стоит заметить и их определенную близость. Так, в некоторых сочинениях мистик указывает именно на *интеллект* как высшую по отношению к чувственности и рассудку способность, делающую нас духовными существами [Койре, 1994, с. 86]. А Кант напротив, говоря о разумности

в религии, показывает, что она включает в себя «доброе сердце», в котором рождаются моральные чувства. Кант критически относится и к «мечтательности энтузиастов», но моральный образ жизни, согласно философу, проявляется в переживании особого возвышенного чувства, которое пробуждает в нас нравственный образ мыслей и часто «ложно толкуется как мистическое» [Кант, 1980, с. 120–122, 1994, с. 428].

Как пребывание, так и вхождение в эту церковь свободно: «книга» должна быть открыта и прочитана самим человеком. Впервые, по Вайгелю, в полноте это было совершено Христом, поэтому самопознание человека называется рождением во Христе или рождением Христа в нас. Кант также использует выражение «новое рождение», указывая, что речь идет не о преобразовании нравов, то есть о постепенном усвоении нравственных норм, а о коренном перевороте мыслей – «революции». Именно «образ мыслей сына Божьего» делает человека «морально добрым (богоугодным)», т.е. добродетельным по умопостигаемому характеру, который, если он что-либо признает долгом, больше уже не нуждается ни в каких других мотивах, кроме представления о самом долге, не может быть вызвано постепенной реформой, пока основание максим остается нечистым, а должно быть вызвано революцией в образе мыслей человека (через переход к максиме его святости). Новым человеком он может стать только через некое возрождение, как бы через новое творение...и изменение в сердце» [Кант, 1980, с. 118–119].

Во-вторых, выведение природы церкви из внутренней жизни субъекта приводит к освобождению личности от власти всякого церковного авторитета. Для него остается лишь один глава – разум по Канту и Христос по Вайгелю. В-третьих, теряют свое *прежнее* значение и церковные таинства. Мистик прямо указывает, что таинство совершается лишь одной верой [Вайгель, 2016, с. 166]. Кант рассматривает таинства только в качестве знаков, которые призваны пробудить в нас моральные смыслы и чувствования [Кант, 1980, с. 275–276]. В-четвертых, свобода человека предполагает новое отношение к Христу. Он полагается *внутри* самого субъекта: «если не было бы в нас неба, никогда не смогли бы мы взойти на небо» [Вайгель, 2016, с. 240]. Так, Кант именует Христа «угодной Богу человечностью» [Кант, 1980, с. 190]. При этом, по Канту, «Иисус Христос является не только исполнителем нравственного закона, но и его носителем, “автором”» [Моральная религия..., 2023, с. 21].

В-пятых, свобода раскрывается и как веротерпимость. Поскольку принадлежность к невидимой церкви оказывается в потенции присущей всякому человеку, как каждому присущ разум, то «не должно отвергать целиком ту или иную часть человеческой церкви, ибо и среди лютеран Бог имеет Своих, и среди папистов есть истинно верующие, и среди цвинглиан ... также и среди всех народов»

[Вайгель, 2016, с. 112]. И если нельзя принудить человека к жизни в невидимой церкви, то невозможно и каким-либо внешним образом изгнать из нее. Поэтому война против другой церкви, по Вайгелю, – это всегда война и против истинных христиан, которые внутренне, по своему духу, пребывают в истинной церкви.

Последнее, *четвертое*, качество церкви есть ее происхождение от апостолов. Кант интерпретирует его логически как неизменность [Кант, 1980, с. 171]. Именно в этом пункте коренится и *основное различие* учений Вайгеля и Канта. То, что церковь как *идея* есть нечто неизменное, для них неоспоримо. Однако отношение церковной реальности к ее идее у них совершенно разное.

Вайгелевский подход склонен к дуализму. Особенно это прослеживается в его соглашении, при внутреннем несогласии, с документом «Формула согласия» [Вайгель, 2016, с. 22]. Мистик настолько погружен в сферу субъективности, что отрицает какую-либо ценность в реформировании внешней церкви. Поэтому вполне истинное утверждение о том, что, пребывая в любой конфессии, можно быть и в истинной церкви, получает здесь достаточно отчаянный, безнадежный, можно сказать, даже *гностический* характер. Рожденное изнутри собственного духа оказывается *потерянным* во внешней церковности, которая противостоит внутреннему и всегда одерживает победу. В этом плане движение, возникшее уже после смерти мистика и названное в его честь «вайгелианство», скорее противоречит учителю, поскольку осмеливается на борьбу. Неслучайно и последователь Вайгеля, Якоб Бёме, видит свою роль совершенно иначе. Его жизнь посвящается им открытию истинной философии христианства, которая должна *осуществиться* в мире, и уже чрез него она начинает свое победное шествие [Бёме, 2012, с. 122, 397].

Таким образом, Вайгель разрушает необходимость институциональной церкви. Она нужна лишь постольку, поскольку делает совершеннее *личность*. Вайгелевский человек остается один на один с самим собой и Богом. Возможность явления всеобщей идеи церкви им отрицается, ведь ее реализация возможна, как максимум, в виде небольших общин внутри церкви. «Я не хвалю и не браню никакую отдельную церковь – пишет Вайгель, – ибо сам я надеюсь быть членом истинной Церкви ... Всякая церковь в общем, то есть все, что относится к тому или иному церковному сообществу в целом, не является Святой Церковью ... Но в частном, в том, что касается отдельных людей – обретается во всех народах, племенах и языках истинная Церковь» [Вайгель, 2016, с. 163]. Интересно, что к такому же дуализму в итоге пришел позже и пиетизм [Жучков, 1989, с. 25].

Философия Канта иная. Во-первых, он не отождествляет видимую церковь с исторической, допуская существование *истинной видимой церкви*. То есть, в

отличие от Вайгеля, он полагает, что создание единой церкви, или хотя бы приближение каждой церковной веры к истинной религии разума – это наш общечеловеческий долг. Кант специально отмечает, что существует не только индивидуальный моральный долг (спасение самого себя), но и долг общечеловеческий. Именно поэтому человеку *необходимо покинуть* естественное этическое состояние и прийти к гражданскому этическому общежитию, ибо вне него невозможна окончательная победа доброго принципа над злым [Кант, 1980, с. 165–166]. То есть невидимая церковь, согласно мыслителю, есть лишь одна сторона истины, другая – это ее реализация как «действительное объединение людей в единое целое, соответствующее этому идеалу» [Кант, 1980, с. 170]. Сложно не заметить, что Кант в этом пункте является наследником не только Вайгеля, но и эпохи Просвещения с ее идеей общественного развития.

Если Кант предлагал двигаться к постепенному снятию прежней церковной формы как отжившей себя, то Вайгель не видел в этом необходимости. Для мистика истинная религия достижима уже вне внешних реформаций, в духе самого индивида, для Канта же подлинное достижение индивидуального духовного развития возможно только совместно с созданием и распространением истинного общества. Более того, Кант предлагал называть истинной историческую церковь в том случае, если она движется в направлении всеобщей религии, что для Вайгеля немыслимо.

Таким образом, качества церкви трактуются Иммануилом Кантом и Валентином Вайгелем преимущественно сходным образом. Это позволяет сделать вывод о том, что кантовская концепция невидимой церкви движется в русле немецкого мистического христианства, ярким представителем которого являлся Вайгель. В то же время разделяющая Канта и Вайгеля эпоха Просвещения внесла существенное изменение в данную концепцию. Во-первых, церковь у Канта носила уже всеобщий, а не только христианский характер, а во-вторых, он оправдывал историю, показывая, что без реализации идеи эмпирически нет ее логического завершения.

Можно сделать вывод о том, что Кант *развивал* концепцию Вайгеля, которая практически неизменным образом присутствовала в эпоху Просвещения у пиетистов. Тем самым доказывается, что философия религии Канта в учении об этическом общежитии тесно связана с христианской идеей «невидимой церкви». Это позволяет воспринимать Канта не как борца с религией, а как подлинно христианского философа.

Примечания

¹ Так, Мартин Лютер и другие реформаторы зачастую именовали Папу «антихристом».

² Доказательству того, что истинная вера по Лютеру есть не просто убеждение, но образ жизни, Вайгель посвящает работу «Об истинной спасающей вере» [Вайгель, 2016, с. 41-93].

³ Концепцию «невидимой церкви» необходимо отличать от теории ветвей, поскольку последняя делает акцент на равнозначности христианских церквей в силу *внешних* характеристик (апостольское преемство, единство вероучения и т.п.), а в концепции «невидимой церкви» принадлежность ей определяется только духовным образом жизни.

Библиографический список

Беме Я. Аврора, или Утренняя Заря в восхождении / пер. с нем. А. С. Петровского; послесл. и коммент. И. Л. Фокина; ил. П. Ю. Перевезенцева. СПб.: Вита Нова, 2012. 496 с.

Беме Я. О тройственной жизни человека / пер. с нем., вступ. ст., коммент., примеч. И. Фокина. Уфа: ARC, 2015. LXXXII+374 с.

Вайгель В. Избранные произведения / пер. с нем., составл., коммент., предисл. Игумен Петра Мещеринова. М: Центр книги Рудомино, 2016. 320 с.

Грибенко В. В. К вопросу о влиянии пиетизма на формирование трансцендентального поворота в «критической» философии И. Канта / В.В. Грибенко // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. 2019. № 1(3). С. 95–110.

Жучков В. А. Немецкая философия эпохи раннего Просвещения (конец XVII–первая четверть XVIII в.). М.: Наука, 1989. 206 с.

Кант И. Лекции о философском учении о религии (редакция К. Г. Л. Пеллица) / пер, прим. и посл. Л.Э. Крыштоп; под ред. А. Н. Круглова. М.: Канон+РООИ «Реабилитация», 2016. 384 с.

Кант И. Метафизика нравов // Сочинения: в 8 т. М: Чоро, 1994. Т. 6. С. 224–543.

Кант И. Религия в пределах только разума // Трактаты и письма. М: Наука, 1980. С. 78–278.

Кант И. Спор факультетов / пер. с нем. Ц. Г. Арзаканяна, И. Д. Копцева, М.И. Левиной. Калининград: Изд-во КГУ, 2002. 286 с.

Койре А. Мистики, спиритуалисты, алхимики Германии XVI века. Долгопрудный: Аллегро-Пресс, 1994. 170 с.

Крыштоп Л. Э. Мораль и религия в философии немецкого Просвещения: от Хр. Томазия до И. Канта. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2020. 528 с.

Моральная религия И. Канта в свете христианского понятия любви. Материалы обсуждения кантовского трактата «Религия в пределах только разума». Сборник статей / сост. О. Е. Иванов. СПб.: Изд. дом «Петрополис», 2023. 108 с.

Ресснер Х. Кант – мистик? о тезисе из *dissertatio philosophica* Карла Арнольда Вилманса // Кантовский сборник. 2018. Т. 37, №3. С. 7–30.

Философия и теология в классическом немецком идеализме: Кант, Фихте, Шеллинг, Гегель / отв. ред. А. Н. Муравьев, А. А. Иваненко. СПб.: Умозрение, 2023. 496 с.

Фокин И. Л. *Philosophus Teutonicus* Якоб Беме: возведение и путь немецкого идеализма. СПб: «Умозрение», 2019. X+646 с.

Шафф Ф. История Христианской Церкви. СПб.: Библия для всех, 2009. Т. 7. 466 с.

Hovorun C. *Meta-Ecclesiology: Chronicles on Church Awareness*. New York: Palgrave Macmillan, 2015. XIV+242 p.

THE DOCTRINE OF THE INVISIBLE CHURCH IN THE WORKS OF IMMANUEL KANT AND VALENTIN WEIGEL

Kovalchuk Aleksii I.

Russian Christian Academy for the Humanities named after Fyodor Dostoevsky,
191023, Russian Federation, Saint-Petersburg, Naberezhnaya Reki Fontanki, 15,
alexkova1993@mail.ru

The article is devoted to the comparison of the ecclesiology of the German mystic Valentin Weigel and the German philosopher Immanuel Kant. Despite Kant's negative attitude towards mysticism, his doctrine of the ethical state is similar in many points to the mystical doctrine of the "invisible church". The beginning of the article pays attention to the place of Valentin Weigel in the history of German thought and reveals the reason for the use of the concept of the invisible church by thinkers. The following discusses the identity and difference in the Kant's and Weigel's interpretations of the four marks of the Church, formulated in the Niceno-Constantinopolitan Creed. It allows taking another important step in clarifying the relationship between German idealism and German mysticism and considering Kant as the successor of the German Christian tradition.

Key words: *Valentin Weigel; Immanuel Kant; invisible church; German mysticism; philosophy of religion; ecclesiology*

ПОЛИТИЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ НАРОДНОЙ ПАРТИИ КОНВЕНТА В КОНТЕКСТЕ ПРОЦЕССА ДЕКОЛОНИЗАЦИИ ЗОЛОТОГО БЕРЕГА

Клям Виктор Александрович

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
614990, Россия, Пермь, ул. Букирева, 15,
ivitia56@gmail.com

В статье приводится краткий обзор идеологии, политической программы и социально-политических идей Народной Партии Конвента – правящей партии в бывшей колонии Золотой Берег после деколонизации. Эклектичные, претерпевшие определенную эволюцию, политические установки партии рассматриваются в контексте деколонизации и конъюнктуры Холодной войны, которые, по мнению автора, сделали невозможным претворение в жизнь программы партии в существовавших условиях.

Ключевые слова: Золотой Берег; Холодная война; деколонизация; Кваме Нкрума; Народная партия конвента; национально-освободительное движение; постколониализм.

По итогам Первой мировой войны Британская колониальная империя достигла пика своего могущества. Одновременно этот период стал началом конца Британской империи, поскольку во многих колониях началось национально-освободительное движение. Более того, в послевоенный период национально-освободительная борьба народов колоний и зависимых территорий активизировалась и достигла своего пика.

Однако в условиях начавшейся Холодной войны, когда процесс распада колониальных империй стал необратим, а соотношение сил на мировой политической арене изменилось, целью британских властей было не столько предотвращение откола колоний, сколько сохранение политических и экономических позиций в бывших колониях. Осложнялось положение империи и тем, что в реалиях Холодной войны многие локальные события стали фактором геополитического противостояния между антагонистическими системами.

Но массовые выступления и невозможность сдерживать антиколониальные настроения вынудили Великобританию начать постепенную деколонизацию Золотого Берега. Соответственно, Великобритании предстояло модернизировать некоторые социально-политические институты. Для империи было важно преобразовать связи с бывшими колониями с целью сохранения рынков сбыта и источников дешевого сырья. Многие освобожденные страны остались в составе

Британского содружества. Немалую роль в сохранении «контроля» над колониями сыграло то, что освободившиеся страны вышли из-под прямого политического влияния Великобритании с выстроенными британцами социальными и политическими институтами, которые после обретения независимости продолжали играть определенную роль. Известно, например, что резидент британских спецслужб Джон Томпсон убедил Ганское правительство использовать после достижения независимости те же одноразовые ленты британского производства для передачи шифрованных сообщений, тем самым получив прямой доступ к разведанным Ганских органов безопасности [Фурсов, 2020, с. 41–42].

Одна из колоний на африканском континенте, Золотой Берег, получила после обретения национальной независимости от Великобритании свое современное название – Республика Гана, и стала первой освободившейся страной в тропической Африке. Стоит отметить, что Золотой Берег являлся «образцовой колонией» и обладал относительно благополучной экономикой. Однако все черты периферийного уклада были присущи экономике Ганы в той же степени, как и всем остальным освободившимся «странам третьего мира». В их числе, например, сильная ресурсная ограниченность, зависимость от западных инвестиций и от колебаний мировых цен на главную экспортную продукцию – какао-бобы.

Достижению независимости поспособствовали сложившиеся в регионе национально-освободительные силы, в числе которых была наиболее массовая организация того времени – Народная Партия Конвента, основанная в 1949 г. (далее – НПК). Лидером партии являлся Кваме Нкрума – один из наиболее известных и талантливых африканских политиков. Авторству Нкрумы принадлежит целая система социально-политических идей, получивших развитие в период деколонизации Ганы. В советской историографии НПК обозначалась как «первая действительно массовая организация» Золотого берега [История Ганы..., 1985; История национально-освободительной..., 1978; *Мирский*, 1970; На новом пути..., 1968; Политика Англии в Африке, 1967]. В целом, это положение подтверждается и британским министерством по делам колоний.

В ежегодном отчете министерства за 1951 г., например, говорится следующее: «Только одна политическая партия – Народная партия Конвента – создала эффективную партийную организацию, в результате чего она получила 34 из 38 мест, распределявшихся на партийной основе... Первой задачей, с которой пришлось столкнуться, была проблема председателя Народной партии Конвента и ряда его последователей, которые в то время отбывали тюремные сроки»

[Colonial office report..., 1952, p. 3]. И действительно, партия пользовалась широкой поддержкой среди различных слоев населения. Немалую роль в этом сыграли принятые партией политические установки и идеологические принципы.

Нкрума оказал на партийную программу самое значительное влияние. В своем сочинении «Движение за колониальную независимость» 1955 г. Нкрума дал краткий очерк возникновения НПК и поставленных ею целей. Успех партии среди ганского электората Нкрума связывает с принципом организации партии на основе «демократического централизма», всеобщей верой в «правое дело» и строгой дисциплинированностью ее членов (в то время как политические конкуренты представлены запутавшимися оппортунистами) [Nkrumah, 1963, p. 398]. Большое внимание уделяется и выстроенной политической программе, основанной на принципах «свободы, демократии и социальной справедливости». Здесь же Нкрума излагает использованные в качестве методов антиколониальной борьбы принципы «позитивного действия».

В их основе – расчет на ненасильственное сопротивление путем участия в парламентских выборах, демонстрациях и митингах [Ibid. P. 397]. Тактика «позитивного действия» была принята под очевидным влиянием ненасильственного сопротивления Ганди в Британской Индии и должна была способствовать политической мобилизации населения в общем движении к независимости [Ahlman, 2021, p. 101]. «Позитивному действию» Нкрума явно придавал очень большое значение, считая, что без него нельзя добиться освобождения и нельзя перейти от освобождения к мирному восстановлению государства [Nkrumah, 1969, p. 111].

В вышеупомянутой работе Нкрума говорит о бессмысленности «политической свободы» колонии, если она не сопряжена с подлинной экономической независимостью. Нкрума считает, что «независимость Золотого Берега бессмысленна, если она не связана с полным освобождением Африканского континента» [Nkrumah, 1963, p. 407]. В этом тезисе содержится основа «панафриканских» идей Нкрумы, которые будут наиболее полно сформулированы в его будущей работе «Африка должна объединиться» 1963 г. Панафриканизм также станет составной частью идеологии НПК.

Стоит отметить, что именно Нкрума выдвинул самый радикальный среди ганских национально-освободительных сил лозунг: «Самоуправление, немедленно!», который многими изначально трактовался как требование полной независимости. С другой стороны, генерал-губернатор Золотого Берега Арден-Кларк рассказывал, что Нкрума достаточно мягко выражал требования своей партии и

заявлял, что он «друг Британии и хотел бы видеть Золотой Берег в качестве доминиона в составе Британского содружества наций» [Hatch, 1969, p. 263]. Отметим, что такая позиция Нкрумы весьма спорная с точки зрения источника и резко контрастирует с взглядами, изложенными им в более позднем произведении «На пути к колониальной независимости» (1962 г.), где он в достаточно жесткой форме критиковал Британию за технологическую отсталость колоний и абсолютное безразличие колониальной администрации к внедрению местного самоуправления [Nkrumah, 1962, p. 33–35]. В этой же работе он называет статус членства в Британском Содружестве «бутафорией», а примирительные лозунги – «обманом и лицемерием». Все британские доминионы он обвиняет в союзе с британской финансовой олигархией [Ibid. P. 30–31]. В чем заключается это кажущееся противоречие? Ответ стоит искать в программном документе НПК, принятом в 1962 г., где наиболее полно изложены позиции партии по вопросам деколонизации и постколониальному развитию.

В программе НПК 1962 г. «Нкрумаизм, основанный на научном социализме» объявляется, фактически, государственной идеологией. Фундаментальной его идеей является быстрое достижение подлинной независимости путем ускоренного изменения социально-экономической структуры государства. С точки зрения «нкрумаизма», внутренняя и внешняя политика неотделимы и подчинены одной цели: национальному процветанию и прогрессу. Отсюда тезис о том, что ускоренное развитие и создание крупной промышленной базы может быть осуществлено лишь на основе участия в политике неприсоединения, сотрудничестве с развитыми странами для обеспечения источников индустриализации. Эти позиции принимались при полном отрицании политического воздействия иностранных держав на национальную экономику Ганы [Convention People's Party..., 1962, p. 4–6]. Таким образом, программа предполагала внешнеполитическую направленность на постоянное балансирование между сотрудничеством с ведущими странами и стремлением к экономической независимости. Совершенно очевидно, что о «шатаниях» в ганской политике было хорошо известно и в СССР, и на Западе. Например, еще в 1958 г. прозападный премьер-министр Федерации Родезии и Ньясланда, Рафаэль «Рой» Веленски, активный сторонник «европеизации» африканских администраций, указывал на опасность внешнеполитической позиции Ганы [Grilly, 2018, p. 98]. А в 1961 г., например, советник президента США по национальной безопасности Уолт Ростоу предупреждал об опасности ганской политики. Ростоу считал, что деятельность НПК противоречит политике неприсоединения и призывал Великобританию к принятию мер. В противном случае, Ростоу угрожал демаршем США в одностороннем порядке

[Memorandum From the President's Deputy..., 1961]. Очевидно, сохранение отношений с бывшей метрополией носило прагматический характер.

В СССР напряженность вызывал тот факт, что декларируемый «научный социализм» в программе НПК был далек от марксистского понимания. Явное неодобрение вызывала фигура Джорджа Пэдмора – одного из идеологов партии. Пэдмор внес огромный вклад в эволюцию партийной организации, а затем работал над конституционными реформами колонии и в правительстве Нкрумы в качестве его советника по государственным делам. Именно ему принадлежит идея серьезного сотрудничества с огромными группами людей, «как наиболее эффективного средства мобилизации масс» [Grilly, 2018, p. 54]. Некоторые из исследователей называют Пэдмора «идеологическим инженером Нкрумы» [Ahlman, 2017, p. 14; Grilly, 2018, p. 54]. «Джордж Пэдмор – ренегат и настроен явно антикоммунистически... Его книга «Панафриканизм или коммунизм» антикоммунистическая. Дж. Пэдмор оказывает на Нкруму не выгодное нам влияние. Панафриканские идеи Дж. Пэдмора – стремление создать африканский блок, где на ведущих ролях была бы естественно Гана, который противостоял бы как Западу, так и Востоку» – говорилось в отчете африканиста Ивана Изосимовича Потехина, первого директора Института Африки РАН [История Африки..., 2016, с. 171]. Старший преподаватель идеологического института ЦК Народной партии конвента Борис Георгиевич Петрук сообщал, что в институте «все преподаватели-африканцы являются сторонниками социализма, однако они слабо знакомы с научной теорией социализма и нередко пропагандируют националистические взгляды типа негритюда или трактуют социализм как дальнейшее развитие африканского коммунизма» [Россия и Африка..., 2021, с. 281]. Потому социализм, в лучшем случае, партийными массами понимался в духе русских народников XIX века.

Таким образом, центральными идеями Нкрумы и НПК являлись концепции ускоренного экономического развития с целью преодоления отсталости и экономической зависимости в логике неоколониальной парадигмы. Панафриканизм и национализм в совокупности с декларируемым «научным социализмом» были выдвинуты как средства достижения подлинной независимости на этапе деколонизации. Эта позиция была слишком неустойчивая, порождавшая претензии с обеих сторон, но она представляется вполне объяснимой с точки зрения объективных целей постколониального развития в Гане. Такая внешнеполитическая ситуация в Гане существовала вплоть до свержения Нкрумы в 1966 г., и явилась серьезной вехой в развитии ганской политики. Большинство современных исследователей не сомневается в том, что переворот был профинансирован

западными спецслужбами [Мазов, 2014; Ahlman, 2021; Grilly, 2018; Killick, 1978; Montgomery, 2004]. Данную информацию подтвердил бывший оперативный сотрудник ЦРУ Джон Стоквелл [Stockwell, 1984]. Это подтверждено и документальными свидетельствами. О прямой заинтересованности США в этом перевороте говорит то, что через день после переворота заместителю директора ЦРУ Ричарду Хелмсу был направлен меморандум, в котором сообщалось об осведомленности ЦРУ о готовящемся перевороте еще с 1965 г. [Memorandum for the Deputy Director..., 1966].

Нкрума, прекрасно осознавая сложности и объективную конъюнктуру на международной арене, избегал ассоциации своего режима с каким-либо крупным военно-политическим блоком. Единственное, что представляло для него важность – интересы самой Ганы. «Фундаментальное убеждение, которое мы извлекли из нашего жестокого колониального прошлого, заключается в том, что Африка больше не может доверять никому, кроме себя и своих ресурсов... Империализм, выставленный за дверь современным африканским национализмом, все еще может попытаться вернуться через окно» – сообщал Нкрума профсоюзным деятелям [Ahlman, 2021, p. 105].

Можно сделать вывод о том, что со времен деколонизации программа партии претерпела определенную эволюцию, которая, впрочем, не выбивается из логики антиколониального дискурса Нкрумы. Партия с изначальными установками на самоуправление и сотрудничество с метрополией все больше радикализировалась и заняла откровенно антиимпериалистическую позицию. При этом идеология становилась все более эклектичной и противоречивой. Однако попытки вывести страну из системы постколониальной эксплуатации, неравного обмена и периферийного экономического состояния встретили в условиях Холодной войны противодействие со стороны крупных международных акторов. Фактически НПК была одной из немногих институализированных сил бывшего национально-освободительного движения, которые по достижению независимости провозгласили задачу преодоления периферийного положения страны.

Из этого следует, что идеи Нкрумы и Партии Народного конвента являются актуальными для современного экономического состояния африканских стран. Многочисленные военные перевороты в ряде африканских стран (например, 2021 г. в Мали, 2022 г. в Буркина-Фасо и 2023 г. в Нигере) и антиевропейская риторика пришедших к власти хунт свидетельствует о сохранении противоречий в отношениях между бывшими колониями и метрополиями. Можно сказать, что идеи независимости и преодоления экономической отсталости продолжают быть популярными в африканском политическом дискурсе.

Библиографический список

Б. Г. Петрук – МИД СССР. Справка «Идеологический институт ЦК Народной партии конвента имени Кваме Нкрумы». 26 мая 1964 г. // Россия и Африка. Документы и материалы. 1961–начало 1970-х. М.: Политическая энциклопедия, 2021. 1006 с.

История Ганы в Новое и Новейшее время / под ред. А. А. Громыко. М.: Главная редакция восточной литературы, 1985. 303 с.

История национально-освободительной борьбы народов Африки в новейшее время / под ред. А. А. Громыко. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1978. 615 с.

Письмо Главного ученого секретаря ... о поездке И.И. Потехина в Гану // История Африки: люди и судьбы: сб. док. и матер. / под ред. Т.М. Гавристовой. Ярославль: ЯрГУ, 2016. 216 с.

Фурсов К. А. Демонтаж колониальных империй: роли западных спецслужб // Свободная мысль. 2020. № 6. С. 35-44

Ahlman J. S. Kwame Nkrumah. Visions of Liberation. Athens: Ohio University Press, 2021. 2018 p.

Colonial office report on the gold coast for the year 1951. London: Her Majesty's stationery office, 1952. 132 p.

Convention People's Party (CPP). Programme of the Convention People's Party «For Work and Happiness». Accra, (n. d.). 1962. 74 p.

Grilli M. Nkrumaism and African Nationalism: Ghana's Pan-African Foreign Policy in the Age of Decolonization. Bloemfontein: Palgrave Macmillan, 2018. 366 p.

Hatch J. The History of Britain in Africa. From the Fifteenth Century to the Present. New York: Frederick A. Praeger, Inc., Publishers, 1969. 320 p.

Memorandum for the Deputy Director of Central Intelligence (Helms). Washington, February 25, 1966. The Office of the Historian. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v24/d257> (дата обращения: 27.11.2023).

Memorandum From the President's Deputy Special Assistant for National Security Affairs (Rostow) to President Kennedy. Washington, September 13, 1961. The Office of the Historian. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1961-63v21/d230> (дата обращения: 27.11.2023).

Nkrumah K. Axioms of Kwame Nkrumah: Freedom Fighter's Edition. London: Panaf Books Ltd, 1969. 131 p.

Nkrumah K. Movement for Colonial Freedom. Clark Atlanta University // Phylon (1940–1956). Vol. 16, No. 4 (4th Qtr., 1955). 1963. P. 397–409

Nkrumah K. Towards colonial freedom: Africa in the struggle against world imperialism. London: Heinemann Educational Books Ltd, 1962. 45 p.

Stockwell J. In Search of Enemies: A CIA Story. New York: W.W. Norton, 1984. 289 p.

THE POLITICAL ATTITUDES OF THE OF THE CONVENTION PEOPLE'S PARTY IN THE CONTEXT OF THE GOLD COAST DECOLONIZATION PROCESS

Klyam Viktor A.
Perm State University,
614990, Russian Federation, Perm, Bukireva str., 15,
ivitia56@gmail.com

The article provides a brief overview of the ideology, political program and socio-political ideas of the Convention People's Party, the ruling party in the former colony of the Gold Coast after decolonization. The political attitudes of the party, which are quite eclectic and have undergone a certain evolution, are considered in the context of decolonization and the conjuncture of the Cold War. The main attention is paid to Kwame Nkrumah, the leader of the party and its main theorist.

Key words: Gold Coast; Cold War; decolonization; Kwame Nkrumah; Convention People's Party; national liberation movement; postcolonialism.

ВЛИЯНИЕ ПОЛЯРИЗАЦИИ АМЕРИКАНСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ XXI ВЕКА НА ПРАВЫЕ ТЕЧЕНИЯ В ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ США

Неволин Сергей Юрьевич

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
614990, Россия, Пермь, ул. Букирева, 15,
sergeyunevolin@gmail.com

За последние 30 лет американская политическая система значительно поляризовалась. Друг от друга идеологически отдалились как политики от Республиканской и Демократической партий США, так и их наиболее убежденные избиратели. Исследователи указывают, что процесс поляризации снизил популярность центризма в американском политическом дискурсе и привел к упадку таких течений, как консервативные (правые) демократы. Тому, как на фоне развивающейся с 1990-ых по 2010-е годы поляризации изменилось положение правых сил внутри Демократической партии посвящено данное исследование.

Ключевые слова: США; политическая система; поляризация; партийная сортировка; Демократическая партия; консервативные (правые) демократы.

С середины 1990 по середину 2010 годов число граждан США на левом и правом «краях» идеологического компаса увеличилось с 10 до 21%. По данным Pew Research Center представители Республиканской и Демократической партий значительно отдалились от идеологического центра и друг от друга. В 2014 г. 92% убежденных сторонников Республиканцев оказались идеологически «правее» среднего сторонника Демократов, а 94% убежденных демократов были «левее» среднего республиканца. Двадцатью годами ранее эти показатели составляли 64% и 70% соответственно [Horowitz, McGeeney, Tyson]. Резкое идеологическое расхождение сторонников партий друг от друга на 20-30% ясно сигнализировало о том, что американская политическая система к 2010 гг. оказалась крайне поляризованной.

Поляризация – это процесс размежевания политических (партийных) элит и избирателей по идеологическим вопросам, который ведет к социально-политической дестабилизации в стране [Печатнов, 2010, с. 6; Fiorina, Abrams, 2008, р. 565]. При воздействии этого феномена в обществе усиливается конфликтность, а антагонизм двух оппонирующих партий значительно усложняет разрешение возникающих споров. Данные Pew Research Center продемонстрировали поляризацию избирателей, а точнее партийных активистов

– наиболее убежденных сторонников партий, которые активно вносят финансовые пожертвования и голосуют на праймериз, становясь таким образом самой влиятельной частью электората [Horowitz, McGeeney, Tyson]. Наглядным показателем роста поляризации американских политических элит является статистика работы Сената США. С 1994 по 2014 г. более чем в четыре раза (с 46 до 218, рост 474%) увеличилось количество случаев обструкции – инициирования оппозицией бесконечных дебатов по законопроектам для того, чтобы не дать правящей партии их принять. В среднем в 1991–2000 гг. было по 51 случаю обструкции в год, а с 2011 по 2020 гг. этот показатель вырос до 176 – более чем в три раза [Cloture Motions].

Итак, данные по поляризации избирателей и политических элит демонстрируют значительное усиление идеологического конфликта между демократами и республиканцами за 20 лет. Это повлекло за собой множество исследований о том, как поляризация влияет на эффективность работы институтов и к каким электоральным последствиям ведет. Большая часть этих научных изысканий обходила стороной процессы, происходившие среди центристских сил. Выводы о положении консервативных демократов и либеральных республиканцев, составляющих центристскую часть американской политической сцены, в условиях поляризации проводились по остаточному принципу на основе изучения представителей радикальных правых и левых сил внутри партий [Каневский, 2017; Jacobson, 2000; Тербер, 2016]. В связи с этим остался плохо изученным вопрос о том, как фактор поляризации американской политической системы в XXI в. повлиял на силу центристских течений в политическом дискурсе США, а именно среди партийных элит.

Данное исследование фокусируется на представленности правых (консервативных) течений в Демократической партии США. Такой выбор связан с устоявшимся мнением в обществе и научной среде о том, что одним из ключевых следствий поляризации стала постепенная потеря Демократами позиций на консервативном Юге США [Jacobson, 2000, p. 6]. Долгое время в XX в. Демократическая партия могла позволить себе большинство в обеих палатах Конгресса благодаря традиционной поддержке на Юге США и либеральной политике на Севере. Лояльность Юга стала подтачиваться, когда партия стала активно дрейфовать от консервативных южных ценностей влево в период борьбы за гражданские права в 1950–60-х годах. В то же время Республиканская партия стала постепенно сдвигаться вправо и все чаще апеллировать ко многим традиционным ценностям, близким Югу [Ibid.]. Демократическая и Республиканская партии по-

степенно лишались своего идеологического разнообразия, став более однородно-либеральными и однородно-консервативными соответственно [Печатнов, 2010, с. 6–7]. Это повлекло за собой сортировку избирателей и политиков по партиям, отражающим их идеологические позиции [Jacobson, 2000, р. 8]. Консерватизм стал чужим в Демократической партии, он не соответствовал интересам демократов, и их руководство, действуя рационально для достижения власти, стало меньше поддерживать предвыборные кампании своих консерваторов. В результате таких решений, как предполагается, в течение 1990–2010-х годов консервативные демократы с Юга либо перешли к республиканцам, либо проиграли им свои посты.

Таким образом, в основу этого исследования ложатся следующие гипотезы: усиление поляризации политической системы США в XXI в. привело к уменьшению представленности правых (консервативных) течений в Демократической партии; ключевым фактором их ослабления стала потеря своих позиций на Юге США; всю или большую часть этих позиций заняла Республиканская партия.

Чтобы выяснить, как изменилась представленность консервативных демократов в партии под влиянием поляризации, было проведено сравнение составов делегаций в Палате представителей от одних и тех же штатов в двух временных промежутках: 1999–2001 и 2015–2017 годах. При подборе использовалась стратегия максимального сходства. Выборы 1998 и 2014 гг., определившие состав тех созывов Палаты представителей, – это промежуточные выборы в Конгресс, которые происходили за два года до новых президентских выборов, на которых действующий глава государства не мог вновь переизбираться. Таким образом, данная выборка позволяет сконцентрироваться на влиянии феномена поляризации и нивелирует возможность влияния на результаты каких-либо других факторов, например, переизбрания популярного президента.

В рамках исследования рассматривались составы делегаций восьми штатов: Невады, Колорадо, Миссури, Индианы, Коннектикута, Техаса, Мэриленда, Миссисипи. Выбор был сделан по принципу максимального различия – все перечисленные регионы находятся в разных группах Бюро экономического состояния США [Statistical Areas], не граничат друг с другом и представляют собой как экономически развитые регионы, так отстающие [Gross Domestic Product...]. Подобный подход к выборке позволил создать наиболее репрезентативную модель влияния поляризации на результаты во всех штатах.

Было подсчитано, сколько демократов было в делегации каждого штата в оба временных промежутка, после чего методом контент-анализа предвыборных вебсайтов политиков была определена их принадлежность к консервативным или

неконсервативным демократам [Library of Congress]. Книга бывшего сенатора-демократа Зелла Миллера, идентифицирующего себя как консервативного демократа, позволила дать определение такому виду политика [Miller, 2003]. Консервативный демократ – это член Демократической партии США, находящийся по центру идеологического спектра и совмещающий позиции либералов и консерваторов либо поровну, либо с преимуществом консервативных идей [Ibid. P. 17]. Несмотря на все разнообразие американской политической мысли, проблем и концептов, присутствующих в ней, можно выделить шесть ключевых идеологических позиций, по которым в США идет разделение на либералов и консерваторов. К либералам принято относить сторонников защиты прав женщин на аборты, защиты сексуальных меньшинств, ограничения прав граждан на приобретение и владение оружием, создания и сохранения государственных социальных программ, высоких налогов и ограничений для корпораций [Согрин, 2018, с. 234]. Противоположные идеи считаются консервативными [Хворостяный, с. 49].

В рамках контент-анализа (см. таблицу) подсчитывалось количество упоминаний той или иной идеологической позиции на сайтах конгрессменов-демократов и их оценочное отношение к этим позициям.

Таблица 1

Контент-анализ предвыборных сайтов членов Палаты представителей

Категории	Подкатегории	Признаки (предложение)	Количественные единицы счета	Качественные единицы счета (оценочное отношение к тезису)	
			Частота появления признака	+	–
1. Диана Дегетт (Колорадо, 1999, 2015)	1.1. Экономические позиции	1.1.1. Поддержка государственных социальных программ	4	✓	
		1.1.2. Поддержка ограничений для корпораций	2	✓	
	1.2. Культурные позиции	1.2.1. Поддержка права на аборты	6	✓	
		1.2.2. Поддержка прав сексуальных меньшинств	1	✓	
		1.2.3. Ограничение права граждан на владение оружием	2	✓	
2. Марк Удалл (Колорадо, 1999)	1.1. Экономические позиции	1.1.1. Поддержка государственных социальных программ	16	✓	
		1.1.2. Поддержка ограничений для корпораций	5	✓	
		1.1.3. Повышение налогов	6	✓	
	1.2. Культурные позиции	1.2.1. Поддержка права на аборты	15	✓	
		1.2.2. Поддержка прав сексуальных меньшинств	14	✓	
		1.2.3. Ограничение права граждан на владение оружием	4	✓	

Продолжение табл. 1.

Категории	Подкатегории	Признаки (предложение)	Количественные единицы счета	Качественные единицы счета (оценочное отно- шение к тезису)	
3. Джон Ларсон (Коннектикут, 1999, 2015)	1.1. Экономиче- ские позиции	1.1.1. Поддержка государ- ственных социальных про- грамм	10	✓	
		1.1.2. Поддержка ограничений для корпораций	4	✓	
4. Роза ДеЛауро (Коннектикут, 1999, 2015)	1.1. Экономиче- ские позиции	1.1.1. Поддержка государ- ственных социальных про- грамм	6	✓	
		1.1.2. Поддержка ограничений для корпораций	9	✓	
		1.1.3. Повышение налогов	4		✓
	1.2. Культурные позиции	1.2.1. Поддержка права на аборты	2	✓	
		1.2.2. Ограничение права граждан на владение оружием	1	✓	
6. Сэм Гейден- сон (Коннекти- кут, 1999)	1.1. Экономиче- ские позиции	1.1.1. Поддержка государ- ственных социальных про- грамм	–	–	–
7. Питер Виск- лоски (Индиана, 1999, 2015)	1.1. Экономиче- ские позиции	1.1.1. Поддержка государ- ственных социальных про- грамм	8	✓	
		1.1.2. Поддержка ограничений для корпораций	5	✓	
		1.1.3. Повышение налогов	10	✓	
	1.2. Культурные позиции	1.2.1. Ограничение права граждан на владение оружием	1	✓	
8. Тим Ремер (Индиана, 1999)	1.1. Экономиче- ские позиции	1.1.1. Поддержка государ- ственных социальных про- грамм	2		✓
		1.1.2. Повышение налогов	3		✓
9. Барон Хилл (Индиана, 1999)	1.1. Экономиче- ские позиции	1.1.1. Поддержка государ- ственных социальных про- грамм	6	✓	
		1.1.2. Поддержка ограничений для корпораций	1	✓	
		1.1.3. Повышение налогов	9		✓
	1.2. Культурные позиции	1.2.1. Поддержка права на аборты	7		✓
		1.2.2. Поддержка прав сексу- альных меньшинств	1		✓
		1.2.3. Ограничение права граждан на владение оружием	2		✓
10. Джулия Карсон (Индиана, 1999)	1.1. Экономиче- ские позиции	1.1.1. Поддержка государ- ственных социальных про- грамм	5	✓	
	1.2. Культурные позиции	1.2.1. Поддержка права на аборты	5	✓	
		1.2.2. Ограничение права граждан на владение оружием	1	✓	

Продолжение табл. 1

Категории	Подкатегории	Признаки (предложение)	Количественные единицы счета	Качественные единицы счета (оценочное отно- шение к тезису)	
11. Бенджамин Карден (Мэриленд, 1999)	1.1. Экономические позиции	1.1.1. Поддержка государственных социальных программ	18	✓	
		1.1.2. Поддержка ограничений для корпораций	1	✓	
		1.1.3. Повышение налогов	10	✓	
	1.2. Культурные позиции	1.2.1. Поддержка прав сексуальных меньшинств	1	✓	
		1.2.2. Ограничение права граждан на владение оружием	6	✓	
12. Альберт Винн (Мэриленд, 1999)	1.1. Экономические позиции	1.1.1. Поддержка государственных социальных программ	12	✓	
		1.1.2. Поддержка ограничений для корпораций	2	✓	
		1.1.3. Повышение налогов	1	✓	
	1.2. Культурные позиции	1.2.1. Ограничение права граждан на владение оружием	15	✓	
13. Стени Хойер (Мэриленд, 1999, 2015)	1.1. Экономические позиции	1.1.1. Поддержка государственных социальных программ	18	✓	
		1.1.2. Поддержка ограничений для корпораций	3	✓	
		1.1.3. Повышение налогов	4	✓	
14. Элайджа Каммингс (Мэриленд, 1999, 2015)	1.1. Экономические позиции	1.1.1. Поддержка государственных социальных программ	21	✓	
		1.1.2. Поддержка ограничений для корпораций	8	✓	
		1.1.3. Повышение налогов	1		✓
	1.2. Культурные позиции	1.2.1. Ограничение права граждан на владение оружием	6	✓	
15. Бенни Томпсон (Миссисипи, 1999, 2015)	1.1. Экономические позиции	1.1.1. Поддержка государственных социальных программ	16	✓	
16. Ронни Шоус (Миссисипи, 1999)	1.1. Экономические позиции	1.1.1. Поддержка государственных социальных программ	5	✓	
		1.1.2. Поддержка ограничений для корпораций	3	✓	
		1.1.3. Повышение налогов	2		✓
	1.2. Культурные позиции	1.2.1. Поддержка права на аборты	7		✓
		1.2.2. Ограничение права граждан на владение оружием	6		✓
17. Джин Тейлор (Миссисипи, 1999)	1.1. Экономические позиции	1.1.1. Поддержка государственных социальных программ	14		✓
		1.1.2. Поддержка ограничений для корпораций	6	✓	
		1.1.3. Повышение налогов	5		✓
	1.2. Культурные позиции	1.2.1. Поддержка права на аборты	15		✓
		1.2.2. Ограничение права граждан на владение оружием	2		✓
		1.1.2. Поддержка ограничений для корпораций	1	✓	
		1.1.3. Повышение налогов	1		✓

Продолжение табл. 1

Категории	Подкатегории	Признаки (предложение)	Количественные единицы счета	Качественные единицы счета (оценочное отно- шение к тезису)	
18. Билл Клэй (Миссури, 1999, 2015)	1.1. Экономиче- ские позиции	1.1.1. Поддержка госу- дарственных социальных про- грамм	–	–	–
19. Дик Ге- фардт Миссури, 1999)	1.1. Экономиче- ские позиции	1.1.1. Поддержка госу- дарственных социальных про- грамм	–	–	–
20. Айк Скел- тон (Миссури, 1999)	1.1. Экономиче- ские позиции	1.1.1. Поддержка госу- дарственных социальных про- грамм	5		✓
		1.1.2. Поддержка ограничений для корпораций	1	✓	
		1.1.3. Повышение налогов	1		✓
	1.2. Культурные позиции	1.2.1. Поддержка права на аборты	1		✓
21. Карен Мак- карти (Мис- сури, 1999)	1.1. Экономиче- ские позиции	1.1.1. Поддержка госу- дарственных социальных про- грамм	4	✓	
22. Пэт Дэннер (Миссури, 1999)	1.1. Экономиче- ские позиции	1.1.1. Поддержка госу- дарственных социальных про- грамм	–	–	–
23. Шелли Беркли (Невада, 1999)	1.1. Экономиче- ские позиции	1.1.1. Поддержка госу- дарственных социальных про- грамм	27	✓	
		1.1.2. Поддержка ограничений для корпораций	4	✓	
	1.2. Культурные позиции	1.2.1. Поддержка права на аборты	1	✓	
24. Макс Сэндлин (Техас, 1999)	1.1. Экономиче- ские позиции	1.1.1. Поддержка госу- дарственных социальных про- грамм	12	✓	
		1.1.2. Повышение налогов	1		✓
	1.2. Культурные позиции	1.2.1. Ограничение права граждан на владение оружием	1		✓
25. Джим Тер- нер (Техас, 1999)	1.1. Экономиче- ские позиции	1.1.1. Поддержка госу- дарственных социальных про- грамм	3	✓	
		1.1.2. Повышение налогов	6		✓
	1.2. Культурные позиции	1.2.3. Ограничение права граждан на владение оружием	13		✓
26. Ральф Муди Холл (Техас, 1999)	1.1. Экономиче- ские позиции	1.1.1. Поддержка госу- дарственных социальных про- грамм	7		✓
		1.1.2. Повышение налогов	10		✓
	1.2. Культурные позиции	1.2.1. Поддержка права на аборты	1	✓	
		1.2.2. Ограничение права граждан на владение оружием	2		✓
27. Николас Лэмпсон (Техас, 1999)	1.1. Экономиче- ские позиции	1.1.1. Поддержка госу- дарственных социальных про- грамм	10	✓	
		1.1.2. Поддержка ограничений для корпораций	1	✓	
		1.1.3. Повышение налогов	19		✓

Продолжение табл. 1

Категории	Подкатегории	Признаки (предложение)	Количественные единицы счета	Качественные единицы счета (оценочное отно- шение к тезису)	
28. Ллойд Дог- гетт (Техас, 1999, 2015)	1.1. Экономиче- ские позиции	1.1.1. Поддержка государ- ственных социальных про- грамм	8	✓	
		1.1.2. Поддержка ограничений для корпораций	6	✓	
29. Чет Эдвардс (Техас, 1999)	1.1. Экономиче- ские позиции	1.1.1. Поддержка государ- ственных социальных про- грамм	6	✓	
		1.1.2. Поддержка ограничений для корпораций	1	✓	
		1.1.3. Повышение налогов	3		✓
	1.2. Культурные позиции	1.2.1. Ограничение права граждан на владение оружием	13		✓
30. Рубен Ино- хоса (Техас, 1999, 2015)	1.1. Экономиче- ские позиции	1.1.1. Поддержка государ- ственных социальных про- грамм	10	✓	
		1.1.2. Поддержка ограничений для корпораций	7	✓	
		1.1.3. Повышение налогов	4		✓
31. Сильвестр Рейес (Техас, 1999)	1.1. Экономиче- ские позиции	1.1.1. Поддержка государ- ственных социальных про- грамм	24	✓	
32. Чарльз Стенхольм (Техас, 1999)	1.1. Экономиче- ские позиции	1.1.1. Поддержка государ- ственных социальных про- грамм	7	✓	
		1.1.2. Повышение налогов	7		✓
	1.2. Культурные позиции	1.2.1. Поддержка права на аборты	6		✓
33. Шейла Ли (Техас, 1999, 2015)	1.1. Экономиче- ские позиции	1.1.1. Поддержка государ- ственных социальных про- грамм	24	✓	
34. Чарли Гон- салес (Техас, 1999)	1.1. Экономиче- ские позиции	1.1.1. Поддержка государ- ственных социальных про- грамм	7	✓	
35. Мартин Фрост (Техас, 1999)	1.1. Экономиче- ские позиции	1.1.1. Поддержка государ- ственных социальных про- грамм	2	✓	
36. Кен Бентсен (Техас, 1999)	1.1. Экономиче- ские позиции	1.1.1. Поддержка государ- ственных социальных про- грамм	4	✓	
		1.1.2. Поддержка ограничений для корпораций	1	✓	
37. Соломон Ортис (Техас, 1999)	1.1. Экономиче- ские позиции	1.1.1. Поддержка государ- ственных социальных про- грамм	8	✓	
38. Сиро Родри- гес (Техас, 1999)	1.1. Экономиче- ские позиции	1.1.1. Поддержка государ- ственных социальных про- грамм	5	✓	
		1.1.2. Поддержка ограничений для корпораций	1	✓	
		1.1.3. Повышение налогов	1		✓

Продолжение табл. 1

Категории	Подкатегории	Признаки (предложение)	Количественные единицы счета	Качественные единицы счета (оценочное отно- шение к тезису)	
39. Джин Грин (Техас, 1999, 2015)	1.1. Экономиче- ские позиции	1.1.1. Поддержка государ- ственных социальных про- грамм	6	✓	
		1.1.2. Повышение налогов	3	✓	
40. Эдди Джон- сон (Техас, 1999, 2015)	1.1. Экономиче- ские позиции	1.1.1. Поддержка государ- ственных социальных про- грамм	5	✓	
		1.1.2. Поддержка ограничений для корпораций	1	✓	
41. Джаред По- лис (Колорадо, 2015)	1.1. Экономиче- ские позиции	1.1.1. Поддержка государ- ственных социальных про- грамм	27	✓	
		1.1.2. Поддержка ограничений для корпораций	10	✓	
		1.1.3. Повышение налогов	2	✓	
	1.2. Культурные позиции	1.2.1. Поддержка прав сексу- альных меньшинств	64	✓	
42. Эд Перлмут- тер (Колорадо, 2015)	1.1. Экономиче- ские позиции	1.1.1. Поддержка государ- ственных социальных про- грамм	12	✓	
		1.1.2. Поддержка ограничений для корпораций	7	✓	
		1.1.3. Повышение налогов	1		✓
	1.2. Культурные позиции	1.2.1. Поддержка права на аборты	6	✓	
		1.2.2. Поддержка прав сексу- альных меньшинств	6	✓	
43. Джо Кортни (Коннектикут, 2015)	1.1. Экономиче- ские позиции	1.1.1. Поддержка государ- ственных социальных про- грамм	9	✓	
		1.1.2. Поддержка ограничений для корпораций	3	✓	
44. Джим Хаймс (Коннектикут, 2015)	1.1. Экономиче- ские позиции	1.1.1. Поддержка государ- ственных социальных про- грамм	20	✓	
		1.1.2. Поддержка ограничений для корпораций	6	✓	
		1.1.3. Повышение налогов	4	✓	
	1.2. Культурные позиции	1.2.1. Поддержка права на аборты	12	✓	
		1.2.2. Поддержка прав сексу- альных меньшинств	16	✓	
45. Элизабет Эсти (Коннектикут, 2015)	1.1. Экономиче- ские позиции	1.1.1. Поддержка государ- ственных социальных про- грамм	31	✓	
		1.1.2. Поддержка ограничений для корпораций	4	✓	
		1.1.3. Повышение налогов	1	✓	
	1.2. Культурные позиции	1.2.1. Поддержка права на аборты	5	✓	
		1.2.2. Поддержка прав сексу- альных меньшинств	6	✓	
		1.2.3. Ограничение права граждан на владение оружием	4	✓	

Продолжение табл. 1

Категории	Подкатегории	Признаки (предложение)	Количественные единицы счета	Качественные единицы счета (оценочное отно- шение к тезису)	
46. Андре Кар- сон (Индиана, 2015)	1.1. Экономиче- ские позиции	1.1.1. Поддержка государ- ственных социальных про- грамм	46	✓	
		1.1.2. Поддержка ограничений для корпораций	6	✓	
		1.1.3. Повышение налогов	5		✓
47. Датч Руп- персбергер (Мэриленд, 2015)	1.1. Экономиче- ские позиции	1.1.1. Поддержка государ- ственных социальных про- грамм	21	✓	
		1.1.2. Поддержка ограничений для корпораций	3	✓	
		1.1.3. Повышение налогов	6	✓	
48. Джон Сарбейнс (Мэ- риленд, 2015)	1.1. Экономиче- ские позиции	1.1.1. Поддержка государ- ственных социальных про- грамм	7	✓	
		1.1.2. Поддержка ограничений для корпораций	1	✓	
	1.2. Культурные позиции	1.2.1. Поддержка права на аборты	2	✓	
49. Донна Эд- вардс (Мэри- ленд, 2015)	1.1. Экономиче- ские позиции	1.1.1. Поддержка государ- ственных социальных про- грамм	31	✓	
		1.1.2. Поддержка ограничений для корпораций	3	✓	
		1.1.3. Повышение налогов	3	✓	
50. Джон Де- лани (Мэри- ленд, 2015)	1.1. Экономиче- ские позиции	1.1.1. Поддержка государ- ственных социальных про- грамм	43	✓	
		1.1.2. Поддержка ограничений для корпораций	3	✓	
		1.1.3. Повышение налогов	3		✓
	1.2. Культурные позиции	1.2.1. Поддержка права на аборты	2	✓	
51. Крис Ван Холлен (Мэ- риленд, 2015)	1.1. Экономиче- ские позиции	1.1.1. Поддержка государ- ственных социальных про- грамм	7	✓	
		1.1.2. Поддержка ограничений для корпораций	1	✓	
52. Эмануэль Кливер (Мис- сури, 2015)	1.1. Экономиче- ские позиции	1.1.1. Поддержка государ- ственных социальных про- грамм	37	✓	
		1.1.2. Поддержка ограничений для корпораций	7	✓	
		1.1.3. Повышение налогов	3	✓	
53. Дина Ти- тус (Невада, 2015)	1.1. Экономиче- ские позиции	1.1.1. Поддержка государ- ственных социальных про- грамм	4	✓	
54. Эл Грин (Техас, 2015)	1.1. Экономиче- ские позиции	1.1.1. Поддержка государ- ственных социальных про- грамм	12	✓	
		1.1.2. Повышение налогов	1	✓	
	1.2. Культурные позиции	1.2.1. Поддержка прав сексу- альных меньшинств	1	✓	

Окончание табл. 1

Категории	Подкатегории	Признаки (предложение)	Количественные единицы счета	Качественные единицы счета (оценочное отношение к тезису)	
55. Бето О'Рурк (Техас, 2015)	1.1. Экономические позиции	1.1.1. Поддержка государственных социальных программ	12	✓	
56. Хоакин Кастро (Техас, 2015)	1.1. Экономические позиции	1.1.1. Поддержка государственных социальных программ	1	✓	
57. Генри Куэльяр (Техас, 2015)	1.1. Экономические позиции	1.1.1. Поддержка государственных социальных программ	13	✓	
		1.1.2. Поддержка ограничений для корпораций	5		✓
		1.1.3. Повышение налогов	36		✓
	1.2. Культурные позиции	1.2.1. Поддержка права на аборт	3		✓
58. Марк Визи (Техас, 2015)	1.1. Экономические позиции	1.1.1. Поддержка государственных социальных программ	17	✓	
	1.2. Культурные позиции	1.2.1. Поддержка права на аборт	1	✓	
		1.2.2. Поддержка прав сексуальных меньшинств	1	✓	
59. Филемон Вела (Техас, 2015)	1.1. Экономические позиции	1.1.1. Поддержка государственных социальных программ	2	✓	

Положительное отношение ко всем указанным в кодировочной карточке позициям означало принадлежность политика к либералам, а распределение позиций по принципу «от 50% консервативных до 100%» означало, что рассматриваемый демократ относится к консервативным.

В результате контент-анализа стало ясно, что в 1999 г. 11 демократов из 40 избранных в указанных ранее штатах были консервативными: Джим Мэлони, Тим Ремер, Барон Хилл, Ронни Шоус, Джин Тейлор, Аик Скелтон, Макс Сэндлин, Джим Тернер, Ральф Муди Холл, Чет Эдвардс и Чарльз Стенхольм. В 2015 г. среди всех демократов в этих штатах был лишь один консервативный демократ из избранных 32 – Генри Куэльяр. При этом он был избран на новое место, а не сохранил за партией какое-либо, занимавшееся ею еще в 1999 гг. Таким образом, за 16 лет Демократическая партия потеряла все места правых (консервативных) демократов, занимавшиеся ими в 1990-е гг., а общая доля консерваторов среди всех избранных от восьми штатов демократов резко сократилась с 27,5 до 3,125% (см. рис. 1).

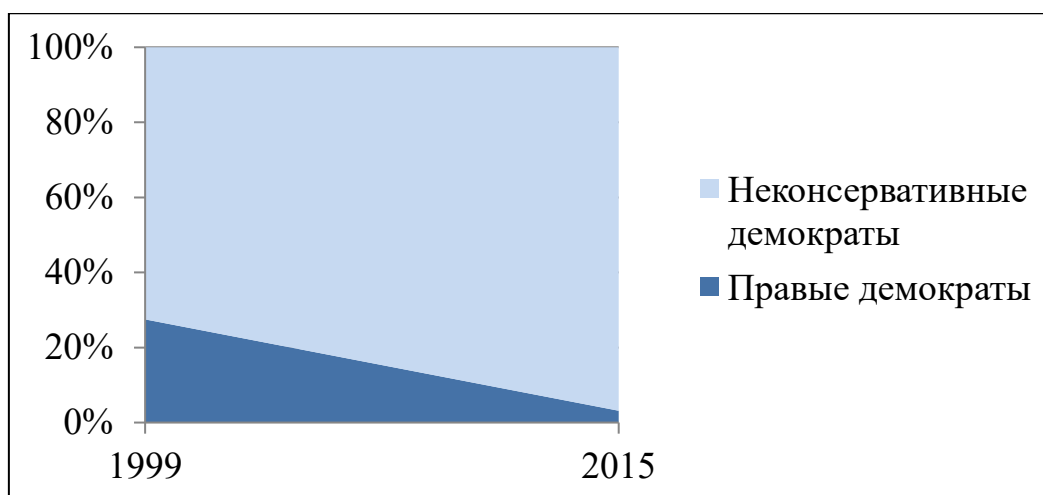


Рис. 1. Доля консервативных демократов в 1999 и 2015 годах

В результате сравнения также обнаружилось, что 63,6% консервативных демократов, работавших в Палате представителей в 1999 г., были представителями от южных штатов (бывших КША), еще 9% приходилось на штат Миссури, тяготевший к КША в годы Гражданской войны. Лишь 27% правых демократов были представителями северных штатов (см. табл. 1). Одиннадцать консервативных округов, потерянных партией к 2015 г. перераспределились следующим образом: 82% (9 округов) отошли к Республиканской партии, 9% (1 округ) отошли к неконсервативным демократам и еще 9% были потеряны вследствие расформирования округа из-за оттока населения из штата Миссисипи (см. рис. 2).

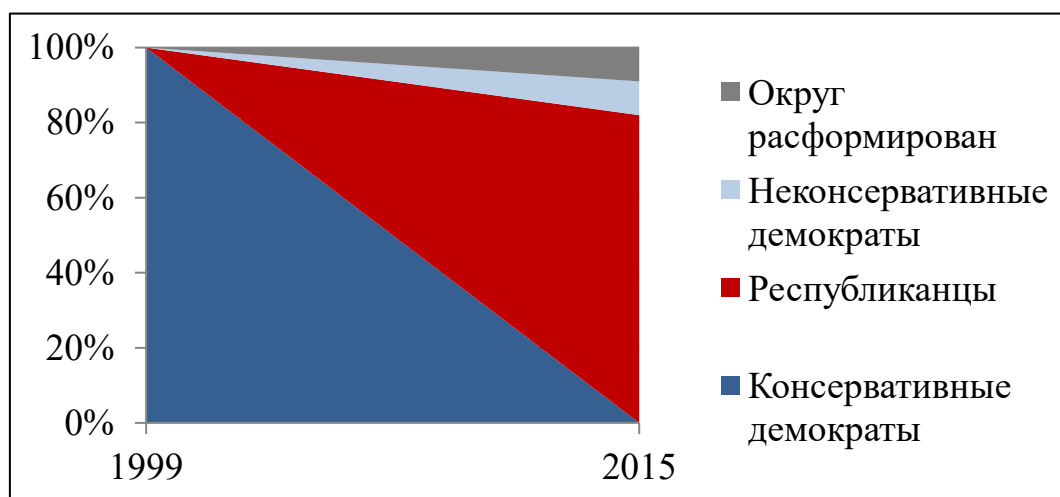


Рис. 2. Перераспределение округов консервативных демократов с 1999 года

Таким образом, большая часть потерь консервативных демократов в 2000-10-е гг. пришлась на потери в южных штатах, и большая часть избирателей этих «округов» была перехвачена политиками-республиканцами. Результаты иссле-

дования подтвердили все три поставленные гипотезы. С 1999 по 2015 г. параллельно процессу поляризации политических элит и избирателей, который был установлен как аксиома на основе данных от Pew Research Center и Сената США, происходила рассортировка идеологического центра – консервативные демократы стали чужими в либеральной Демократической партии, лишились поддержки и были вытеснены консервативными Республиканцами. При этом основная масса консервативных демократов, потерявших свои места, действительно представляла южные штаты, что подтверждает гипотезу о том, что ключевым фактором снижения представленности консервативных (правых) течений в Демократической партии стала потеря позиций на Юге США. Падение доли консервативных демократов во фракции партии в Палате представителей снизило их возможности влиять на принятие политических решений, тем самым ослабили правые течения в Демократической партии в целом.

Можно констатировать, что существует обратная связь между усилением поляризации политической системы США и представленностью правых течений в Демократической партии. Наибольший вклад в эту связь вносит партийная сортировка, лишаящая партии их идеологического разнообразия и снижающая шансы политиков, не придерживающихся основной партийной линии, на избрание и активное участие в жизни партии. Соответственно, в условиях поляризации политической системы, в которую входят избиратели и партийные элиты, идет ослабление центристских сил в американском политическом дискурсе.

Библиографический список

Каневский П. С. Социальные размежевания в американском обществе как фактор президентской кампании 2016 г. // Вестник Московского университета. 2017. № 4. С. 169–182.

Печатнов В. О. Поляризованная Америка // Вестник Московского государственного института международных отношений. 2010. № 2. С. 1–12.

Согрин В. В. Энциклопедия истории США: 1-е изд. М.: Весь Мир, 2018. 473 с.

Тербер Дж. А. Политическая поляризация, выборы 2016 г. В США и будущее американской демократии // Вестник Московского университета. 2016. № 3. С. 77–90.

Хворостяный А. А. Генезис американского консерватизма: от федералистов до неоконсерваторов // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2006. № S2. С. 41–51.

Cloture Motions // United States Senate. URL: <https://www.senate.gov/legislative/cloture/clotureCounts.htm> (дата обращения: 21.04.2021).

Fiorina M., Abrams S. Political Polarization in the American Public // Annual Review of Political Science. 2008. № 11. P. 563–588.

Gross Domestic Product by State, 4th Quarter 2020 and Annual 2020 (Preliminary) // Bureau of Economic Analysis. URL: <https://www.bea.gov/news/2021/gross-domestic-product-state-4th-quarter-2020-and-annual-2020-preliminary> (дата обращения: 18.12.2020).

Horowitz J. M., McGeeney K., Tyson A. Political Polarization in the American Public // Pew Research Center. URL: <https://www.pewresearch.org/politics/2014/06/12/political-polarization-in-the-american-public/> (дата обращения: 12.01.2021).

Jacobson G. Party Polarization in National Politics: The Electoral Connection // Polarized politics: Congress and the president in a partisan era. 2000. С. 1–22. Search Web Archives // Library of Congress. URL: <https://www.loc.gov/web-archives/> (дата обращения: 13.04.2021).

Miller Z. A National Party No More: The Conscience of a Conservative Democrat. Atlanta: Stroud & Hall Publishing, 2003. 237 с.

Statistical Areas // Bureau of Economic Analysis. URL: <https://apps.bea.gov/regional/docs/msalist.cfm?mlist=2> (дата обращения: 17.12.2020).

THE INFLUENCE OF POLARIZATION OF 21ST CENTURY AMERICAN POLITICAL SYSTEM ON THE RIGHT-WING FRACTION IN THE DEMOCRATIC PARTY OF THE US

Sergey Y. Nevolin
Perm State University,
614990, Russian Federation, Perm, Bukireva str., 15,
sergeyynevolin@gmail.com

Over the past 30 years, the American political system has become significantly polarized. Politicians from both the Republican and the Democratic parties, as well as their most convinced voters, have ideologically distanced themselves from each other. It is generally believed that the process of polarization has reduced the popularity of centrism in American political discourse and led to the decline of such movements as conservative (right-wing) Democrats. The study is devoted to how the position of the right-wing forces within the Democratic Party changed against the polarization strengthening from the 1990s to the 2010s.

Key words: The United States of America; political system; polarization; party sorting; the Democratic party; conservative (right-wing) Democrats.

РАЗОЧАРОВАНИЕ КАК ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ ПОСТМОДЕРНА

Рогаленко Никита Александрович

Национальный исследовательский университет ИТМО,
197101, Санкт-Петербург, Кронверкский проспект, д.49, литер А,
nikitalr@mail.ru

Исследование посвящено анализу влияния концепции «разочарования» на европейскую культуру и, в частности, на возникновение постмодернизма. Под разочарованием понимается, во-первых, концепция «расколдовывания мира» М. Вебера, то есть отказ от магического объяснения окружающих явлений в пользу объяснения научного; во-вторых, последовавший за ослаблением религиозного мировоззрения ценностный кризис человека, то есть неудовлетворенность миром. В рамках работы была предпринята попытка проследить генеалогию феномена разочарования в историческом разрезе. Кроме того, были сделаны выводы о фундаментальном значении «разочарования» для смыслового ядра постмодернизма, а также рассмотрены перспективные пути преодоления этой разочарованности в современной философии. Было сделано заключение об интеллектуальной среде постмодерна как о благодатной почве для возникновения новой «очарованности».

Ключевые слова: рационализация культуры; расколдовывание мира; крушение метанарративов; постмодернизм; метамодернизм; постсекулярность; постугманизм.

Введение

История Нового времени неразрывно связана с интеллектуализацией и рационализацией жизни человека во всех ее проявлениях. Развитие научного-технического прогресса и процесс секуляризации существенно изменили картину мира европейского человека. Так, позитивистское понимание мира как совокупности эмпирических фактов привело к отказу от объяснения природы через потусторонние силы, сделало мир принципиально познаваемым и исчисляемым, лишенным какой-либо таинственности. Этот феномен и характерные для него процессы М. Вебер охарактеризовал как «расколдовывание» мира или как «разочарование» в смысле снятия «чар» – магических и метафизических покровов мира. У человека появляется представление о том, что «стоит только захотеть, и в любое время все можно узнать» [Вебер, 1990, с. 713], что «всеми вещами в принципе можно овладеть путем расчета» [Там же, с. 714], как пишет об этом Вебер.

Подобная рационализированная картина мира и характерное для нее стремление научно объяснить и описать любые феномены в математических терминах приводят к ослаблению религиозного мировоззрения. Однако такой подход как альтернатива религии не предлагает никакой «этической компенсации» [Мюллер, Кильдюшов, 2017]. Религиозная вера, откровение, мистика отрезвляются сухими научными фактами, а смыслообразующие для человека вопросы поддаются забвению. Это приводит к ощущению бессмысленности и потерянности, то есть к разочарованию уже как к огорчению, неудовлетворенностью человека миром.

Исследование, проводимое в рамках данной работы, посвящено анализу становления, развития и влияния на культуру такой категории как «разочарование», понимаемой с обеих описанных позиций. Во-первых, это описанный Вебером переход от объяснения окружающего мира через мистику к теоретизированию сущего через науку и связанную с ним утрату ауры чудесности и непознанности [Вебер, 1990, с. 713–714]. Во-вторых, это переход к пессимистичному пониманию мира самим человеком, разочарование в его устройстве и связанное с этим чувство пустоты и неопределенности.

Отражением того, как «разочарованность мира» обернулась «разочарованностью в мире», стал постмодернизм. Постмодерн можно назвать воплощением тотального разочарования идеями модерна, выразившимся в деконструктивизме, провозглашении идеи «краха метанарративов» и кризиса субъекта. В ситуации, когда «высшие инстанции утратили право на определение обязательных идеалов» [Мюллер, Кильдюшов, 2017, с. 117], а окружающий мир подвергается объективации с помощью науки, обретение новых аксиологических оснований и путей преодоления этой «разочарованности» становится важной и актуальной проблемой, касающихся многих гуманитарных наук, среди которых философия, социология, искусствоведение и другие.

Целью работы является анализ влияния концепции «разочарования» на становление постмодернизма и определение тенденций и перспектив возможности ее преодоления в современных реалиях. Для достижения цели необходимо проследить формирование проблемы в исторической перспективе; определить влияние феномена разочарования на человека и общество постмодерна; выявить стратегии преодоления данного разочарования в современной философии.

Методологической основой послужили методы сравнения, индукции, дедукции, ретроспективный метод при анализе исторических предпосылок, философско-антропологический подход к исследованию человека. Теоретической же базой стали труды философов XX–XXI веков, в частности направлений пост- и

мета- модернизма, а также социологов, исследующих творчество М. Вебера, таких как Ю. Хабермас и Г.-П. Мюллер.

Генеалогия разочарования и рождение постмодернизма

В первую очередь, говоря о предпосылках возникновения феномена разочарования, стоит обратиться к социологии религии Ю. Хабермаса. Дополняя идеи Вебера, он описал потенциал рационализации картин мира, сложившихся в рамках разных культур. Хабермас отмечает различие религий по измерению и величине потенциала рационализации. Так, религии спасения тяготеют к этической рационализации, при этом имея существенные различия. Если религии Востока направлены на созерцание, мистический пассивный поиск спасения, ведущий к бегству от мира, то аскетический идеал христианства же наоборот содержит в себе установку на активный поиск спасения, на действие, поскольку в этом случае спасение человека происходит в его нравственных поступках. Для греческой античной философии же не характерна такого рода рационализация, в ней отсутствует «трансцендентная укорененность этики, всякое напряжение между заповедями потустороннего Бога и рукотворного мира» [Хабермас, 2010, с. 45]. Хабермас говорит о том, что в случае космологических картин мира, таких как греческая философия, имеет смысл говорить о когнитивной рационализации. Он утверждает, что «когнитивно рационализированная картина мира презентует мир как совокупность всех форм и процессов, доступных созерцательному представлению» [Там же, с. 46]. Греческое мирозерцание предстает примером созерцания теоретического, направленного в сторону «объективации мира в чисто теоретических аспектах» [Там же].

В рамках нашей темы принципиально важно, что в европейской традиции, как мы видим на рис. 1, встречаются два разнонаправленных миропонимания с высоким потенциалом рационализации. Этическая рационализация связана с решением проблемы теодицеи, в своем пределе она сводится к формализации диалога между «нуждающимся в спасении индивидом и потусторонней, морально требовательной инстанцией спасения» [Там же, с. 48], то есть к выделению этической сферы. Когнитивная рационализация ведет к общей демифологизации познания сущего. Своеобразный синтез этих установок обозначил внутренние предпосылки для особого пути развития европейской культуры, заключающегося в опредмечивании мира как со стороны объяснения структуры сущего, так и со стороны норм поведения. В совокупности с внешними социальными и историческими факторами эти предпосылки привели к «расколдовыванию мира», а впоследствии и к постмодернизму.

потенциал рационализации измерение рационализации	высокий	низкий	
этическое	овладение миром: иудаизм/христианство	бегство от мира: индуизм	религии спасения
когнитивное	миросозерцание: греческая философия	приспособление к миру: конфуцианство	космологически- метафизические картины мира
	Запад	Восток	

Рис. 1. Потенциал рационализации картин мира [Хабермас, 2010, с. 48]

Согласно Хабермасу столкновение христианской и античной греческой картин мира привело к поляризации их компонент, «к радикальному формированию в каждом случае специфических основных понятий религиозной этики убеждений, с одной стороны, и теоретически обоснованной космологии – с другой» [Хабермас, 2010, с. 49]. Трансцендентная составляющая мира отдалается от имманентной природы, они становятся двумя самодостаточными порядками, религиозная жизнь становится областью откровения, которое неподвластно рациональному осмыслению. В сфере материального же формируются принципы научного познания как способа объяснения и теоретизирования мира доступного человеческому опыту. В этот момент можно сказать о начале высвобождения таящегося рационализирующего потенциала.

С дальнейшим развитием науки объективация мира приобретает невиданные ранее масштабы. Технический прогресс кардинально меняет миропонимание людей, существенно расширяя границы мира и возможности его подчинения человеком; научные открытия служат практическим целям, упрощая жизнь человека во многих аспектах. Природа перестает быть обителью духов и волшеб-

ных сил, став измерением, понимаемым механически, доступным математическому расчету и эмпирическому опыту. Появляется то самое представление о мире, о котором говорил Вебер – о мире калькулируемом и познаваемом, о котором человек может узнать все, если захочет [Вебер, 1990, с. 713–714]. Ярким примером, в котором выражаются эти настроения, является философия позитивизма, для которой единственной формой познания признается эмпирическое описание фактов. При этом распространяется это и на науки социальные, что означает использование методов естественных наук применительно уже не только к природе, но и к человеку.

На фоне общей рационализации европейской культуры прослеживается и стремительное уменьшение роли религии в жизни человека. Для философов раннего Нового времени характерно представление о человеческом разуме как о величайшем творении Бога, о научном познании мира как о божественной миссии человека. Например, Г. Галилей, описывая различие науки и веры, говорит о «намерении Святого Духа научить нас, как попасть на небо, а не как перемещается небо» [Антисери, Реале, 2002, с. 217], как бы утверждая взаимодополняемость двух этих сфер. Тем не менее, с течением времени возникает обратное мнение – представление об антагонизме разума и веры. Развивается материализм и атеизм, в рамках которых религиозные формы сознания становятся грубыми предрассудками, конструктом, созданным самим человеком, порождением господствующего класса. Вместе с отказом от метафизического объяснения сущего в пользу объяснения научного мистическая составляющая христианства ослабевает, происходит секуляризация универсальной этической составляющей, что выражается, например, в протестантской этике, для которой характерна обращенность к мирской жизни и профессиональной деятельности.

В связи с этим можно говорить о постепенно сформировавшейся к началу XX в. во многом «расколдованной» картине мира как о результате процессов рационализации, в рамках которого трансцендентный корень всего сущего оказывается утрачен, а окружающие явления поддаются теоретическому описанию и научному объяснению. Таким образом свершилось разочарование как снятие магических покровов. Тем не менее, разочарование как неудовлетворенность человека миром еще не проявилось в полной мере, несмотря на уменьшение влияния христианского мировоззрения. На смену теоцентризму пришел антропоцентризм. Эпоха Просвещения сделала своей идеологической основой веру в гуманизм и во всепобеждающий разум человека; опору на факты и позитивное познание; идеи господства человека над природой, освобождения от угнетения и из-

бавления от любого рода мифов и суеверий. Лозунги Просвещения, призывающие, выражаясь словами И. Канта, иметь «мужество пользоваться собственным умом» [Кант, 1966, с. 25] стали новой ценностной основой, составили стержень модернового энтузиазма как искренней веры в прогресс и возможность достижения всеобщего процветания.

Но как же произошел переход от подобного воодушевления к миропониманию, характерному для постмодернизма? Как освобождение мира от «чар» повлекло за собой разочарование человека в созданной им картине мира?

Стоит учесть то, что оборотной стороной научно-технического прогресса и рационализации стал также и разного рода пессимизм в отношении рассматриваемых культурных веяний. Характерным его проявлением можно назвать метафору «смерти Бога», ницшеанское восклицание «Бог умер!» [Ницше, 1990, с. 593], постулирующее крах системы убеждений, выстроенной вокруг фигуры Бога, и тем самым суммирующее процессы секуляризации и расколдовывания. Утрата абсолютных ценностей, нигилизм как отрицание высших идеалов и связанный с ним кризис смысла составили накопившийся пессимистический потенциал европейской культуры и привели ее к концу XIX в. к состоянию декаданса и «мировой скорби».

Катализатором для реализации этого потенциала становятся исторические события – провалы так называемых «больших проектов». Так, вопрошанием о правильности курса, взятого Просвещением, можно назвать реакцию на террор, порожденный Великой французской революцией. Результатом этой революции стало принесение человеческого в жертву политическому, что поставило под сомнение идеалы светского гуманизма и представление о секулярном разуме как об основе развития человечества. Это отчетливо видно, когда мы говорим о таком художественном направлении как романтизм, расцвет которого пришелся как раз на период после революции. Восхваление идеалов чувственности, тяга к интуитивному, переосмысление христианских мотивов – саму возможность возникновения этих явлений можно назвать симптомами надвигающегося кризиса парадигмы классической рациональности. Однако пиковой точкой, в которой этот кризис стал очевиден, является XX в. Трагедия мировых войн показала несостоятельность идей гуманизма и окончательный крах проекта Просвещения. Развитие научно-технического прогресса не привело «свободное от чар» общество к всеобщему процветанию. Человек и сила его разума не оправдали возложенных на них надежд на «спасение» мира и не привели к светлому будущему.

В философской рефлексии мыслителей первой половины XX в. наблюдаются тенденции к негативной оценке итогов социально-культурной трансформации «расколдованного» эпохой рационализма мира. Показательна критика Просвещения Франкфуртской школой, в рамках которой оспаривается успешность демифологизации сознания человека – убрав старые мифы, Просвещение лишь создало новые, а разум стал не орудием освобождения человека, а тоталитарным инструментом его подчинения со стороны других людей. Кроме того, мир, упакованный в рамки математики и логики, не дает достаточных ценностных оснований для человека. Так, Э. Гуссерль в «Кризисе европейских наук», рассуждая о позитивизме, называет его «обезглавленной философией», порицая невозможность позитивной науки ответить на смыслообразующие для человека, переживающего тяжелейшие исторические потрясения, вопросы: «Наука, понятая лишь как эмпирическая наука, формирует лишь сугубо эмпирически-ориентированных людей. Переворот в общественной оценке науки был неизбежен; особенно после окончания мировой войны. Как известно, молодое поколение прониклось прямо-таки враждебным отношением. Наука — и это постоянно можно слышать — ничего не может сказать нам о наших жизненных нуждах. Она в принципе исключает вопросы, наиболее животрепещущие для человека, брошенного на произвол судьбы в наше злосчастное время судьбоносных преобразований, а именно вопросы о смысле или бессмысленности всего человеческого существования» [Гуссерль, 2000, с. 547]. Упаднические настроения и усталость от старого позитивного курса воплотились и в «Закате Европы» О. Шпенглера, в ощущении истощенности старого и в предчувствии скорой гибели европейской цивилизации [Шпенглер, 1993].

Вследствие вышеперечисленного можно говорить о появлении разочарования человека как неудовлетворенности миром, выразившейся в предчувствии «конца истории», конца эпохи, за которым следует пустота и неопределенность. После Второй мировой войны с высоты существующего исторического опыта стало ясно, что все то, что было лейтмотивом секулярной эпохи, со временем стало собственной противоположностью. Наука, которая некогда по своему духу была воплощением божественной миссии человека по познанию мира, была обвинена в забвении ценностных проблем того самого человека, а ее технические достижения послужили инструментами войны и угнетения. Таким образом, можно сказать, что потенциал рационализации оказался исчерпан, в результате чего и возникло такое всеобщее «разочарование» как синтез демифологизации познания и крушения просвещенческого метанарратива без ценностной компенсации со стороны науки. Пессимистическая установка раскрылась окончательно:

просвещенческий взгляд на мир не привел к разрешению конфликтов и противоречий в обществе, а смысловые ориентиры «разочарованного мира» после «смерти Бога» неизвестны и остаются туманными.

Именно такая оценка исторического итога развития европейского общества и созданное ей новое миропонимание составили смысловое ядро постмодернизма и легли в саму его основу. Постмодерн стал рефлексией и воплощением всеобщего разочарования, наблюдающегося общего чувства бессмысленности всего окружающего. Как отмечал Ж.-Ф. Лиотар, все философские и религиозные «метарассказы» распались, все грандиозные проекты по освобождению человека и человечества не состоялись, ни либерализм, ни марксизм, ни христианство, ни какая-либо философия не смогли достигнуть своих целей [Лиотар, 1998]. Поэтому и особенностями постмодернистской парадигмы мышления становятся черты противоположные и как бы отрицающие те положения, что были характерны для модернизма. Былой энтузиазм в отношении прогресса и линейного понимания истории как развития заменили деконструктивизм и ирония. Сущность постмодернизма во многом пессимистична и негативна, она направлена на игру со старым, на прошлое, а не на будущее.

Стратегии обретения новой очарованности

Отказываясь от любого рода линейности в пользу ризоматической структуры мира постмодернизм как бы постулирует невозможность вновь найти такой «вечный» единый ценностный стержень, вокруг которого будет строиться новая «очарованность» человека миром. Казалось бы, ясно, что если все проекты провалились, то нет больше смысла искать новый такой проект. Тем не менее, из духа постмодернизма и характерному для него отказу от любых догм во имя плюрализма рождаются новые возможности и новые перспективные пути к возвращению в новом качестве как «чар», придающих всему, что окружает человека, ауру загадочности, так и аксиологических оснований, которые могут стать опорой человеческого бытия. Выделим несколько из них.

Одним из таких путей является постсекулярность. Основные идеи постсекулярного заключаются в отказе от некогда распространенного понимания разума и рациональности исключительно в сциентистских границах. Происходит переоценка религиозных доктрин, пересмотр «наивного» понимания теологии как обители предрассудков и свойственных этому типу мышления бинарных оппозиций разума и веры. В противовес этому для постсекулярности характерно культивирование различных типов рациональности, необходимость «позволить цвести всем цветам» [Капуто, 2011, с. 202]. В своих исследованиях Д. Узланер пишет: «Соотношение секулярной философии и христианской теологии – это не

соотношение разум / вера, но соотношение одной рациональности, одного разума с другим» [Узланер, 2011, с. 10]. Постсекулярная ситуация – это «ситуация осознания того, что секулярное представляет лишь один из возможных вариантов решения теологических и метафизических вопросов» [Узланер, 2011, с. 16]. Суть комплекса постсекулярных воззрений в том, чтобы показать человеку, что в современности сформированная научным познанием имманентная рамка восприятия мира не исключает возможность религиозного опыта, но лишь формирует его иным образом по сравнению с прошлыми эпохами. Данная стратегия преодоления «разочарованности» возвращает религиозные элементы в духовную жизнь человека, снимая их противоречие с рациональностью, объявляя науку лишь возможной интерпретацией истины, а не ее абсолютной формой. Постсекулярное – это освобождение от дихотомии веры и разума, выстроенной Просвещением, в которой «не существует ни религиозной, ни секулярной мысли, есть просто мысль, которая может быть более или менее утонченной, более или менее догматичной» [Узланер, 2011, с. 29].

Другим способом преодоления «разочарованности» можно назвать философию метамодернизма. Она апеллирует к «колебаниям» как к основе бытия современного человека – между серьезностью и оптимизмом модерна, иронией и недоверием постмодерна. Как пишет Т. Вермюлен, метамодернизм находит свое наиболее яркое выражение в возникающей неоромантической чувствительности [Vermeulen, Van Den Akker, 2010]. Неоромантизм предлагает вечное устремленность к чему-то выходящему за рамки, желание «превратить бесконечное в конечное, понимая при этом, что это никогда не будет реализовано» [Ibid.]. Дух такой философии можно охарактеризовать как романтизацию самих попыток поиска нового смыслового ядра, нового такого большого проекта, при этом уже заранее понимая безуспешность этого предприятия. Человек постпостмодерна знает, что мир, которым он «очарован», не может быть таковым для него вечно. Он понимает, что когда-то его картина мира разочарует его, но отдается той системе ценностей, что находит отклик в нем в данный момент. Этот процесс и называется «новой искренностью», постоянным поиском «очарованности», в котором собственно сама «очарованность» и заключается, при этом не впадая в тотальность вечных и всеобъемлющих дискурсов модерна. Стоит отметить, что подобное отношение к жизни в некоторой степени созвучно словам Вебера, завершающим его доклад «Наука как призвание и профессия». Он говорит о возможном решении проблемы смысла человека через труд, о том, что каждый «найдет своего демона и будет послушен этому демону, ткущему нить его жизни» [Вебер, 1990, с. 734].

Однако возможно ли после расколдовывания мира наукой придать таинственность и загадочность самому сущему и окружающим нас явлениям и предметам? Важную роль в этом играют постгуманистические исследования. Как результат утраты субъектности человека постгуманистическое мировоззрение отвергает антропоцентризм и лидирующее место человека в картине мира. Оно предлагает по-новому взглянуть на мир как на равноправную сеть организмов и объектов, где животные, растения, и даже машины представляются равными между собой агентами, одинаково влияющими на мировую экосистему. Теряет свою исключительность даже история человечества. Антропоцен, будучи рассмотренным в масштабе геологического времени как периода формирования всей планеты в целом, становится лишь случайным мгновением. Таким образом, постгуманизм возвращает ауру таинственности и неизвестности миру посредством значительного расширения его границ в пространстве и времени, которые теперь не ограничиваются лишь непосредственно человеком, его восприятием действительности и даже рамками его существования как биологического вида. Если для человека загадочность в окружающих явлениях исчезла, и даже чудеса науки и техники уже стали обыденностью и будто бы частью природы, то постгуманизм пытается вникнуть в суть явлений со стороны нечеловеческих акторов.

Метод поиска «очарованности», свойственной идеям постгуманизма, стоит искать в искусстве. Ярким примером этого можно назвать искусство глубоких медиа, в фокусе внимания которых коллаборации современных технологий с явлениями природы. В произведениях художников этого направления сочетаются физические явления, химические элементы, объекты живой природы и технические продукты человеческой цивилизации. Как пример, работа Бориса Шершенкова «Electriflora», в рамках которой с использованием технологий человек может услышать и почувствовать токи переносимые «электрофлорой» города – стучки разных проводов, изоляторы и проч. [Что такое deep media]. Подобное искусство раздвигает границы привычного и заставляет вновь удивиться окружающему миру.

Очаровывание миром через искусство свойственно и для метамодернизма. Можно отметить пример, приводимый Вермюленом, – работу «I've decided to say nothing» Гленна Рубсамена (рис. 2). Здесь автор намеренно использует специальные эффекты, чтобы придать окружающей действительности «магическое» измерение, нечто неземное и выделяющееся [Vermeulen, Van Den Akker, 2010]. Подобное наблюдается и в архитектуре метамодерна, примером чему является здание филармонии в Гамбурге (рис. 3), в котором городская архитектура сочетается с крышей в форме морской волны, благодаря чему как бы «осциллирует» между двумя полюсами – урбаническим городским пейзажем и природными мотивами.



Рис. 2. Гленн Рубсамен, «I've decided to say nothing» [Vermeulen, Van Den Akker, 2010]



Рис. 3. Эльбская филармония [Vermeulen, Van Den Akker, 2010]

Заключение

Подводя итог, можно заключить, что процессы рационализации и секуляризации повлияли на мироощущение человека. В сочетании с тяжелыми историческими потрясениями, истощенностью парадигм классической рациональности и позитивного познания, переставших отвечать вызовам времени, разочарование мира как его теоретизация привело к разочарованию как к ценностному кризису, который выразился в пессимистическом отношении к миру и составил ядро постмодернистского миропонимания. Тем не менее, та свобода и плюрализм мнений, которые сложились в интеллектуальной среде постмодерна, стали благодатной почвой как для переосмысления религии, так и для поиска того, как «околдовать» наш мир вновь и наполнить его удивлением и смыслом, учитывая при этом исторический опыт провала «больших проектов».

Библиографический список

Антисери Д., Реале Дж. Западная философия от истоков до наших дней. От Возрождения до Канта. СПб.: Пневма, 2002. 880 с.

Вебер М. Избранные произведения: пер. с нем. / сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; предисл. П. П. Гайдено. М.: Прогресс, 1990. 808 с.

Гуссерль Э. Логические исследования. Картезианские размышления. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Кризис европейского человечества и философии. Философия как строгая наука. Минск: Харвест, М.: АСТ, 2000. 752 с.

Кант И. Сочинения в шести томах. М.: Мысль, 1966. Т. 6. 743 с.

Капуто Д. Как секулярный мир стал постсекулярным // Логос. 2011. №3. С. 186–205.

Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / пер. с фр. Н. А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. 160 с.

Мюллер Г. П., Кильдюшов О. Ведение жизни: систематический очерк в контексте исследовательской программы Макса Вебера // Социологическое обозрение. 2017. Т. 16. №3. С.111-135.

Ницше Ф. Сочинения в 2 т. Т. 1. / Составление, редакция изд., вступ. ст. и примеч. К. А. Свасьяна; пер. с нем. М.: Мысль. 1990. 829 с.

Узланер Д. Введение в постсекулярную философию // Философско-литературный журнал «Логос». 2011. №. 3 (82). С.3-32.

Хабермас Ю. Расколдовывание религиозно-метафизических картин мира и возникновение современных структур сознания / пер. с нем. Т. В. Тягуновой. // Социологическое обозрение. 2010. Т. 9. №.1. С.27-52.

Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. 1. Гештальт и действительность / пер. с нем., вступ. ст. и примеч. К. А. Свасьяна. М.: Мысль. 1993. 663 с.

Что такое deep media // Blueprint. URL: <https://theblueprint.ru/culture/specials/pushkinskij-deep-media> (дата обращения: 12.12.2023).

Vermeulen T., Van Den Akker R. Notes on metamodernism // Journal of aesthetics & culture. 2010. Vol. 2, No.1. P. 56–77.

DISILLUSIONMENT AS AN ONTOLOGICAL CATEGORY OF POSTMODERNITY

Rogalenko Nikita A.

ITMO National Research University,
197101, Russian Federation, St. Petersburg, Kronverksky Pr. 49, bldg. A,
nikitalr@mail.ru

The study is devoted to analyzing the influence of the concept of «disillusionment» on European culture and, in particular, on the emergence of postmodernism. Disillusionment is understood, firstly, as M. Weber's concept of « disenchantment of the world», i.e. the rejection of magical explanation of surrounding phenomena in favor of scientific explanation; and, secondly, as a human crisis of values, i.e. dissatisfaction with the world, which followed the weakening of the religious worldview. Within the framework of the work, an attempt was made to trace the genealogy of the phenomenon of disillusionment in the historical context. In addition, conclusions were drawn about the fundamental importance of «disillusionment» for the semantic core of postmodernism, and promising ways of overcoming this disillusionment in contemporary philosophy were considered. Ultimately, it was concluded that the intellectual environment of postmodernity is a fertile ground for the emergence of a new «enchantment».

Key words: *rationalization of culture; disenchantment of the world; collapse of metanarratives; postmodernism; metamodernity; postsecularity; posthumanism.*

Научное издание

ART OF SCIENCE

Материалы VII Международной гуманитарной
научно-практической конференции

(г. Пермь, ПГНИУ, 1–2 декабря 2023 г.)

Издается в авторской редакции
Техническая подготовка материалов: *А. Р. Ехлакова*

Объем данных 2,49 Мб
Подписано к использованию 10.12.2024

Размещено в открытом доступе
на сайте www.psu.ru
в разделе НАУКА / Электронные публикации
и в электронной мультимедийной библиотеке ELiS

Управление издательской деятельности
Пермского государственного
национального исследовательского университета
614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15